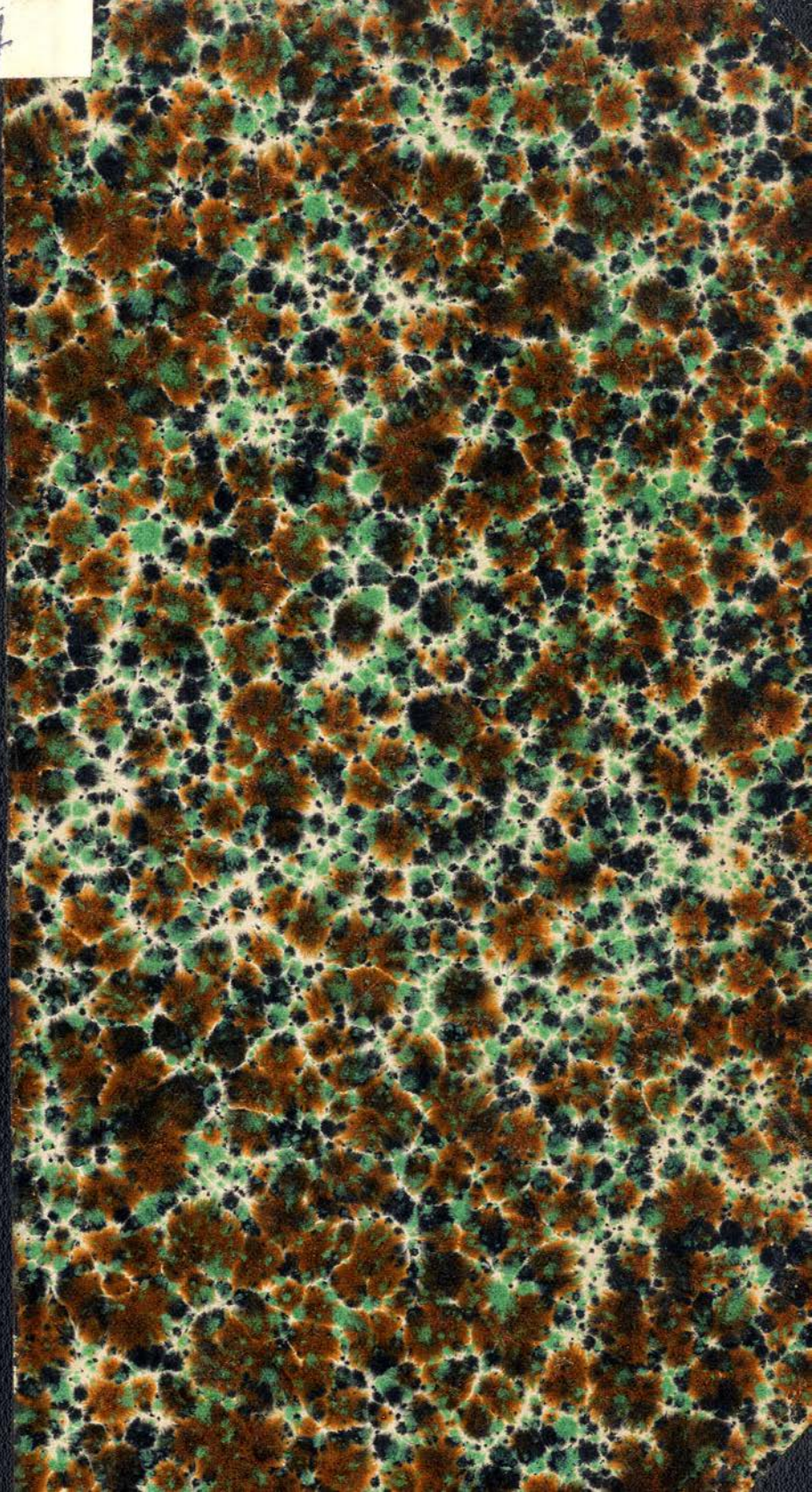

3247

3247

Приложеніе къ журналу «Карпатскій Свѣтъ».

ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНАГО ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ А. ДУНОВИЧА
ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 43.

Дръ Н. А. БЕСКИДЪ

КАРПАТОРУССКАЯ ДРЕВНОСТЬ

ЦѢНА Кч. 25.

1 9 2 8.

fix 26

100 - 10000 - 10000

Дръ Н. А. БЕСКИДЪ

КАРПАТОРУССКАЯ ДРЕВНОСТЬ

32247

Львів. Бібліотека
А. І. УжСР

УЖГОРОДЪ 1928
ИЗДАНИЕ ЛИТ. ОБЩ. ИМ. А. ДУХНОВИЧА.

2(с47.749)+1(с)9-54:91

570.

Д-р Н. М. БЕКНАЦЬ
КАРПАТОРУСЬКА
ДРЕВНОСТЬ

Перепечатка воспрещается.
Всѣ права по изданію и переводу принадлежатъ автору.

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ ~~И 58644~~ Вту

ТИПОГРАФІЯ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ ПРЯШЕВѢ.

Предисловіе.

Древность русскости въ Карпатахъ уже имѣетъ обширную литературу. Все же самая сущность вопроса покрыта еще густымъ туманомъ. Нигдѣ не приходится столь много разъ вспоминать Овида, какъ именно здѣсь:

„Malo me Galathea petit, lasciva puella
Et fugit ad salices et se cupit ante videri“.

Разсѣять этотъ туманъ и выяснитъ правду — вотъ цѣль настоящаго труда.

Безспорно, нѣтъ ничего труднѣе въ исторіи, какъ выполнить подобную задачу. Гораздо легче проложить новый путь, чѣмъ изъ многихъ имѣющихся найти путь истинный, направляющій къ цѣли. Правда, въ данномъ случаѣ дѣло весьма затрудняется уже недостаткомъ необходимыхъ данныхъ, ибо начало вопроса восходитъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, относительно которыхъ вообще до насъ мало свѣдѣній. Однако большая бѣда въ томъ, что изслѣдованіе по данному вопросу подпало подъ вліяніе политическихъ соображеній, которыя пользовались имъ и его используютъ не для достиженія правды, но для собственной корысти. Вотъ поэтому и рождаются историческія извращенія, корень которыхъ всегда тамъ слѣдуетъ искать, гдѣ на сценѣ замѣтны побѣдители и побѣжденные, угнетатели и угнетенные, ибо исторію побѣжденныхъ и угнетенныхъ фактически, прямо или косвенно, пишутъ побѣдители и угнетатели, которые, имѣя въ своихъ рукахъ средства и силу, рассматриваютъ событія не съ точки зрѣнія научной истины, но съ точки зрѣнія собственной выгоды.

Правило, что „*nemo cum jure suo utitur, alteri injuriam fecit*“.

Слѣдовательно, кто „*non jure suo utitur, alteri injuriam fecit*“.

Но побѣдители и угнетатели живутъ въ томъ заблужденіи, что право относится исключительно къ нимъ. Всякое стремленіе и дѣйствіе, направленныя противъ нихъ, они считаютъ за безправныя и за безнравственныя и разсматриваютъ ихъ, какъ простой бунтъ. Конституціи составляются для охраны интересовъ господствующихъ элементовъ. Ихъ же охраняетъ и уголовный законъ, вмѣстѣ съ тюрьмами и полиціей. Планы народнаго образованія создаются такъ, чтобы въ послѣдующихъ поколѣніяхъ воспитать опору для господствующихъ элементовъ. Дѣти въ школахъ не воспитываются въ духѣ объективной правды и справедливости: своимъ внушается ненависть ко всему чужому, а чужимъ — ненависть противъ своего. Свобода, братство, любовь — этотъ красивый девизъ — фактически является простой фразой.

Нашъ трудъ, конечно, далекъ отъ совершенства. Мы не можемъ не видѣть многихъ пробѣловъ, но въ насъ живетъ сознаніе, что мы приложили всѣ усилія къ безпристрастному выполненію поставленной нами задачи. Пробѣлы наши дополнить добросовѣстная критика, которой мы будемъ признательны за всякія поправки и указанія.

Источники, стоявшіе намъ къ услугамъ, указаны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

1928 г., въ день Срѣтенія Господня.

Дръ Н. А. Бескидь.

Исторія вопроса.

О поселеніи русскихъ въ предѣлахъ сѣверо-восточной территории Карпатъ существуютъ три противорѣчивыхъ мнѣнія.

Сами русскіе считаютъ себя здѣсь автохтонами, кореными жителями. По ихъ мнѣнію, они до татарскаго нашествія составляли одно цѣлое съ прочими русскими, находясь сначала подъ общимъ управленіемъ, а за тѣмъ, съ конца XI вѣка, Червонная или Карпатская Русь составила отдѣльный міръ, какъ удѣльное княжество наслѣдниковъ Владимира. Это относится, приблизительно, къ 1090 году и первымъ удѣльнымъ княземъ ея былъ Ростиславичъ Рюрикъ, внукъ великаго князя Ярослава. Вслѣдствіе же татарскаго нашествія, Червонная или Карпатская Русь была отторгнута окончательно отъ русскаго цѣлага и сдѣлалась добычей сосѣдей: сѣверную ея часть захватили поляки, а южная досталась мадьярамъ. Однако это событіе не уничтожило у русскихъ въ Карпатахъ сознанія одноплеменности съ остальными русскими. Оно было всегда живо и крѣпко, какимъ осталось и по сіе время.

О происхожденіи русскихъ въ Карпатахъ въ Россіи существовало два мнѣнія.

Распространенное мнѣніе совпадало съ мнѣніемъ мѣстнаго русскаго населенія. Мнѣніе это господствовало въ обществѣ, политикѣ и литературѣ. Явнымъ доказательствомъ тому являются ревиндикацные планы, возникшіе на Руси одновременно съ паденіемъ татарскаго ига и возрожденіемъ ея самостоятельности.

Стремленіе въ правящихъ кругахъ Россіи къ возврату оторванныхъ русскихъ земель было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ печальнѣе становилось положеніе послѣднихъ. Россія прекрасно учитывала эту ситуацію и, желая дополнить официальную

информацію, охотно принимала многочисленныхъ жалобщиковъ и просителей изъ обѣихъ частей Карпатской Руси. Необходимо вспомнить, что Петръ Великій держалъ въ Токаѣ особаго уполномоченнаго съ большимъ казачьимъ штатомъ, въ память чего сохранились названія селеній по Подгорью: Kozák, Muszka, Orosz, Moszkva.¹ Разумѣется, что обязанность этого уполномоченнаго далеко не ограничивалась тѣмъ, чтобы снабжать царскій дворъ токайскимъ виномъ. Такъ же не безъ причины русскіе съ Карпатъ жили на Руси еще въ эпоху Петра, какъ на примѣръ Іоаннъ Зеканъ — придворный учитель и воспитатель. Съ этою же цѣлью Петръ Великій поддерживалъ Франца Ракоція II, который являлся простымъ средствомъ его сложной политики. Екатерина II энергично противилась, послѣ раздѣла Польши въ 1772 году, передачѣ Галича Австріи. Въ 1805 г. Александръ I. предлагалъ Австріи, взамѣнъ Галича, княжество Силезско-баварское. Послѣ же отказа, въ русскихъ кругахъ зародилась мысль раздѣла Австріи, и эту мысль открыто трактовали Броневскій, Чичаговъ и др. въ 1807 г. Въ 1809 г. князю Голицыну была дана тайная инструкція — вселять въ карпатороссовъ вѣру, что, какъ своихъ, Россія ихъ спасетъ. Въ 1829 г. варшавскій генеральный штабъ разсматривалъ уже планъ вооруженнаго вторженія въ историческую Карпатскую Русь, а Николай I въ 1846 г. предлагалъ Фердинанду V обмѣнять Карпатскую Русь на Польшу, отъ Бзуры до Вислы. Только несчастный австрославизмъ въ 1849 г. помѣшалъ усиліямъ императора Николая I осуществить русское историческое право. Съ такимъ же намѣреніемъ Россія вступила и въ мировую войну. Такое настроеніе русскихъ официальныхъ круговъ ярко характеризуетъ Иванъ Марковичъ, членъ чехословацкой миссіи, находившейся во время войны въ Россіи, приводя въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Ohľadom hraníc Slovenska sme si predstavovali, že na juhu pôjdu hlbšie, ako sú v skutočnosti dnes. Na príklad v petrogradskom Čechoslováku v čísle z 2. decembra 1915 je zakreslený do Slovenska i Vacov a Miškovec; na východe však až do leta 1918, to jest do vyjednávani profesora Masaryka s americkými zástupcami Rusínov, nepočítali sme s tým, že by k republike mala pripadnúť i Podkarpatská Rus. Ináče, menovite v Rusku, by bolo bývalo veľmi netaktickým a neoportunným na niečo podobného

¹ Cp. Adal. Zemplén várm. tört.-hez 1906, ct. 216.

pomýšľaf, tým menej o tom hovoriť; predstavy ruských všeslovanov siahly až po Poprad a snáď ešte ďalej na západ a pamätám sa dobre, že sme v r. 1916. mali pre mapku v Českoslováku nejaké neprijemnosti preto, že na nej do Slovenska bol zakreslený kraj až po Užhorod.“¹

Правда, русская революція написала на своемъ знамени лозунгъ: миръ безъ аннексій. Но этимъ самымъ она заявила лишь то, что не желаетъ аннексировать чужихъ земель, лучше сказать: признаетъ право самоопредѣленія народовъ, которое, въ нѣсколько иной формулировкѣ, входило въ программу всей антанты и которое болѣе или менѣе ясно уже англійскій премьеръ, Асквиль, высказалъ, подчеркнувъ 9 Ноября 1914 года, что сабля дотолѣ не вернется въ свои ножны пока „the rights of the smaller nationalities of Europe are placed upon an unpassable foundation“, слѣдовательно пока права меньшинствъ не будутъ поставлены въ Европѣ на незаблемую почву. Къ тому-же стремился и Вильсонъ, говоря въ своихъ 14 параграфахъ отъ 8 Января 1918 года:

„народности Австро-Венгріи, которыя желаемъ видѣть среди народовъ прочихъ защищенными и обезпеченными, должны получить самую широкую возможность автономнаго развитія.“

Что русская революція не отказалась отъ того, что ей приписывалось, лучшимъ опроверженіемъ подобныхъ вольныхъ толкованій является то, что 1 Юля 1917 г. русская армія перешла въ наступленіе и начала оффензиву именно противъ Австро-Венгріи. Пресса центральныхъ державъ тогда съ удивленіемъ замѣтила, что въ томъ шагѣ заключается большое противорѣчіе въ отношеніи революціоннаго лозунга — миръ безъ аннексій — и считала его, въ связи съ начавшимся наступленіемъ, пустой фразой. Однако между лозунгомъ русской революціи и русскимъ наступленіемъ вовсе не было никакого противорѣчія; напротивъ, можно упрекнуть прессу центральныхъ державъ въ забывчивости относительно того факта, что именно центральныя державы имѣли въ своихъ рукахъ аннексированныя территоріи. Русская оффензива была направлена противъ Австро-Венгріи во имя освобожденія русскихъ историческихъ земель. Россія не только говорила, но и удовлетворила праву самоопредѣленія въ цѣломъ, давая возможность всѣмъ своимъ чужимъ элементамъ свободно рѣшить свою судьбу.

¹ J. Markovič: Slováci v zahraničnej revolúcii, 1923 str. 36.

Нельзя намъ все же просмотрѣть, что въ русской литературѣ уже съ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, появились и противоположныя мнѣнія. Эту группу представляютъ собою лица, которыя смотрятъ на русскость не какъ на цѣль, но какъ на средство для достиженія своихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи проявляютъ особое стараніе нѣмцы о своихъ одноплеменникахъ, находящихся въ чужихъ государствахъ.

Еще И. И. Срезневскій въ своей запискѣ „Русь Угорская“, прочитанной въ общемъ собраніи Географ. Общ. 29. сентября 1851 г., отмѣтилъ:¹ „Правда, что и внѣ этого пространства можно встрѣтить въ Венгріи селенія русскія; но они образовались изъ переселенцевъ позднѣйшаго времени и лежатъ разбросанно въ разныхъ краяхъ.“ Слѣдуетъ однако подчеркнуть, что Срезневскій не приводитъ къ тому никакихъ доказательствъ.

Наиболѣе преданнымъ защитникомъ этой теоріи является проф. А. Петровъ, который свое мнѣніе впервые изложилъ въ докладѣ „Отдѣлу русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ“ отъ 11-го Октября 1909 г., а болѣе обширно — въ своемъ трудѣ: „Предѣлы угрорусской рѣчи въ 1773 году по официальнымъ даннымъ“², повторивъ его въ 1923 г. въ Чешскомъ Историческомъ Журналѣ, въ статьѣ: „Kdy vznikly ruské osady na uherské Dolní Zemi a vůbec za Karpaty?“³

Правда, Петровъ не отвѣтилъ категорически по существу дѣла и въ 1923 г., оговариваясь: „necítíme se dostatečně připravení na definitivní odpověď“⁴. Все-таки, насколько его утверженіе голословно, можно видѣть нѣсколькими строками выше, гдѣ онъ говоритъ: „Nechali jsme zde stranou osady, v nichž je přítomnost Rusů dokázána dokumentárně v XV. st. i dřívě. Především je nutno sebrati všechna o nich svědectví, roztroušená po nejrůznějších pramenech. Nemyslíme však, že by se tyto osady mohly, při výše uvedených podmínkách dějinného života uherského, pokládati za nepretržité zbytky původního ruského obyvatelstva, jež se zachovaly během věků. Podle našeho mínění byly to jednak vojenské, jednak zemědělské kolonie, založené buď vládou, nebo statkáři již v době historické.“⁵

¹ Напечатано въ запискахъ Географ. О-ва 1851, кн. I. стр. 7.

² Петроградъ, 1911.

³ Рочникъ XXIX.

⁴ Zvláštní otisk z Čes. Časopisu Historického Roč. XXIX., 1923, str. 28.

⁵ Т. С.

Общее его мѣніе:

„Большая часть русскихъ поселеній внѣ предѣловъ Карпатскихъ горъ, на угорской дольной землѣ, равно какъ и на ближайшей къ ней полосѣ болѣе пологихъ склоновъ Карпатъ, не могутъ считаться остатками первобытнаго русскаго населенія, а возникли въ довольно позднѣе время, въ XVI—XVII в. в., преимущественно же въ концѣ XVII и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII в.“¹

По утверженію Петрова, это мнѣніе „se zakládá především na tom, že není dokladů pro dřívější přebývání Rusů za Karpaty, za druhé na všeobecné úvaze, že ruské jméno nemohlo proniknouti za Karpaty dříve, než se ujalo z východních Slovanů, ze kterých se utvořila ruská říše“².

Если одинъ изъ нашихъ писателей сомнѣвается въ автохтонности своего племени въ Подкарпатѣ, то удивительно ли, что мадьяры это просто отрицаютъ?

Чтобы быть точнымъ, слѣдуетъ указать, что и среди мадьяръ по этому вопросу существуетъ два мнѣнія.

Кто знакомъ съ положеніемъ вещей, тому хорошо извѣстно, что теорія отрицанія совершенно нова по своей концепціи. Какъ таковая, она возникла только въ началѣ XX столѣтія, подъ вліяніемъ политическихъ событій. Передъ этимъ было время, когда мадьяры вопросомъ своего прошлаго даже и не интересовались. Доказательствомъ этого служить роль Арпада, особой котораго до половины XVIII. столѣтія и поэзія почти не занималась. У мадьяръ лишь событія французской революціи пробудили національное самосознаніе и съ этого времени они стали опираться на своихъ лѣтописцевъ, во главѣ съ *Анонимомъ*³, *Gesta Hungarorum* котораго стараніями Швандтнера въ 1746 году⁴ появились въ печати, при чемъ за первымъ изданіемъ послѣдовали вскорѣ другія, всего въ количествѣ двѣнадцати.

По свидѣтельству мадьярскихъ лѣтописцевъ, долины Дуная и Тисы по Карпаты, ко времени прихода мадьяръ, не только не были пустынными, но были густо заселены предками тѣхъ самыхъ народовъ, которые живутъ въ этихъ

¹ Матеріалы для исторіи Угорской Руси. VI. стр. 150.

² Zvláštní otisk, 1923, str. 28.

³ Неизвѣстный авторъ.

⁴ *Scriptores rerum Hungaricarum veteres T. Vindobonae 1746*. Отмѣтимъ, что эта лѣтопись до 1665 года находилась въ тирольскомъ замкѣ Амбрось, откуда вмѣстѣ съ другими лѣтописями была отправлена въ Вѣнскую императорскую бібліотеку.

мѣстахъ и по нынѣ. Слава Арпада заключалась именно въ томъ, что никто изъ этихъ племенъ не могъ противустоять ему. Мадыяры, потомки Магога, сына Яфета, вышедшіе изъ Скифіи, перешли Карпаты по дорогѣ, которую имъ приготовили пять тысячъ русскихъ и, перейдя, подчинили русскихъ себѣ, а затѣмъ всѣ прочія племена. Такъ объ этомъ повѣствуетъ лѣтопись.

Мадыяры вѣрили Анониму безусловно, тѣмъ болѣе, что его разсказъ, не только логичный и стилизованный, но и казался наиболѣе естественнымъ. Авторъ былъ признанъ праотцемъ мадыярской исторіи, а его повѣствованіе служило главнѣйшимъ источникомъ сужденій о мадыярскомъ прошломъ; никто не обошелъ его, всѣ черпали изъ него. Въ качествѣ одобренія этого пониманія служило и замѣчаніе Палацкаго, который въ своей чешской исторіи высказалъ мнѣніе; что мадыяры принесли славянамъ самый большой вредъ тѣмъ, что, поселившись въ долину Дуная, они раздѣлили славянскія племена на двѣ части и тѣмъ самымъ нарушили ихъ политическое единство. Само собою разумѣется, что мадыяры приняли это заявленіе дословно. Дѣйствительно, какъ могли мадыяры нарушить славянское единство, какъ могли они уцѣлѣть въ славянскомъ морѣ, лишенные какой-бы то ни было помощи, если бы ихъ предки не были именно тѣми мадыярами, какими рисуетъ ихъ Анонимъ? Очарованные преданіями о своей мощи, мадыяры замкнулись въ самихъ себя, забывая о томъ, что въ жизни играютъ гораздо болѣе важную роль не свидѣтельства, хотя-бы и самыя благопріятныя, но тѣ условія, которыя, не считаясь съ исторіей, иногда и слабыхъ возносятъ на мѣсто сильныхъ.

Однако, какъ только развилась научная критика, было установлено, что разсказъ Анонима вообще не отвѣчаетъ эпохѣ Арпада. Нѣмецкій писатель Ernst Dümmler разбирая, одинъ изъ первыхъ, лѣтопись Анонима, просто заявилъ, что „nicht einmal für die spätere Sage, geschweige denn für die Geschichte, als irgendwie brauchbare Quelle anzusehen ist, da er ausser seiner grenzenlosen Unwissenheit und seinem lächerlichen Nationalstolze auch zu den absichtlichen Fälschern und Verdrehern der Geschichte gezählt werden muss“.¹

Такой приговоръ, конечно, преувеличенно суровъ. Мадыяры отъ него пришли въ негодованіе. Ихъ историческая

¹ E. Dümmler: Geschichte des Ostfränkischen Reiches III. 452.

литература поспѣшила на защиту лѣтописи Анонима, а официальные круги, естественно, оказывали этому покровительство и поддержку. Въ данномъ случаѣ достаточно указать на торжество годовщины тысяча лѣтняго ихъ прихода въ 1896 г., на литературу этого миллениума, на картину Фестія и на карту Юлія Паулера, изображающую побѣдоносный приходъ мадьяръ по лѣтописи Анонима, а также на его сочиненіе отъ 1900 года объ исторіи мадьяръ до Стефана I, которое является дополненнымъ подраженіемъ тому же Анониму.

Такъ и на дальше утверждалась съ ученымъ апломбомъ легенда о завоеваніяхъ Арпада. Въ память этихъ завоеваній, правительство, по совѣту Коломана Талія, товарища предсѣдателя мадьярскаго историческаго общества, рѣшило поставить статуи одновременно въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ замкѣ въ Мукачевѣ (Бережская жупа), на горѣ Зоборъ (Нитранская жупа), въ Девинѣ (Братиславская жупа), на Паннонгалмѣ (Рабская жупа), въ Пустасерѣ (Черногородская жупа), въ Земунѣ (напротивъ Бѣлграда) и въ Брашшовѣ, на горѣ Ценкъ. Въ бережской жупѣ, кромѣ Мукачева, былъ воздвигнутъobeliskъ на бескидскомъ холмѣ, а въ Верецкахъ заложена мраморная доска съ гордой надписью: 896. Árpád — 1896. Ferencz József. Въ томъ же самомъ духѣ вспоминалось и тысячелѣтіе смерти Арпада въ 1907 г., о чемъ свидѣтельствуется юбилейный сборникъ, составленный подъ редакціей Дезидерія Чанкія: Árpád és Árpádok. Történeti emlékmű Árpád ezredik halálának évfordulójá alkalmából. Budapest 1908.

Но критика Dümmlera скоро оказалась для мадьяръ неощутимой.

Слѣдуетъ подчеркнуть, что въ началѣ XX столѣтія образовался „la triple Alliance“. Создателемъ его считается англійскій король Эдуардъ, своею ловкостью, терпѣніемъ и настойчивостью преодолѣвшій всѣ препятствія на пути къ созданію союза Англии, Франціи и Россіи. Этотъ дружественный союзъ былъ направленъ противъ германскаго империализма, родившагося въ Седанѣ въ 1870 году. Едва возникнувъ, германскій империализмъ, подкрѣпленный французскими милліардами, полученными по версальскому договору, бросилъ вызовъ міру: Der Deutsche fürchtet nur Gott! А мадьяры явились върными вассалами Германіи. Послѣдняя, чтобы укрѣ-

пить связь, для цѣлей пропаганды въ Мадьярію ежегодно ассигновывала до 17,000.000 франковъ.¹

Само собою разумѣется, что антанта не замедлила использовать противъ мадьяръ ихъ же собственную теорію прихода и завоеванія земель, на которыхъ они живутъ. Въдь, если мадьяры приобрѣли эту территорію съ боемъ и насиліемъ, естественно, что историческое право говоритъ не въ ихъ пользу, а именно въ пользу тѣхъ народовъ, которые были ими покорены: „Qui prior tempore, potior jure“. Достаточно здѣсь указать на роль Henry Wichham Steed-а при вѣнскомъ англійскомъ представительствѣ, на дѣятельность R. W. Seton Watson-а, André Chéradom-а, E. Denisa, Божидаровича, Гумацкія, Бобринскаго, Крамаржа, Ксенопола, Штурдзы и т. д. Можно сказать, что о народностяхъ Мадьяріи въ самое короткое время была создана цѣлая литература. Вариациями на ту же тему занималась и періодическая печать, главнымъ образомъ: Temps, Petit Journal, Times, Новое Время, Московскія Вѣдомости и пр., изъ журналовъ — Revue Historique, Revue Internationale de Sociologie, English Historical Review, Scottish Review, Contemporary Review и др. Что было поэтому дѣлать мадьярамъ, когда при признаніи лѣтописи Анонима ставилась въ опасность основа цѣлостного ихъ существованія, а кромѣ того, чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе выступали признаки міровой войны? Тучи надвигались со всѣхъ сторонъ, а угнетенныя ими народности, вслѣдствіе иностранной поддержки, начали заявлять о своихъ правахъ.

Въ этой затруднительной обстановкѣ и созрѣла новая теорія прихода мадьяръ, которую окончательно разработалъ Іоаннъ Карачоньи,² одинъ изъ славнѣйшихъ мадьярскихъ историковъ. Смысль его труда заключался въ томъ, что мадьяры приобрѣли свое отечество въ тѣхъ рамкахъ, въ которыхъ мы Мадьярію видимъ, nemini dantes ullam offensionem, слѣдовательно пришли сюда, не нарушая ничьего историческаго права, по той простой причинѣ, что эта территорія въ ту пору была пустынной, а всѣ прочіе народы, имѣющіеся на ней, пришли уже позднѣе, поселившись исключительно благодаря гостепримству мадьяръ, въ большинствѣ путемъ колонизаціи. На этомъ основаніи мадьяры не признають

¹ Petit bleu отъ 17 окт. 1916. Получили изъ этой суммы: Az Est 100.000, Budapesti Hirlap 70.000, Pesti Napló 60.000, Neues Pester Journal 60.000 и т. д.

² Karácsonyi J.: A magyar nemzet történeti joga, Nagyvárad 1916.

присутствіе на бывшей территоріи своего государства не только русскаго племени, но и другихъ народностей, которыя фактически пополняли ее вплоть до конца міровой войны въ эпоху своего прихода.

Не лишено интереса, что эта теорія выросла изъ критики Dümmler-а, подчеркивающая, что если Анонимъ и близкіе къ нему лѣтописцы не отвѣчаютъ правдѣ, то они не могутъ служить точкой отправленія не только мадьярамъ, но и тѣмъ народностямъ, которыя на томъ же Анонимѣ строятъ свое историческое право. Вѣдь, если военный приходъ мадьяръ, какъ его рисуетъ Анонимъ, является сказкой, то такой же сказкой слѣдуетъ признать и описаніе тѣхъ народовъ, съ которыми мадьяры столкнулись. Именно поэтому, если отрицать правду у Анонима, слѣдуетъ признать, что никакихъ народовъ на территоріи, занятой мадьярами, не было, а въ такомъ случаѣ и указанія какихъ либо народовъ, кромѣ мадьяръ, на историческое право являются необоснованными. Этому внушенію, естественно, способствовала позиція ученыхъ, подобныхъ Петрову. Какъ поэтому ее не защищать лицамъ, національно выродившимся?

Послѣдствія міровой войны породили третье мнѣніе о появленіи русскихъ въ Карпатахъ, получившее свое начало отъ чехословаковъ. Эта теорія, хотя и не признаетъ автохтонства русскихъ въ Карпатахъ, а считаетъ ихъ колонистами, но все таки появленіе здѣсь русскихъ признаетъ болѣе древнимъ фактомъ, чѣмъ завоеваніе этой территоріи мадьярами. Все же ярко подчеркивается, что „ovšem nejstarší ruské osazení bylo velmi řídké a jeho rozsah nevelik“.¹ Цѣль ясна — умалить до минимума историческое право русскихъ на эту территорію. Однако, чтобы положеніе было совершенно яснымъ, слѣдуетъ намъ разобраться въ условіяхъ его появленія.

24 Декабря 1918 года мадьярскому правительству была вручена слѣдующая нота:

Ваше Высокопревосходительство!

Имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, въ дополненіе къ моему письму, отъ 3 Декабря 1918 г., за No. 83/5,² что по распоря-

¹ J. Husek: Národopisné hranice, Bratislava 1925, сmp. 21.

² Эта первая нота лишь въ общихъ чертахъ говоритъ о признаніи Чехословакіи союзными державами и обращалась къ мадьярскому правительству съ просьбой въ возможно кратчайшій срокъ удалить войска съ ея территоріи.

женію командующаго восточными арміями союзныхъ державъ и согласно съ требованіями Чехословацкаго правительства, для Словакіи установлены слѣдующія, какъ историческія, границы:

1. нынѣшняя сѣверная граница Мадьяріи,
2. западная часть Мадьяріи по Дунай,
3. рѣка Дунай, по устье рѣки Иполь,
4. рѣка Иполь по Римскую Субботу (этотъ городъ словацкій),
5. прямая линія отъ Римской Субботы по устье рѣки Ужь,
6. рѣка Ужь по Ужскій проломъ.

Дефинитивныя границы будутъ опредѣлены союзными державами только на мирной конференціи.

Прошу Ваше Высокопревосходительство издать приказъ, чтобы мадьярская армія отошла на югъ отъ линіи, указанной въ пунктахъ 3, 4, 5, и 6.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи къ Вамъ

Виксъ с. д.,

подполковникъ.

Какъ видно изъ этой ноты, она говоритъ о Словакіи, какъ объ исторически самостоятельномъ субъектѣ, претензіи котораго на территорію простираются по рѣку Ужь. Но до сихъ поръ таковымъ Словакію исторія не знала и еще меньше слышала о ея исторической границѣ по Ужь. Историческое право признавалось только за чехами, а за словаками лишь настолько, насколько они иногда были участниками чехо-моравской самостоятельной жизни, въ соотвѣтствіи съ § 2-мъ договора чехословацкой народной рады съ французской республикой, заключеннаго въ 1918 году въ день св. Вацлава. По этому договору французское правительство обязуется и въ дальнѣйшемъ способствовать чехословацкому народу въ достиженіи имъ свободы и реконструкціи независимаго чехословацкаго государства въ бывшихъ его историческихъ границахъ.

Приведенная выше нота, конечно, въ сущности затрогивала интересы только русскихъ, мадьяръ лишь на столько, насколько они отрицали вообще присутствіе въ эпоху своего прихода какихъ либо народностей на занятой территоріи. Русскіе, наоборотъ, считали себя здѣсь автохтонами и предъ-

являли свое право на територію по Татры, а на югъ — по Дебрецинъ. Интересно всетаки, что и мадьяры не замедлили заявить протестъ противъ этой ноты. Естественно, что тѣмъ менѣ могла потому русскость остаться сложа руки. Но тому помѣшало важное событіе.

Если бы ко времени окончанія міровой войны Россію не постигло внутреннее несчастье, означенная нота, бесспорно, не узрѣла бы никогда свѣта. Нѣсколько казачьихъ полковъ было бы совершенно достаточно, чтобы русское историческое право было удовлетворено полностью, безъ всякихъ затрудненій, дискуссій, кривдъ и страданій. Но извѣстно, что въ Россіи въ это время какъ разъ былъ разгаръ революціи. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, карпатороссы встали передъ сложной и отвѣтственной задачей. Надо было разобраться въ хаосѣ совершающихся событій и рѣшить вопросъ, что дѣлать при данныхъ обстоятельствахъ.

Вѣрилось, что внутренняя борьба въ Россіи скоро минуетъ. Исходя изъ этого убѣжденія, масса стремилась лишь къ временному рѣшенію вопроса, и при томъ въ такомъ направленіи, при которомъ безъ всякаго дальнѣйшаго затрудненія обезпечивалась бы возможность свободнаго національнаго, культурнаго и экономическаго развитія. Дня 18-го ноября 1918 г., когда Русска Народная Рада впервые въ полномъ своемъ составѣ сошлась на засѣданіе въ Пряшевѣ, ярко выявилось: красная-ли Русь или бѣлая, все равно, мы должны себя чувствовать и сознавать съ этой поры гражданами единаго русскаго государства; мы не можемъ признавать на нашей исторической землѣ никакой чужой власти и намъ слѣдуетъ протестовать впредь противъ всякихъ имперіалистическихъ посягательствъ другихъ народовъ на нашу историческую землю. Это повторилось вмѣстѣ съ заявленіемъ протеста по поводу ноты подполковника Вика дня 7-го января 1919 г.

Наиболѣе идеальнымъ положеніемъ, естественно, показала мысль устроиться самостоятельно. Что она занимала народъ, видно уже изъ самой резолюціи американской русской рады еще отъ дня 23 іюля 1918 г. А что и на мѣстѣ было подобное движеніе въ томъ же направленіи, свидѣтельствуется попытка о возстановленіи древней Червонной Руси въ ея историческихъ границахъ. Поэтому шли переговоры, были собранія, готовились меморандумы и даже выработался

планъ, но осуществленію его помѣшала братоубійственная война, вспыхнувшая за Карпатами.

По причинѣ этихъ печальныхъ обстоятельствъ мысль сошла на подходящую связь. Но гдѣ ее искать?

Слѣдуетъ намъ подчеркнуть, что въ официальной мадьярской газетѣ отъ 21-го декабря 1918 г., подъ номеромъ X. былъ опубликованъ законъ, который призналъ полное право самоопредѣленія за русскимъ народомъ, живущимъ на территории Мадьяріи, касательно внутренняго управления, просвѣщенія, культуры, вѣроисповѣданія и языка, какъ съ точки зрѣнія законодательной, такъ и исполнительной, для осуществленія чего вмѣстѣ съ тѣмъ образовывалъ изъ территорій жупъ: Марморошъ, Угоча, Берегъ и Ужъ автономную область подъ названіемъ Русская Краина, указывая притомъ, что организація русскихъ территорій Землинской, Шаришской, Абауйской, Турнянской и Спишской жупъ откладывается впредь до заключенія общаго мира.

Несмотря уже на то, что русскимъ, по ихъ убѣжденію, право самоопредѣленія принадлежало въ рамкахъ историческихъ, а мадьяры исходили изъ современной этнографической карты, да и при томъ временно не давая всѣмъ населеннымъ русскими территориямъ право самоопредѣленія, русскіе просто не хотѣли и слышать о нихъ, ибо въ массѣ еще живы были воспоминанія преслѣдованій во время войны: открытіе тюремъ, постановка висѣлицъ, попираніе святынь, уничтоженіе кириллицы и юліанскаго календаря.

Румыны являлись для карпатороссовъ народомъ чужимъ, хотя въ ихъ жилахъ течетъ не мало славянской крови.

Поляки всегда относились грубо и нетерпимо къ русскимъ.

Сербы были далеко.

Такъ пришли на очередь чехословаки.

Правда, карпатороссы разъ уже испытали понятіе чехословаковъ о славянской взаимности. То было во время Баха, послѣ мадьярскаго мятежа. Намъ достаточно здѣсь указать на горькія воспоминанія Духновича и на роль Ёречка въ Галичѣ. Но изъ этихъ временъ не было уже никого въ живыхъ. Настоящей генераціи не была знакома ни сущность, ни душа чехословакизма, тѣмъ менѣе ей было извѣстно дѣйствіе Чехословацкой Едноты во время войны, ея стремленія и усилія, а при томъ и эпопея чехословацкихъ легій на Руси, хотя послѣдняя глава этой эпопеи, которая разыгра-

лась въ Сибири, тогда еще только начиналась. Карпатороссы судили по внѣшнимъ признакамъ, которые стояли къ ихъ услугамъ. вѣрили славянской фразѣ, которой поддавала жару знаменитая статья проф. Масарика *Delenda est Austria*, появившаяся 25-го января 1917 г. въ Русской Волѣ. Въ сердцахъ находили откликъ его заявленія: „Všecy naše politické strany jsou rusofilské . . . V každém případě chceme Rusku pomoci iniciativu ve všech slovanských otázkách . . . Nikdy jsem neuznával jakékoli politického separatismu malorusů! . . .“

Естественно, намѣреніе карпатороссовъ привѣтствовало со стороны чехословаковъ съ большой радостью, вѣдь оно для чехословацкой республики было выгодно, какъ съ точки зрѣнія моральной, такъ и матеріальной. Съ моральной стороны это показывало, что карпатороссы изъ всѣхъ сосѣдей имѣли наибольшее довѣріе къ намъ, съ матеріальной: вотъ новая территорія для поселеній, вотъ лѣса, вотъ соль, вотъ виноградники, которые достанутся въ руки безъ какихъ либо усилій, а при всемъ томъ — этотъ непріятный русскій тернь, который мѣшаетъ ихъ планамъ, окажется совершенно безопаснымъ. Извнѣ онъ могъ бы проявить себя, но внутри съ нимъ справиться легко.

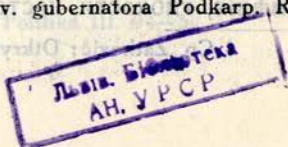
Переговоры начались еще 25 октября 1918 г. въ Филадельфії, которыми со стороны чехословаковъ руководилъ самъ проф. Масарикъ, какъ предсѣдатель чехословацкой народной рады, со стороны же карпатороссовъ Г. И. Жатковичъ, предсѣдатель американской русской народной рады. Въ результатѣ переговоровъ было достигнуто соглашеніе, по которому, сохраняя за Русью историческое право, карпатороссы, самими широкими самостоятельными правами, какъ юридическая единица, на федеративной основѣ, присоединяются къ чехословацкой республикѣ; въ рамки этой федеративной единицы входятъ жупы: Спишь, Шаришь, Абауй, Гемерь, Землинъ, Боршодъ, Ужь, Угоча, Берегъ и Марморощъ.¹

Подчеркнемъ, что

1. Чехословацкіе представители 2-го ноября 1918 года всѣ договоры, заключенные проф. Масарикомъ, признали обязательными;²

¹ Otkrytie — Expozė G. I. Žatkoviča býv. gubernatora Podkarp. Rusi o Podkarpatskoj Rusi, Homstead Pa., 2—3 st.

² Slovak, 5. III. 1923.

И-58644

2. Договоръ карпатороссовъ съ проф. Масарикомъ получилъ одобреніе на мирной конференціи 3-го марта 1919 г.¹

Чтобы выгодное дѣло не ускользнуло изъ рукъ, былъ даже поднятъ вопросъ о переименованіи республики, а Францъ Соукупъ, министръ справедливости, 23-го мая 1919 года на вечерѣ, устроенномъ въ честь карпаторусской делегаціи въ Прагѣ, громко привѣтствовалъ „чехословацко-русскую республику“.

Карпатороссы, вопреки нѣкоторымъ страннымъ признакамъ, которые временами между тѣмъ появлялись на небосклонѣ, вѣрили этой любви, не зная, что русскость чехословакизму уже по сущности ненавистна. Чехословакизмъ является дѣтищемъ глаголицы, которая какъ разъ была средствомъ, придуманнымъ Византіей и направленнымъ прежде всего противъ Руси. Правда, что кое-гдѣ, среди другихъ народовъ, сильные перевороты въ жизни почти всегда парализуютъ, даже измѣняютъ, чужія вліянія. Не слѣдуетъ однако упустить изъ виду, что чехословакизмъ вышелъ изъ славянской семьи: а славянинъ, чему отдается, отдается вполне и средней дороги не знаетъ. Душа глаголицы витаетъ надъ его землей, живетъ въ его тѣлѣ, руководитъ его чувствами; она является источникомъ всей чехословацкой жизни, она причина всѣхъ чехословацкихъ причинъ. Были несчастья, была скорбь, были паденія и отчаянія, Прага плакала въ дворцахъ, въ пустующемъ градѣ, въ садахъ замковъ, куда не ступала нога, гдѣ отцвѣтали розы, на которыя некому было смотрѣть, но цѣпкость глаголицы не ослабла ни на минуту, она жила и оживляла. Ея олицетворителемъ былъ Янъ Гусъ, она билась на Бѣлой горѣ противъ наемныхъ войскъ Габсбурга Фердинанда, она погубила осуществленіе панславизма въ 1849 г., она совершила эпопею чехословацкаго войска въ Сибири въ 1919 г., она разрушаетъ русскость и на Подкарпатьѣ. Изъ нея вытекаютъ всѣ чехословацкіе миѳы, въ ней коренятся всѣ чехословацкіе идеалы, отъ нея происходятъ всѣ чехословацкія несчастья. Очутившись на грани соприкосновенія Руси и романо-германизма, и не располагая достаточной силой, чтобы на этой грани удержаться, естественно, чехословакизмъ долженъ былъ прибѣгать постоянно къ компромиссамъ, постоянно рассчитывать и взвѣшивать, что требуетъ большого изумленія, гибкости, часто хитрости и ловкой приспособляемости,

¹ Ср. Žatkovič: Otkrytie 3—6 cm.

борьбы, споровъ, соглашеній. Такъ, сама жизнь воспитала изъ чехословака спекулянта, котораго интересуеть не справедливость, а только барышъ, какимъ бы путемъ онъ не былъ полученъ. Эта двойственность, какъ красная черта, тянется черезъ все чехословацкое прошлое, отъ Святополка по нынѣ, а потеря самостоятельности 8-го ноября 1618 г. лишь способствовала ея развитію. Чехословакизмъ льстиль Руси, пока рѣшеніе славянскаго вопроса входило въ его расчеты, чтобы съ помощью его способствовать установленію своего ига, но сейчасъ же показалъ ей спину, какъ только Русь могла помѣшать его эгоизму; болѣе того, не замедлиль увеличить ея бѣду, чтобы тѣмъ сдѣлать ее безопасной для себя. Цѣль эта дополняется въ судьбѣ карпатороссовъ.

Эту двойственность весьма характеризуетъ письмо миссіи чехословацкой едноты, высланной въ Россію съ началомъ войны для воздѣйствія на Русь въ пользу чехословацкой самостоятельности, потерянной на Бѣлой горѣ въ 1618 г., и направленного къ американской Словенской Лигѣ, именно въ дни переворота, случившагося на Руси. Чтобы быть точнымъ, необходимо прежде всего къ этому добавить, что словаки вначалѣ не вполнѣ сочувствовали усиліямъ Чехословацкой едноты. Какъ въ 1848 г. была группа, которая тянула къ востоку,¹ такъ и теперь одна часть работала за то, что бы словаки вошли въ составъ Руси, какъ отдѣльная губернія. Для этой цѣли созданъ въ Москвѣ „Spolok pamäti Štura“, который 20 августа 1915 г. имѣлъ первое собраніе, избравшее президіумъ и комиссію. Предсѣдателемъ былъ камергеръ Савѣловъ, позже холмскій губернаторъ, а въ комиссію вошли 9 русскихъ и 9 словаковъ. Членъ миссіи Марковичъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Savjoloľ bol vyslovený nepriateľ Čechov a československej jednoty. Prejavoval to celkom verejne. Keď v novembri 1916. vyhľadali sme ho s Jančekom, Vladimírom Hurbanom a Milošom Ruppeldtom, aby sme ho prišli k inému spôsobu vedenia spolku, povedal nám hodne podráždene, že ani čechom neverí, a že kdo ide s čechami, ide proti Rusku“.²

Въ самомъ началѣ къ этому направленію склонялась и американская словацкая лига. Явнымъ доказательствомъ тому служить обвиненіе своего делегата Кошика въ 1916 г.,

¹ Смотр. К. Kramář a V. Tobolka: Česká Politika III. 94—5.

² Markovič, стр. 47.

котрый былъ высланъ лигой въ Россію въ началѣ войны, чтобы работать за освобожденіе словаковъ подѣ русскимъ флагомъ. Лига упрекала его въ томъ, что онъ находится „pod vlivom jednostranných českých názorov, kloniacich sa vraj príliš ku západu, podceňujúcich sa vraj od čistej slov. myšlienky.“¹

На это обвиненіе чехословацкая миссія отвѣтила слѣдующее: „Nám, ktorí poznáme Rusko nielen z literatúry, hneď z počiatku bolo celkom jasné, že pripojenie Slovenska k Rusku úplne, čo značí, ako guberniu, bolo by našou záhubou. Evolúcia ruského národa šla celkom druhou cestou a on musí ešte prekonať mnoho takého, čo nehľadiac na nasu zaostalosť, sme my už dávno prekonali. Nehľadiac na to, čo sa dnes odohráva, ruské vnútorné poriadky by boli pre nás nesnesiteľné. Dôkazom toho je smutná historia administrácii okupovanej Haliče. To je jeden vážny bod, dávajúci nám direktivu v našej politike. Druhý hlavný bod je ten, že my Slovania z Rakúska-Uhorska neboli sme prijatí ani oficiálnym, ani spoločenským Ruskom tak, ako ste si to predstavovali vy i ako sme si to považovali za samozrejmé a jedine možné. Ani oficiálne ani spoločenské Rusko ne je „slovenské“ v tej miere, že by ono mohlo slúžiť základom nášeho oslobodenia. Tým viacej, že vždy stál pred očima strašný príklad Bulharska, ktorí sa nám stále vyhadzoval na oči. Vycítili sme konečne aj my tú hlbokú pravdu, že štáty na citoch budovať sa nemožu. Budujú sa ony len na vzájemnej potrebnosti. Tým určený bol i smer našej akcie, a síce tak, že my musíme presvedčiť Rusko, ak toho presvedčenia nemá, a ono ho fakticky nemalo, o potrebnosti nášho oslobodenia. A tu museli sme sa rátať nie s citmi, ale s faktami, nie s abstraktným ideálom, ale reálnym každodenným životom. Rezultátom týchto faktov je naše spojenie s Čechmi i naša snaha k utvoreniu samostatného štátu.“²

Необходимо однако подчеркнуть, что письмо Slovenskej Ligy пришло въ Россію въ началѣ еще 1916 г., въ то время какъ отвѣтъ на него послѣдовалъ лишь съ датой 15 Марта 1917 г., т. е., когда уже произошла революція, а Россія оказывалась въ военномъ смыслѣ безопасной.

Конечно, по своей надутости этотъ отвѣтъ не можетъ не напомнить басень Эзопа о львѣ умирающемъ, послѣднее явленіе котораго разыгралось на Бѣлой Сибири. Не зная всетаки сущности чехословакизма, безспорно, что не могло бы не воз-

¹ Т. с. стр. 50.

² Т. с. si

никнуть вопроса, что эти господа въ дѣйствительности искали въ Россіи, если эта самая Россія была столь несносна для ихъ культурнаго западнаго желудка? Опуская совершенно изъ виду, что указаніе на администрацію Галиціи и на судьбу Болгаріи не является конкретнымъ, эту психологическую загадку еще болѣе углубить сравненіе этого отвѣта со статьей *Delenda est Austria* отъ 25 января 1927 г., появившейся лишь семью недѣлями ранѣе. Совершенно непонятное дѣло: какъ сдѣлалось несноснымъ вдругъ то, передъ чѣмъ такъ преклонялись еще въ январѣ? Вѣдь и при всей своей суровости жизнь не объяснила до сихъ поръ, чѣмъ отличается русскій абсолютизмъ отъ модернаго демократизма? Чувствуемъ только, что въ Россіи хорошо жилось и при абсолютизмѣ, и именно массамъ, въ то время, какъ на благоденствующій демократизмъ каждый жалуется, а массы просто уходятъ изъ подъ его крыла.

Описывая это, намъ слѣдуетъ теперь отмѣтить, что чехословакизмъ лишь ждалъ того, чтобы карпаторусская до-вѣрчивость совершенно вошла въ его сѣть. Карпаторусскіе делегаты въ Парижѣ явились для нихъ простымъ средствомъ. Пользовались ихъ присутствіемъ, какъ живымъ документомъ воли народной, чтобы чехословакизму было легче достигнуть своихъ цѣлей, которымъ мѣшала Россія, пока она сильна была и въ ея сферу входило рѣшеніе славянскаго вопроса, но который, при не достаточно информированнаго въ этомъ вопросѣ запада, удалось ловкимъ путемъ включить въ ноту Викса, какъ только рѣшеніе славянскаго вопроса выскочило изъ рукъ Руси, въ сущности къ ликвидаціи карпаторусскаго вопроса. въ цѣломъ неприемлемаго глаголицкой душѣ. Совершенно просмотрѣлось, что если бы правда въ этомъ вопросѣ была на сторонѣ чехословаковъ, то Россія никогда бы не претендовала на карпаторусскія земли, а чехословацкой еднотѣ не „*bolo bývalo veľmi netaktickým a neoportunným na niečo podobného pomýšľať, tým menej hovoriť*“, при томъ снашать и *pre mapku v Čehoslováku nejaké neprijemnosti preto, že na nej do Slovenska bol zakreslený kraj až po Užhorod*“. Россія не мѣшала чехословацкой самостоятельности, она лишь препятствовала тенденціямъ, направленнымъ противъ исторической правды

Какъ только карпаторуссы вошли въ сѣть чехословаковъ, а къ тому же времени и бѣлая армія въ Россіи по-

терпѣла пораженіе, то уже не было въ дальнѣйшемъ смысла чехословакамъ скрываться подъ маской и не показать своего настоящаго лица; ихъ совѣсть успокоена была тѣмъ, что большевизмъ не интересуется національный вопросъ. А на кого же надѣяться карпатороссамъ, какъ не на Россію? Положеніе характеризуется тѣмъ, что чехословаки не приложили труда, чтобы спасти русскія историческія земли полностью, хотя это и входило въ славянскіе интересы, но напротивъ, даже и то допустили исказить, что мадьяры своимъ X закономъ 1918 года добровольно уже отдали въ русское управленіе, какъ русскій край. Вотъ такъ стало, что, приблизительно, 4 милліона катастр. утровъ славянской земли остались въ мадьярскихъ и румынскихъ рукахъ. Съ назначеніемъ же кабинета Гусара, весь карпаторусскій вопросъ былъ переданъ компетенціи министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ обыкновенный внутренній вопросъ, что есть противъ права на самоопредѣленіе карпатороссовъ, которые не въ Чехословакію вошли, но которые къ Чехословакіи добровольно присоединились, какъ самостоятельный факторъ.

Но жизненная сила карпатороссовъ, несмотря на то, что ихъ этнось, вопреки филладельфскому договору, одобренному мирной конференціей, умышленно и самовольно, расчленился на двѣ части, оказалась болѣе крѣпкой, чтобы ее сокрушить наразъ, когда они, увидѣвши обманъ, въ который попали по своей довѣрчивости, начали проявлять себя, а своими протестами обратили даже вниманіе международныхъ круговъ. Чехословаки въ этомъ увидѣли для себя опасность. Чехословацкое правительство, чтобы парализовать недовольство карпатороссовъ съ одной стороны, а съ другой — мадьяръ, которые также не оставались спокойными, мобилизовало печать, съ цѣлью подвести основы, оправдывающія свою политику. Такъ выростала новая теорія о поселеніи русскихъ въ предѣлахъ сѣверо-восточной территоріи Карпатъ, цѣль которой: съ одной стороны — претензіи мадьярства разрушить, съ другой — историческое право карпатороссовъ умалить настолько, чтобы представить и самую автономію совершенно иллюзорной. И вотъ послѣ нѣсколькихъ Іоанновъ Предтечъ, предуготовляющихъ путь правительственной политикѣ, были выпущены два обширныхъ труда:

1. Staré Slovensko, В. Халоупецкаго, Братислава 1923 г.

2. Národopisné hranice mezi Slováký a Karpatorusy, I. Гусека. Братислава 1925 г.

Рѣшение вынести Гусекъ, которое звучитъ такъ :

„Nynějších hranic mezi Slovenskom a Podkarpatskou Rusí na Uhu nelze již měniti, poněvadž jsou založeny na skutečných poměrech narodopisných, ba i na vůli samého lidu ruské víry, který si po většině nepřaje býti připojen k Podkarpatské Rusi“.¹

Не смотря на то, что странно подчеркивать „skutečné poměry národopisné“ тамъ, гдѣ эти „skutečné poměry“ слѣдуетъ подтвердить народной волей, которой однако проявиться въ дѣйствительности никогда не допускалось, по той простой причинѣ, что уже a priori „Rusini na východním Slovensku jsou odsuzeni k denacionalizaci“,² къ чему на полныхъ парахъ стремятся и отъ Ужа на востокъ, изъ самой сущности дѣла слѣдуетъ, что было бы напрасно возражать противъ этого приговора, если бы Халоупецкому удалось достигнуть поставленной себѣ цѣли — „ukázati a dokázati existenci Slovenska jako zvláštní individuality geografické a historické“, въ смыслѣ ноты подполковника Вика. Вѣдь, если Словакія была нѣкогда дѣйствительно исторически самостоятельнымъ субъектомъ, территория котораго простиралась по Ужъ, то русскіе тѣмъ что ихъ предки вошли въ предѣлы такой Словакіи и тамъ поселились, вообще себѣ никакого права не приобрѣли: volenti non fit injuria. Но того Халоупецкому не посчастливилось доказать, ибо нельзя доказать того, чего никогда не было. Результаты его труда сводятся къ слѣдующему:³

1. „Staré Slovensko“ занимало только нынѣшнюю западную часть и было „osazeno za západu, z Moravy... Slováci zaujali svá původní sídla podle vši pravděpodobnosti v souvislosti se stěhováním československých kmenů anebo plemen, chceme-li raději použiti tohoto výrazu, a přišli na Slovensko nejspíše asi přes Moravu.“ Къ тому прибавится, что „původní slovenský kraj byl zcela malý a tiskl se k českému západu, k Moravě. Jen asi čtyři kmeny usadily se na tomto území, a sice v hlavních úvalech řek Váhu, Nitry, Hronu a Iplu“.

Этого первобытнаго „Slovenska centrem byla Nitra, kam se sbíhaly všesky cesty, a z níž se všesky komunikace zase paprskovitě rozcházely“.

Сіе Словенско сначала входило въ составъ Великой Моравіи Святополка, а послѣ въ предѣлы „říše české“. Но уже „někdy v letech 1025—1038 bylo zaujato Maďary“.

¹ Ст. 487.

² 498 стр.

³ Ср критику prof. Dra K. Kadleca, Průdy 1925, ч. 1—2.

2. „Východní část Slovenska oddělena byla až do XIII. stol. od Potisi rozsáhlým lesnatým pásem, který počínajíc od konce XI. stol. byl odstraňován, poněvadž uvnitř nového politického útvaru, velikých Uher, neměl už starého významu. Ve velkých těch hvozdech byly od XII. stol. zakládány znenáhla nové komitáty, novohrady. Vedle krále a státní moci účastnili se tohoto bouření starého pomezí i podnikatelé soukromí, zejména šlechta, a vedle ni i nový živel kolonisační, němci. Byloť v poměrných hvozdech ukryto množství drahých rud, zlata a stříbra, jež lákaly nové přistěhovalce.“

3. „Po obou stranách Tisy prostírala se říše bulharských Slovanů, na sever až po Karpatský Vihorlat, a na jihu k ústí Tisy, nazývaná Bycharskem.“

4. „Zatím však ve skutečnosti počal velmi záhy pronikati karpatskými průsmiky do horního Potisi živel ruský“, который послѣ, „již od konce XI. a začátku XII. stol.“ началъ распространяться „dále na západ podle cest a údolíli řek do hlubin starého pomezního hvozdu, kde se potom stretil a smísil se živlem západním, českým, a do jisté míry i se živlem severozápadním, polským. To všechno spolu s kolonizací německou, maďarskou a jinou působilo při na utváření východoslovenských nářečí, v kterých uplatňují se vedle vůdčího elementu českého také všechny idiomy slovenských sousedů toho kraje. Tak rozsáhlý pomerní hvozď na rozhraní Slovenska, východu a severu, stává se kolonizací pojítkem mezi slovanským východem a západem“.¹

Поэтому, если Старé Slovensko граничило съ заселенными мѣстами лишь на западѣ, пока русскіе, приходя черезъ Карпаты, появились и усѣлись сначала въ области верхней Тисы, а „вýchodní část“ нынѣшняго Словенска была болѣе или менѣе пустынной и жизнь въ ней появилась только путемъ мадыарской колонизаціи, центромъ которой явились новограды: Neves-Ujvár, Aba-Ujvár, Szepes-Ujvár, Sáros-Ujvár, Ung-Ujvár, естественно, что историческое право на эту територію принадлежитъ ни словакамъ и ни русскимъ, а мадыарамъ, и присоединеніе ея къ Чехословацкой республикѣ является очевиднымъ нарушеніемъ правъ мадыаръ.

Чтобы выйти изъ такъ образовавшагося сложнаго положенія, вопросъ былъ хитро перенесенъ въ этнографическую плоскость, по указаніямъ Цамбела, который подчеркивалъ: „Českí dejopisci alebo dolinou Hrona zavierajú východnú hranicu

¹ ст. 305.

Veľkej Moravy, alebo mlča o nej. Slováci sa obyčejne opierajú o novoveký stav rečový a takto mudrujú: Slováci bývajú na východ nielen po Hronskú dolinu, ale až po Torysu, a niet dejepisných údajov, kedy sa tak ďaleko dostali, učme tedy, že východné hranice Moravy siahaly až po Torysu“.¹

Конечно, подобное воззрѣніе противорѣчитъ уже самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости. А „justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuens“.

Однако Гусекъ, задачей котораго это явилось, еще и на этой почвѣ оказался удивительно пристрастнымъ, заявивъ „sine ira et studio, bez jakychkoli stranickýchъ simpatii a antipatii“² слѣдующее:

„Nam stačí se spokojiti s faktem, v kterém se shoduje většina badatelů o osazení východního Slovenska, že Slováci velmi záhy pronikli na východ, kde se možná stýkali ještě i s Jihoslovany, a že během století tak jejich kolonisace vzrůstala, že kulturou a počtem převyšovala živel ruský i polský, čím způsobeno bylo slovakisování oněch dvou slovanských kmenů.“

Zprvu ovšem mohla býti hranice mezi ruskou a slovenskou kolonizací řeka Topľa, jak chtěl Czambel, poněvadž v těch končinách právě prostíraly se v oněch dobách obrovské lesy, které byly přirozenou překážkou vzájemného pronikání Slovákův a Rusův. Jakmile tyto hvozdy staly se předmětem výnosného podnikání, hlavně od XII. stol. Slováci rychle postupovali do oblasti ruské, kterou časem jednak sami hustě osadili, jednak starší ruské osadnictvo z části poslovenštili, takže její ráz (zvláště v stolici Zemplinské) byl a je dosud smíšený. Ale revindikace se strany ruské byly by dnes marné, ježto velká většina obcí je po celém východním Slovensku, i v krajích k Podkarpatské Rusi přiléhajících, slovenská.“³

Ко всему этому онъ прибавляетъ:

„Proti revindikacím historickým stojí však železná skutečnost, že území to po dnes z většiny slovenské, protože... Rusové se dobrovolně poslovenštovali a poslovenšťují. O nějakém šovinistickém nacionalismu slovenském nemohlo (Slováci byli maďarisovaní, jako Rusové) a nemůže býti ani řeči; byl by také bez účinku, kdyby... obyvatelstvo samo neodkládalo svého jazyka a s ním i ostatních rozlišujících znaků své starší národnosti. Tím nechceme tvrditi, že by východní Slovensko bylo územím čistě slovenským a tedy již ne

¹ Czambel, Slováci a ich reč, str. 39.

² str. 501.

³ str. 23.

sporným zůstává smíšeným i dále, ale jsouc obráceno k slovenskému kulturnějšímu západu a spojeno pevnými svazky nejen státně administrativními, ale i s hospodářskými a osvětovými, s celým Slovenskem a skrze toto s celou Československou republikou a tím s celou střední a západní Evropou, bude se poslovenštovatí samo sebou, bez jakékoli národnostní agitace, která by jen vyvolávala reakci u Rusů. Neztratí se však beze stopy: tělesný typ, dialektické zvláštnosti v nářečích, vzniklých vzájemným smíšením, způsob života se starými zvyky a obyčejí, zbytky kroje, domu, písně a vůbec typ povahový, hlavně však víra — to dlouho bude se držeti a s tím i povědomí bývalé ruskosti. Toho nesetře s lidí žádná věda, ani žádné úřední i neúřední sčítání. Asimilační proces jde svým tempem, které může se uměle zrychlovati nebo zdržovati, ale kterého nikdo nezastaví, leda by Rusy rozsadil od Slovákův, anebo čínskou zeď mezi nimi vystavěl. Kdo však ví, zda by jí nerozkopali sami — Rusové, aby se mohli poslovenštiti? *Vždyť tím se neztrácejí pro Slováky: slovenské pobratimstvo nesmí se tu ukazovati sobecky malicherným.* Bratr Slováček nebo bratr Rus — oba dva jsou Slované! Mají se nenáviděti pro různý kmenový původ a trochu odchýlný způsob života, povahy, víry, řeči a pod.? To věru pod zorným úhlem sousedského nažívání a všeslovanské myšlenky nestojí za to; jen když zachovali dosud a zachovávají i vždycky na budoucně svoji zděděnou slovanskost. Výbojnou vitální silu musí obrátiti proti těm, kteří jak Slováky, tak Rusy chtěli obrátí o jejich slovenskou národnost — proti Maďarům. Tím směrem se musí otočiti společná fronta slovensko-ruská na východním Slovensku a na Podkarpatské Rusi.⁴¹

Вотъ таковъ Гусекъ.

Конечно, это умствование не выдержало бы критики и тогда, когда его утверждение явилось бы воистину доказаннымъ „фактом, в котором се shoduje většina badatelů o osazení východního Slovenska.“ Несмотря однако на то, что утверждение Гусека, по отношению къ прошлому на основании современного этнографического положенія, совершенно произвольно, лично имъ построенная конклюдія уже въ самой себѣ несостоятельна: тамъ, гдѣ русскіе опередили словаковъ, естественно, что тамъ и историческое право стоитъ за русскими. „Желѣзная дѣйствительность“ не заслуживаетъ здѣсь уваженія, какъ она не принята была во вниманіе около Дуная или на нѣмецкой границѣ. Если чехословакамъ историческое право позволяло

¹ ст. 41.

включить въ составъ ихъ республики территорію, населенную онѣмеченными и омадьяренными чехословаками, то почему бы то же право ревидикаціи не принадлежало и русскимъ? На какомъ основаніи оно должно было ограничиться только этнографическимъ критеріемъ, да и то лишь частично? Славянство, какъ единство, было въ далекомъ прошломъ. Какъ таковое, послѣ своего расчлененія, оно исчезло и только память о немъ живетъ, да и то не съ одинаковой силой и чистотой у разныхъ его вѣтвей. Въ настоящее время каждая славянская вѣтвь самоограничивается, живетъ исключительно сама по себѣ, творить свою исторію, культуру и литературу, гордится своимъ творчествомъ, охраняетъ его и т. д. Такъ почему только одни русскіе изъ всѣхъ славянъ должны были бы жертвовать своимъ и даже собою? Однако, если все же есть славянство, какъ нѣчто единое, то вѣдь и русскіе славяне. Для чего ихъ тогда угнетать и уничтожать? Для подлинно славянской работы нашлось бы, конечно, болѣе широкое поле дѣятельности. Не мало, вѣдь, еще славянской исторической земли подъ чужимъ игомъ: гдѣ поморяне, гдѣ венды и т. д.? Взяться за освобожденіе ея дѣло было бы, безспорно, многимъ достойнѣе храбрости чехословацкаго льва, нежели угнетать именно русскихъ. Если бы ассимиляція русскихъ шла дѣйствительно естественнымъ путемъ или по собственной охотѣ, то, конечно, противъ этого нельзя было бы возражать. При существующемъ же положеніи вещей серьезное утвержденіе, что „nemôže býti ani řeči o nejakém šovinistickém nacionalismu“, является слишкомъ циничнымъ. Уже не говоря о томъ, что если бы это утвержденіе соотвѣтствовало правдѣ, не было бы широкаго неудовольствія противъ правительственной политики денационализаціи русскихъ, міръ будетъ убѣжденъ въ благоденствіи карпатороссовъ представленіемъ тѣхъ различныхъ приказовъ, которые издавались правительствомъ и его мѣстными органами, открыто и секретно, для подавленія всего русскаго въ Карпатахъ въ теченіи девяти лѣтъ. Положеніе достаточно характеризуется, что собранныхъ распоряженій число превышаетъ одной тысячи, хотя по самому существу этого дѣла собраніе не можетъ быть полнымъ. Кто ознакомится съ этимъ матеріаломъ, конечно, тотъ откажется повѣрять, что эти распоряженія дѣйствительно написаны кровными славянами, тѣми, о которыхъ проф. Масарикъ сказалъ 25 янв. 1917 г. въ своей знаменитой статьѣ „Delenda est Austria“,

что „všetký naše politické strany jsou rusofilské“, тѣ, къ которымъ карпатороссы именно обратились въ концѣ 1918 г. съ полнымъ довѣріемъ, открытымъ сердцемъ, какъ братъ къ брату. Лишь теперь, на собственномъ опытѣ, можно почувствовать и понять воистину, какой огромный переворотъ совершила глаголица въ душахъ тѣхъ, которыхъ плѣнила, и какую правду сказала Гавличекъ, когда подчеркнул въ 1846 году, что „Já jsem Čech, ale nikdy já jsem Slovan. Kdykoli se nazvu Slovanem, učiním to vždy jenom ve smyslu učeném, země-národopisném . . . Patriotismus slovanský jest jenom o něco mě iě horší, než kosmopolitismus . . . Potrebno jest . . . co možná nejvíce ostatních si všimati, a z jejich literatur a jazyků a národnosti pro sebe koř stiti! . . .“¹

¹ Въ статьѣ: „Čech a Slovan“ въ Пражскихъ Новинахъ 1846 года.

Всеобщі признаки.

Стоить только разобраться въ мадьярской идеологіи отрицанія, какъ нельзя сейчасъ же не увидѣть, что выдвинутая ею теорія построена на явномъ софизмѣ. Поэтому и всѣ заключенія, которыя опираются на эту теорію, ложны. Изъ того, что приходъ мадьярь, какъ его Анонимъ рисуетъ, не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ эпохи прихода, вообще еще не слѣдуетъ, что мадьяры нашли занятую ими территорію совершенно пустынной, на которой не было никакой исторической жизни и никакого населенія, а посему будто бы приходъ мадьярь не нарушилъ ничьихъ историческихъ правъ. Дѣло обстоитъ совсѣмъ наоборотъ.

Намъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что лѣтопись Анонима сохранилась въ одномъ только экземплярѣ, къ тому же съ утраченнымъ началомъ. Поэтому авторъ ея остался неизвѣстнымъ. Лѣтопись (т. е. списокъ) относится ко 2-ой половинѣ XIII ст., однако самый рассказъ, по содержанию, восходитъ болѣе къ эпохѣ Бѣлы III, т. е. ко 2-ой половинѣ XII вѣка.¹ Это показываетъ на то, что рукопись не является оригиналомъ, а лишь спискомъ, въ чемъ изслѣдователя убѣдитъ самый текстъ, на каждой страницѣ котораго встрѣчаются исправленія сдѣланныя двумя неизвѣстными лицами. Замѣтимъ къ тому, что авторъ, хотя и получилъ западное образованіе, учась въ Парижѣ, тѣмъ не менѣе остался противникомъ Рима. Иначе и нельзя понять его шутовскую иронию, что „добромъ Венгріи нынѣ римляне утучняются“.²

¹ Новѣйшее изслѣдованіе будинскаго протоіерея Петра указываетъ, что авторомъ этой лѣтописи былъ нотаръ Бѣлы II-го и свой рассказъ составилъ около 1147—1152 г.

² Cap. IX.

Безспорно, что рассказъ Анонима не является современнымъ вѣку Арпада. Слѣдовательно и его картина о приходѣ мадьяръ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Однако, хотя трудно различить въ ней вымыселъ отъ правды, все же нельзя отказать ей въ соотвѣтствіи своему вѣку.

Кто перечитаетъ лѣтопись Анонима, сразу замѣтитъ, что онъ территорію древней Венгріи представляетъ сплошь заселенной, а не необитаемымъ краемъ. Арпадъ, чтобы завладѣть этимъ краемъ, принужденъ былъ вести бои на всѣ стороны.

Тѣ народности, которыя столкнулись съ царствомъ Арпада, по его рассказу, были:

1. *руссіе*, жившіе къ сѣверо-востоку, которыми въ то время правилъ князь Лаборецъ. Съ нимъ Арпадъ и встрѣтился впервые, двигаясь, по сообщенію, Анонима, черезъ Карпаты на Мукачево;

2. *болгары*, заселявшіе мѣстность на югъ отъ русскихъ по Дунай; ихъ территорія была раздѣлена между тремя князьями: Маротомъ, Заланомъ и Гладомъ;

3. *волохи*, жившіе въ южныхъ областяхъ Семиграда, во главѣ которыхъ стоялъ нѣкій Гелюу;

4. далѣе, территорія за Дунаемъ, съ главнымъ городомъ Веспримъ, принадлежала *римлянамъ*, а на сѣверо-западной части Карпатъ правилъ нѣкій князь Зоборъ, съ центромъ въ Нитрѣ, подчиненной *чехамъ*, ввиду того, что земли, лежащія между рѣками Гроной и Вагомъ по Мораву, по рассказу Анонима, еще послѣ смерти Атиллы завоевали чехи и подчинили себѣ живущія здѣсь славянскія племена. Зоборъ правилъ ими вслѣдствіе симпатіи къ нему чеховъ.

Ввиду того, что всѣ эти народности играютъ роль въ рассказѣ Анонима, несомнѣнно, что въ его время они должны были уже здѣсь быть. Вѣдь не будь ихъ, Анонимъ не столкнулъ бы съ ними мадьяръ. А то, что Анонимъ связываетъ о нихъ воспоминаніе съ приходомъ Арпада, только показываетъ, что всѣ эти народы въ его пору уже имѣли свое далекое прошлое на территоріи Подкарпатя.

Вотъ смыслъ Анонима.

Принявъ это во вниманіе, намъ слѣдуетъ теперь обратиться къ мадьярской исторіографіи. Необходимо указать, что мадьяры исходятъ изъ той мысли, что послѣ обрвовъ, которые прибыли сюда въ концѣ VI столѣтія и которыхъ

франки уничтожили безъ остатка въ концѣ VIII столѣтія, на ихъ мѣсто съ востока, до прихода мадьяръ, никакой народъ не приходилъ. Такъ какъ обры погибли при Карлѣ Великомъ, то предки мадьяръ заняли территорію совершенно пустынную, лишенную въ то время исторической жизни, почему и представлявшую собою дикій край. Мадьяры, не только какъ народъ кочевой, но и по своей малочисленности, заняли только равнину, поселившись около Дуная и Тисы, въ то время какъ изъ остальной территоріи, по Карпаты, образовалась для обороны засѣчная область, называвшаяся *Gyerűelve*. Она лишь со временемъ, мало по малу, была заселена путемъ колонизаціи.¹

По свидѣтельству Анонима, жившіе въ этихъ мѣстахъ въ его время народы уже имѣли за собой здѣсь далекое прошлое. Поэтому, если бы утверждаемая мадьярами колонизація соотвѣтствовала правдѣ, то она должна была начаться и окончиться задолго до Анонима. Однако, по свидѣтельству самой мадьярской историографіи, границы Мадьяріи и во времена Анонима были далеко еще отъ карпатскаго хребта и подошли къ нему не ранѣе татарскаго нашествія. Напримѣръ, на сѣверо-востокѣ граница тянулась въ концѣ XII столѣтія надъ Мишколцомъ. Естественно, что упоминаемые народы не могли здѣсь появиться какъ колонисты, допущенные мадьярами, ибо мадьярская граница проходила далеко отъ карпатскаго хребта, а народы эти не только уже здѣсь обитали, но по свѣдѣнію Анонима имѣли уже за собой и далекое прошлое. Слѣдовательно, ихъ существованіе въ нынѣшнихъ мѣстахъ ихъ пребыванія значительно опережаетъ начало мадьярскаго владычества.

Такъ ускользаетъ основаніе изъ подъ цѣлой теоріи отрицанія.

Имѣя въ виду конечную цѣль мадьярской теоріи, послѣ всего сказаннаго самъ по себѣ вопросъ: обитали ли здѣсь народы во время мадьярскаго прихода, или нѣтъ, становится совершенно безразличнымъ. Вѣдь сущность теоріи отрицанія направлена противъ историческихъ правъ этихъ народовъ. Если же эти народы опередили начало господства мадьяръ на территоріи, гдѣ живутъ, то историческое право, безспорно,

¹ Cp. Karácsonyi J.: Erdély és a honfoglalás, Kath. Szemle 1896; Halovány vonások hazánk Szent István korabeli határaitól, Századok 1901; Tágányi K.: Gyepű és gyepűelve, Magyar nyelv 1913 и т. д.

стоитъ за этими народами, а не за мадьярами. Однако, кто пожелаетъ изслѣдовать дальше этотъ вопросъ, тотъ получить довольно ясныя указанія и относительно прошлаго этихъ народовъ, играющихъ роль въ разсказѣ Анонима.

Безспорно, что территорія не была пустынной во время прихода мадьяръ. Явнымъ доказательствомъ тому служатъ находки изъ этой эпохи.¹

Съ другой стороны, кто разсмотритъ номенклатуру территоріи, тотъ не можетъ не установить, что народъ, который мадьяры здѣсь встрѣтили при своемъ приходѣ, могъ быть исключительно славянскимъ.

Славянство, конечно, пришло сюда еще въ эпоху переселенія народовъ, которое и разсѣяло его по Атлантической океанъ, а на югъ — по Средиземное море. Правда, утверждаютъ, что обры относились къ славянамъ весьма сурово. Обры, какъ описываетъ лѣтописецъ, „были крупны тѣломъ и горды умомъ“ и если обръ куда нибудь ѣхалъ, то запрягалъ въ телѣгу не ковя, но трехъ-четырехъ славянскихъ женщинъ. Вслѣдствіе такой ихъ жестокости, неудивительно, что многіе изъ славянъ убѣжали еще передъ ихъ приходомъ, а также бѣжали и во время ихъ господства. Именно это была одна изъ тѣхъ причинъ, которая способствовала быстрому развитію франко-римскаго союза. Для славянъ подчиненіе франкамъ казалось настоящимъ спасеніемъ. Такъ дошли они скоро до самой Каринтіи, въ сущности славянской Горатыни, откуда и приготовили наступленіе противъ обровъ. Но какъ только они погибли, то какъ можно себѣ представить, что въ славянскомъ этносѣ, именно въ его серединѣ, образовалось огромное незанятое пространство? Уже и „*natura horret vacuam*“. Несмотря однако на то, что не каждый смогъ убѣжать или скрыться, мы не должны упустить изъ виду, что въ то время еще и восточное переселеніе народовъ было въ полномъ ходу. А сущность дѣла подтверждаютъ не только археологическія находки, которыя здѣсь были найдены, но и современные источники, прежде всего Константинъ Багря-

¹ Ср. Hampel József: A honfoglalási kor hazai emlékei. A magy. honf. kútfői. Budapest 1900. Ujabb tanulmányok a konfoglalási kor emlékeiről Budapest 1907; Gohl Ödön: Barbár pénzeink prototípusai. Numizmatikai közlöny 1915; Berkeszi István: Délmagyarország éremleletei, Történelmi és régészeti értesítő 1907 и т. д.

народный. Все же наилучшимъ доказательствомъ явятся сами мадьяры, ихъ языкъ, чрезмѣрно переполненный славянскими словами. Это признаетъ и мадьярское языковѣдѣніе, слѣдовательно и исторія не можетъ отказаться отъ этого.¹

Такое славянское вліяніе, конечно, въ долину Дуная только продолжалось. Начать оно должно было еще въ Лебедии, а укрѣпилось въ Ателкузѣ. На это явно указываетъ носовой звукъ, съ которымъ встрѣчаемся въ мадьярскомъ языкѣ и который они могли получить только отъ болгаръ, во время непосредственнаго съ ними сожителства: *gomba* (губа), *abroncs* (обручъ), *rend* (рядъ), *galamb* (голубь), *bolond* (болтунъ) и т. д. Это подтверждаетъ и имя Арпада, которое значитъ ни что иное, какъ „горѣ-поднятый“, т. е. избранный вождемъ, поднятіемъ вверхъ на щитѣ, какъ это замѣчаетъ Константинъ Багрянородный: *Katà tò tōn zazarōn êthos kai çázavon*.² Въ послѣднемъ словѣ также нельзя не узнать славянскій законъ. Славянское, по происхожденію, и имя легендарнаго вождя *Töhötöm* = тоготунъ = *Ionicera caucasia*, а *Bulcsu* (Булчу), который ходилъ въ Царьградъ и былъ сыномъ Б о г а т а.³ Такъ какъ *Bulcsu* характеризуется какъ *vir sanguinis*, то въ его имени нельзя не признать за корень глаголь булчить. Нѣкій Кусаль въ 900 году руководилъ мадьярскими войсками противъ Баворіи⁴ и т. д.

Зная это, намъ слѣдуетъ подчеркнуть, что съ другой стороны въ исторіи нѣтъ нигдѣ указаній на такія чрезвычайныя событія, которыя позволили бы предполагать, что славянская масса, которую мадьяры должны были встрѣтить въ долинахъ Дуная и Тисы, принуждена была оставить свое мѣстопробываніе позже. Возникни такой крайній случай, съ нимъ, конечно, неизбѣжно должны бы столкнуться и мадьяры.

Въ виду изложеннаго ранѣе, а также потому, что народы, о которыхъ рассказываетъ Анонимъ, какъ заставляють предполагать этотъ рассказъ, должны были уже здѣсь имѣть свое прошлое, а съ другой стороны наоборотъ, со времени прихода мадьяръ въ славянскомъ этносѣ въ долинахъ Дуная

¹ Ср. Melich János: *Szláv jövevényiszavaink*, Budapest 1903—1905.

² De adm. imp. c. 38. Не безъ интереса примѣтить, что мадьяры имя Арпада производятъ отъ турецкаго слова *árpa* = ячмень, *Magyar Nyelv* 1914, 282.

³ *Magy. honf. kútfői* 455, *Anonymus* c. 53. По мадьярскому толкованію *Bulcsú* = *búcsú* = отпустить, прощеніе, *Magyar Nyelv* 1913, 327.

⁴ *Mon. Germ. Ss.* III. 425.

и Тисы не могло произойти какихъ либо исключительныхъ перемѣнъ, нѣтъ вообще причины, чтобъ славянскія племена разсказа Анонима не признавались потомками славянъ эпохи мадьярскаго прихода.

Въ одномъ отношеніи всетаки за мадьярами правда. Какъ намъ извѣстно, Анонимъ упоминаетъ и волоховъ. Но ихъ во время прихода мадьярь, конечно, здѣсь еще не было.

Слѣдуетъ подчеркнуть, что волохи считаютъ себя потомками легионовъ Траяна, но совершенно безосновательно. Еще въ 1774 году въ Лейпцигѣ появилась одна книга изъ подъ пера Өунмана, подъ заглавіемъ — „*Untersuchungen über die Geschichte der Östlichen europäischen Völker*“. Изъ этой книги мѣръ узналъ, что кромѣ румынъ теперешней Румыніи, румыны живутъ и въ Македоніи, около Охриды, Преста и Касторіи, на территоріи, которую окружаютъ: Крушево, Монастырь, Берать, Янина, и Трикала. Къ этому факту скоро прибавился еще второй: на Истрійскомъ полуостровѣ нашлась еще третья часть румынъ, которая когда то была распространена на островѣ Веглія. Изслѣдуя ихъ языкъ, уже Копитаръ отрицалъ возможность происхожденія румынъ отъ легионовъ Траяна. Его работу продолжали: Шульцеръ, Миклошичъ, Роезлеръ, Томашекъ и т. д., по изслѣдованію которыхъ колыбелью теперешнихъ румынъ явилась Албанія, область Нароны, Салоны, Діоклеи, Станеклума. Отсюда распространились они по цѣпямъ горъ, какъ кочующіе пастухи, кругомъ по Карпатамъ, до Моравіи. Однако съ легионами Траяна ничего не имѣютъ общаго. Эту связь можетъ подчеркивать только тщеславіе; вѣдь Траянъ, по свидѣтельству историческихъ данныхъ и археологическихъ памятниковъ,¹ воспользовался этими легионами при завоеваніи Дакии: I. *Italica*, I. *Minerva*, IV. *Flavia Fidelis*, I. *Adiutrix*, V. *Macedonica*, VII. *Claudia* и XIII. *Gemina*. Но *Italica*, *Minerva* и *Flavia Fidelis*, послѣ побѣды надъ Декебеломъ, возвратились сейчасъ же на свои посты; и какъ только возстановилось мирное

¹ Ср. K. Torma: *Inscriptionen aus Dacia*, Arch. Epigr. Mittheilungen, Wien 1882; Teglás G és Király P. *Közl. Erdélyi Muz. Egylet kiad* 1889; K. Goos: *Die Inneverhältnisse des Trajanischen Daciens*, Archiv für Siebenb. Landesk. XII, Studien zur Geografie und Geschichte des Trajanischen Daciens; Király P.: *Dacia, Nagybecskerek* 1893; Réthy L. *Az Oláh nyelv és nemzet megalakulása, Nagybecskerek* 1890; A. D. Xénopol: *histoire des Roumains de la Dacie Trajane*, Paris 1896; Miklosich: *Über die Wanderungen der Rumänen*, Wien 1879; A. C. Sturdza: *La torre et la race roumaines*, Paris 1904; Em. de Martonne: *Le Valachie*, Paris 1902; Onciul: *Romanii din Dacia Trajana*, Bucaresti 1902; N. Jorga: *Geschichte des rumänischen Volkes*, Gotha 1905.

положеніе, послѣдовали за ними VII. Claudia, I. Adiutrix и V. Macedonica, такъ что въ Дакии постоянно осталась лишь XIII. Gemina, командированная туда изъ теперешней Вѣны, съ штабомъ въ Апулумъ, какъ главномъ городѣ.

Этотъ корпусъ, съ вспомогательными силами, исчислялся приблизительно въ 15—16 тысячъ человекъ и былъ составленъ изъ отрядовъ: Gallorum, Alpinorum, Batavorum, Commagenorum, Bessorum, Hispanorum, Numidorum, Mauretanicorum, Raetorum, Thracum, Ubiorum, Vindelicorum, Brittonum, Illyricorum, Dalmatarum, Bosporonorum, Pannoniorum, Palmyrenorum, Syrorum, Frigum, Alexandrianorum, Cyprorum и т. д., т. е. изъ чужестранцевъ, а не уроженцевъ Италиі.

Какъ же можно было предполагать, чтобы въ то время среди простыхъ солдатъ находились урожденные римляне? Вѣдь Римъ не для того побѣдилъ міръ, чтобы его потомки проливали въ немъ кровь, но чтобы его использовать. Римлянинъ, когда рѣшалъ идти въ провинцію, то шелъ какъ командующій, по крайней мѣрѣ, какъ высшій чиновникъ. Дакия же для нихъ не имѣла большой притягательной силы. Напримѣръ: С. Caerelius Sabinus legatus между 183—5 г. обновилъ алтарь солнцу, а О. Caecilius Laetus, legatus Augusti Leg. XIII. Gem. въ 192—211 г. поставилъ алтарь непобѣдимому солнцу, также и legatus О. Marcus Victor Felix Maximilianus, на оборотъ Quintus Terentius Pudens Utidianus Leg. A. Leg. XIII. Gem. поставилъ алтарь Genio Daciae и поклонялся Genio Carthaginiensis. Явно, что здѣсь подъ римскими именами, даже и на высшихъ постахъ, скрывались чужестранцы, происходящіе прежде всего съ востока. Тѣмъ менѣе римлянъ можно искать среди низшихъ классовъ населенія. Не безъ основанія Eutropius подчеркнул: „Traianus Dacia victa ex toto orbe romano infinitas eo copias hominum transtulerat ad agros et urbes colendas.“¹ Это безсомнѣнія подтверждаютъ эпиграфическіе памятники. Напримѣръ, въ главномъ городѣ, въ Апулумѣ, встрѣтимся съ греками, пафлагонцами, пальмирцами, сирійцами и египтянами, въ то же время памятники судопроизводства ссылаются на Фригію и Мисію. Такъ было и по цѣлой провинціи. Дакия была богата солью и золотомъ. Это обстоятельство и привлекло вниманіе римлянъ на эту территорію, однако задолго передъ ними это

¹ VIII. 3.

богатство было известно грекамъ,¹ а при посредствѣ ихъ и прочимъ восточнымъ народамъ, которые это богатство не замедлили использовать.

Но и даки продолжали существовать, ибо отечество оставила только армія и тѣ, которымъ самолюбіе не позволило покориться, однако и изъ послѣднихъ Legatus Sabinianus принялъ назадъ 12 тысячъ.²

Въ глазахъ римлянъ Дакия была опасна тѣмъ, что находилась на пути кочующихъ народовъ, которые постоянно ее тревожили. Именно поэтому уже Траяна занимала мысль ее оставить. Удержалась же она въ рукахъ Рима до 272 г. только благодаря деньгамъ. Jordanis, писавшій о занявшихъ ее готахъ, ясно говоритъ, что изъ Рима „annua tunega percipiebant“.³

Вслѣдствіе этихъ нападеній Дакия сильно страдала. Около 168 г. различныя орды, прорвавшія линію обороны, настолько разорили Дакию, что ее нужно было просто заново возстанавливать. Apulum (Бѣлоградъ), Napoca (Klus), Potaissa (Torda) и т. д. совершенно были разрушены. Septimius Severus оживилъ Potaiss-у. Apulum былъ возстановленъ при императорѣ Маркѣ. Рудокопы бѣжали, боясь попасть въ рабство. Въ Красномъ Потокѣ (Alburnus major) они скрывали свои вещи въ золотыхъ копяхъ, гдѣ открываются лишь теперь. Это служитъ явнымъ доказательствомъ того факта, что они не вернулись сюда, вслѣдствіе чего и горный промыселъ (рудное дѣло) остался въ пренебреженіи. Эти разоренія повторялись до 220 г. нѣсколько разъ. Какъ при такихъ обстоятельствахъ могла здѣсь начаться романизация, послужившая будто бы основою нынѣшнему румынскому народу, когда эта романизация при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ уже совершенно исчезла и въ провинціяхъ около Дуная? Естественно, что иначе должны были бы остаться доказательствомъ памятники: историческіе, этнографическіе, культурные, археологическіе и филологическіе. Исторія знаетъ, что за римской имперіей въ Дакии послѣдовало господство готовъ, геруловъ, гепидовъ и т. д., однако нѣтъ никакихъ памятниковъ о романизмѣ. Лишь славяне, слѣды которыхъ здѣсь замѣтны уже со временъ Августа,⁴

¹ Herodotos IV. 49, 104; Századok 1897, 816.

² Dio Cassius 72, 1—2.

³ De Get. orig. 19.

⁴ L. Annaeus Florus: Res. Romanae IV. 12, 18, 20.

пережили всѣ прочіе народы, наслѣдовавшіе римскую власть, и сохранили воспоминанія; народная поэзія даже самаго Траяна помѣстила среди своихъ богатырей.¹ До XII столѣтія никто не знаетъ здѣсь о романизмѣ, ни западъ, ни востокъ, хотя Византія, находившаяся съ кочующими народами въ постоянной борьбѣ, уже изъ собственнаго интереса очень внимательно слѣдила за дѣлами около Дуная. Молчить и Константинъ Багрянородный, хотя онъ хорошо зналъ территорію Дуная. Однако, византійскимъ источникамъ уже съ давнихъ временъ хорошо извѣстна Valachia Magna около Пинда, а за тѣмъ, начиная съ X столѣтія Valachia Minor около Родопы, куда поселилъ волоховъ Самуилъ, царь болгарскій, послѣ болгаро-греческой войны, въ 983 г.²

Происхожденію румынъ отъ легій Траяна противорѣчитъ также и самъ ихъ языкъ. Будь онъ дѣйствительно латинскимъ по своему происхожденію, само собою разумѣется, что онъ долженъ бы быть связаннымъ латинизмомъ II—III столѣтія. Однако не только не видимъ соотвѣтствующаго архаизма въ румынскомъ языкѣ, но напротивъ, онъ и въ конструкціи различается отъ истинныхъ дочерей латинизма, отъ итальянскаго, испанскаго, португальскаго языковъ. Румынскій языкъ въ своей сущности представляетъ совершенно особенный индивидуализмъ, основою котораго является албанскій языкъ. Эта основа скрещена съ славянскими элементами, а уже скрещеніе тронута вліяніемъ итальянскаго языка, прежде всего неапольскаго нарѣчія V—VI столѣтія, чему способствовали бѣжавшіе сюда итальянцы передъ различными кочующими народами. Въдѣ отрантійскій морской проходъ шириною только въ 80 километровъ. Изъ этой мѣшанины родился румынскій языкъ. Что и славянство стояло у его колыбели, тому явнымъ доказательствомъ служатъ уже имена числительныя, въ образованіи десятковъ. Славянскаго происхожденія даже румынское названіе сотни (100=sută=сто). Это подтвердитъ и слово Крачунъ, и память о славянской Вилѣ, Самодѣвѣ, Вурколакѣ и т. д., которыя извѣстны румынской миѳологіи.

¹ C. J. Jireček: Geschichte der Bulgaren, Prag 1876, 74—5.

² Scriptorum Historiae Byzantinae. Editio Veneta IX. 544 553, XII. 110, 117, XIII 194; A. Weigand: Rumänen und Arumunen in Bulgarien—Leipzig 1907; Murun George: Vlahia mare. Bucuresti 1913; Vjesnik zemaljskoga arkiva. Zagrab XIII. 146; Anjoukori Diplomaciai Emlékek, Budapest 1876, III. 40; Wenzel: Árpádkori okmánytár VI. 267, 277, 282—84; Theiner: Monum. Hung. I. 157; Fontes rerum austriacorum, Wien 1883, V. 42, 48.

Исаакъ Ангелось, женившійся на Маргаритѣ, дочери мадьярскаго короля Бела III-го, для покрытія издержекъ свадьбы наложилъ около 1186 г. большія подати на народъ. Кто не заплатилъ наличными деньгами, у того отбирали скоть. Это больше всего коснулось именно волоховъ, занимавшихся преимущественно скотоводствомъ. Насилія разорили народъ и онъ возсталъ. Однако мятежъ не удался. Чтобы избѣжать мести, многіе бѣжали. Вслѣдствіе этого событія, началось обширное переселеніе волоховъ отъ юга за Дунай къ Карпатамъ.¹ Этому способствовали и тѣ перемѣны, которыя вскорѣ за тѣмъ совершились на Балканахъ.² Въ 1204 году Царьградъ палъ и наступило латинское владычество, насиліе котораго опять вызвало мятежъ среди волоховъ. Отсюда ясно, что предки румынъ могли придти въ Семиградъ только концомъ XII столѣтія и въ большомъ количествѣ. Изъ того, что Анонимъ въ своей лѣтописи привелъ ихъ къ столкновенію съ мадьярами, это обстоятельство лишь то доказываетъ, что они раньше попали сюда, чѣмъ мадьярскіе передовые посты дошли къ Семиградскимъ Карпатамъ. Однако Анонимъ помѣщаетъ ихъ въ самый уголь Семиграда.

Конечно, все это молодо сравнительно съ исторіей славянства въ Семиградѣ. Славяне, какъ мы подчеркнули, уже во времена римлянъ были замѣчены въ Семиградѣ и пережили всѣхъ наслѣдниковъ римлянъ: готовъ, геруловъ, гепидовъ и т. д. Интересно, что и эпиграфическіе памятники упоминаютъ о нихъ.³ Больше того, уже въ сочиненіи Клавдія Птоломея⁴ мы встрѣтимся съ рѣками: Черная, Березовая и т. д., извѣстными хорошо и потомству. О нихъ часто упоминаютъ: Ammianus Marcellus,⁵ Zozimus,⁶ Menander⁷ и т. д.

Эти славянскія племена, жившія на территоріи Семиграда, и страдавшіе отъ часто мѣнявшагося ига чужеземцевъ, какъ только пали гепиды, объединились, благодаря чему и усилились.

Они назывались бродниками, а ихъ территорія Slavina или terra Brodnicorum. Во главѣ ихъ стоялъ воевода, избран-

¹ Ср. Nikeforos Choniates: De rebus gestis imp. Constantinopolitarum (1118—1203), Scr. Hist. Biz.

² K. Jireček: Geschichte der Bulgaren 228, 231, 243, 250 ст.

³ Mommsen: Corpus Inscript. Latinorum III. 1296

⁴ Claudii Ptolomaei Geographia, ed. Car. Frid. Aug. Nobbe, 177 ст. § 1.

⁵ XVII. 13.

⁶ IV. 34.

⁷ 406.

ный изъ среды старѣйшихъ. Первый, о комъ изъ нихъ память сохранилась, былъ Добрета или Доброта.

Само собою разумѣется, что о границахъ даже слова не могло быть. Рамки этой территоріи, которая въ дѣйствительности опиралась на оставленныя здѣсь укрѣпленія римлянъ, постоянно измѣнялись. Объединеніе дало бродникамъ всетаки нѣкоторую самостоятельность, а въ народѣ возбудило смѣлость и отвагу.

Обры, придя въ долину Дуная и Тисы, стремились покорить бродниковъ. На это Доброта, вмѣстѣ съ старѣйшинами, прямо сказалъ ихъ посламъ, которые пришли требовать дань отъ бродниковъ: „Кто тотъ человекъ подъ небесами, который былъ бы способенъ осилить насъ и покорить? Мы привыкли владѣть другими, а не подчиняться. И при томъ останемся, пока существуютъ бой и мечь“.¹

Естественно, что такой отвѣтъ не могъ понравиться посламъ. Они разсердились и оскорбили старѣйшинъ. Но бродники не остались въ долгу и перебили пословъ. Все таки князь обровъ не посмѣлъ вторгнуться въ горы, чтобы отомстить. Бродники были обрами оставлены въ покоѣ. Однако сами бродники не успокоились и, обрадованные нѣкоторыми успѣхами, позже ходили даже и на греческую имперію.

Слѣдуетъ замѣтить, что еще императоръ Маурикіосъ рѣшилъ ихъ наказать, а при удачѣ, не только ихъ усмирить, но и покорить. Его армія, подъ руководствомъ Прискоса, въ 593 г. напала на бродниковъ и во первыхъ разбила войско воеводы Радгоста, а позже и войско Мажука.² Все таки бродники не пали духомъ и грекамъ, при всѣхъ удачахъ, не удалось сокрушить ихъ совершенно.

Это дѣло удалось лишь болгарамъ во времена Крума, благодаря энергіи котораго болгарамъ удалось расширить свое господство, распространивъ его даже и на территорію бывшей Дакіи.³ Конечно, нельзя говорить, что они окончательно были задавлены властью болгаръ. Тому явнымъ доказательствомъ служатъ возстанія бродниковъ, которыя они поднимали въ 818 и 827 г. г.⁴

Эти бродники были извѣстны и западу. Нѣмецкій лѣтописецъ Einhard въ 824 г. сообщаетъ о нихъ: „contermini Bul-

¹ Т. с.

² Ср Jireček: Geschichte der Serben 1911, 70—71, 73, 87—88.

³ Jireček: Geschichte der Bulgaren 135 ст.

⁴ Т. с. 138 — 9.

garis Daciam, Danubio adjacentem incolunt“.¹ Слѣдовательно они распространялись по Дунай.

Когда Болгарія, въ началѣ XI столѣтія, была покорена Византіей, бродники подчинились Руси и съ этого времени стали называться русскими. Затѣмъ ихъ мало по малу покорили мадьяры, воспользовавшись затрудненіями, причиненными Руси и Византіи, натискомъ кочующихъ народовъ.²

Съ этого времени они подверглись все усиливавшемуся истребленію, прежде всего со стороны поселившихся среди нихъ волоховъ. Всегаки память о нихъ сохранилась и до нынѣ въ топографическихъ именахъ Семиграда. Вотъ эти имена: bran, brana, jezere, izvor, laz, peštere, pojana, stena, vertop, verv, d'al, vrch, mogila, lunka, balta (болотиско), brad, pripor, grob; Žil (горный и долній), Bistra, Černa, Strela, Krasna; Zagradyn, Zboriste, Hoviste, Bozovič, Kovasna, Zalatna, Tergoviste, Slatina, Starič, Sobin, Ternova, Dobra, Bukova, Torda, Mokra Lipova, Kladova, Milova, Malina, Toplica, Solnik, Rudu, Turnu Severinulu (сѣверная турня) и т. д. Съ ними встрѣтимся почти на каждомъ шагу въ Семиградѣ. Вмѣстѣ съ этимъ имена эти служатъ явнымъ доказательствомъ и для того факта, что вскорѣ послѣ того, какъ римскія легіи оставили эту территорію, славяне успѣли возобновить рудокопное дѣло (Zalatna, Solnik, Torda Ruda и т. д.)

Интересно, что отъ этой славянской вѣтви происходитъ и нынѣшнее названіе Семиграда, ибо Erdély (мадьярское названіе) и Ard'al (румынское названіе) ничто иное, какъ славянское горъ+дѣль.

Больше того, даже и сами бродники еще были извѣстны до начала XIX столѣтія.³ На нихъ ссылается дипломъ короля Леопольда I-го отъ 1669 г., а также и папа въ учредительной грамотѣ униатскаго епископства въ Фогорашѣ отъ 1721 г., называя епископа епископомъ „graecorum et ruthenorum, valachorum, kascianorum aliorumque, qui gr. ritum sequuntur et per Transilvaniae provinciae commorantur.“⁴ Правда, традиціи свои они уже потеряли. Однако и тѣ изъ нихъ, которыхъ уловилъ протестантизмъ, долго и охотно праздновали праздники во-

¹ Mon. Germ. Ss I 212.

² Ср. Karácsonyi I: Borodnok ország, Századok 1908, 609 ст.

³ Ср. De vestigiis Ruthenorum in Transsylvania. Samuel Wolf, Cibinii 1882; I. Benkő: Obs. Crit. in pragm. Hist. Transsylvaniae; Siebenbürgische Quarstalschrift III. Jahrgang, Hermanstadt 1793.

⁴ Ср. Basilovics: Not. Fund. Korjatov. IV. 171, 192; Hodinka: A munkási püsp. története 1909, 22 ст.

сточнаго обряда, въ то время какъ языкъ ихъ былъ испорченъ до неузнаваемости. Такъ напримѣръ, ихъ „Отче нашъ“ звучитъ такъ:¹ „Nas Basta tosi sam nibe, toi poszimte toi szinte Jume, toi zeme nas liab kete deme deigebose, nastigacze to pra stine nastiae greszeni deinszewa isz petani, szlobodil otza, koszli tseszo hore, iszile i putaerae idine i viag vieknit Amin“...

Какъ Семиградъ былъ во время прихода мадьяръ заселенъ, и именно славянскимъ племенемъ, такъ заселена была и остальная территория, не исключая даже Карпатской области, что наиболѣе подтверждается относительно ея сѣверо-восточной части, гдѣ живутъ русскіе, а съ чѣмъ соглашаются и нѣкоторые свои, приписывая заселеніе Карпатской области позднѣйшей колонизаціонной работѣ.

Къ этому хотимъ добавить только одно. Если наше утверженіе отвѣчаетъ правдѣ, то, такъ какъ славянство было атаковано съ запада романизмомъ, а съ востока — эллинизмомъ, естественно, что именно въ долинахъ Дуная и Тисы, просто какъ въ центрѣ славянскаго населенія, должна была прежде всего сохраниться славянская старина въ большей ея неприкосновенности. Здѣсь же могло существовать наибольшее памятниковъ и рунической письменности, которая предшествовала кириллицѣ и глаголицѣ. Правда, до сихъ поръ какъ разъ именно эта территория слабо изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. Все же здѣсь и по днесь нельзя не замѣтить ея слѣдовъ.

Безусловно, что во время прихода мадьяръ, среди славянской семьи, въ долинахъ Дуная и Тисы, еще существовала руническая письменность. Объ этомъ явно говоритъ названіе рунъ — ровъ, ровить — rovás. Это же одновременно свидѣтельствуетъ и о томъ, что сами мадьяры собственныхъ руническихъ знаковъ не имѣли, ибо если бы они существовали, не было бы надобности названія для нихъ заимствовать у славянъ. Но среди сикеловъ, живущихъ въ семиградскихъ Карпатахъ, и до сихъ поръ еще сохранилась руническая письменность, которую мадьярскіе ученые считаютъ памятникомъ гунновъ и турокъ.² Однако, съ одной стороны по причинѣ, что у мадьяръ не могло быть своихъ

¹ Въ Рейсдорффъ отъ 1793 г.

² Szabó K.: A régi hun-székely írásról, Budapesti Szemle 1866; Réthy L.: Az úgynevezett hun-székely írás, Arch. Értesítő 1888; Sebestyén K.: Telegdi János rudimentája, Magyar Könyvszemle 1903; Rovás és rovás-írás, Ethnographia 1904; A magyar rovás-írás hiteles emlékei, Budapest 1915.

руновъ, иначе вѣдь не заимствовали бы названія для нихъ у славянъ, а съ другой наоборотъ извѣстно, что сикелы въ Семиградѣ поселились въ средѣ славянъ-бродниковъ, слѣдуетъ потому предположить, что въ рунахъ сикеловъ скрывается въ дѣйствительности первобытное славянское письмо. Конечно, руны, сохраненныя сикелами, не являются сохраненными въ ихъ первичномъ значеніи, что видно уже изъ того, что первичныя руны обозначали не звуки, но понятія въ цѣломъ, тогда какъ теперешнія руны сикеловъ представляютъ собою стройное развитіе. Они претерпѣли рядъ измѣненій, прежде всего подъ вліяніемъ кирилловскаго письма, что замѣтно у нихъ, а затѣмъ они не могли противостоятъ и мадьярскому вліянію. Слѣдовательно, эти руны представляютъ уже типъ переходный. Все таки они служатъ явнымъ доказательствомъ того факта, что древніе обычаи и памятники иногда даже упорная борьба не способна вытѣснить совершенно, а не разъ новое съ древнимъ сливаются въ своеобразныя сочетанія. Правда, въ области сѣверныхъ Карпатъ руны уже исчезли. Но что и здѣсь долго сохранялись, о томъ свидѣтельствуетъ Матвѣй Белъ, вспоминая въ своемъ сочиненіи¹, главнымъ образомъ календари, вырѣзанные на деревѣ, а также и вырѣзанную на деревѣ молитву „Отче нашъ“. Все это онъ указываетъ въ Турчанской жупѣ. Но самыхъ рѣзныхъ знаковъ, къ сожалѣнію, не приводитъ. Вмѣсто нихъ сообщаетъ стихъ Глосія, такшонскаго проповѣдника, о Павлѣ Балашко изъ Кальны:

Ille suis dicis e ligni parte paratis

Quae voluit cultri, quaeque notabat ore

Этотъ Балашко свои проповѣди, вырѣзанныя на деревѣ, перечитывалъ и десять лѣтъ спустя.

Воспоминаніемъ о рунахъ является и тотъ обычай, что начальникъ села, желая сообщить нѣчто экстренно народу, оповѣщалъ о томъ не повѣстками на бумагѣ и не барабаннымъ боемъ, но посылкой по дворамъ кривого дерева. Коегдѣ дерево въ послѣдствіи замѣнилъ церковный ключъ, который еще и понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Карпатъ замѣняетъ роль уполномочія для глашатага.

¹ Compendium Hungariae geographicum ad exemplar Not. Hung. Novae-Posonii 1753

Карпаторусская древность.

Говорить о территории Карпатъ, какъ о мѣстности, представлявшей до прихода мадьяръ непроходимые лѣса, куда жизнь и культура проникали медленно и, главнымъ образомъ, стараніями мадьярскихъ королей, это значитъ пренебречь историческими данными въ угоду національной политикѣ. Не можетъ быть сомнѣнія, что еще въ доисторическое время, которое кончается приходомъ настоящихъ поселенцевъ, эта область уже была густо заселена. Это явно подтверждаетъ богатство находокъ, среди которыхъ имѣются и римскіе памятники, въ томъ числѣ и монеты римскихъ цезарей.¹ Послѣднее указываетъ на то, что тѣ племена, которыя жили въ мѣстности Карпатъ, какъ въ западной, такъ и въ восточной части ея, находились съ римлянами въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Здѣсь монеты найдены со временъ императора Веспасіана и не только по долинамъ рѣкъ, но и въ самыхъ Карпатахъ: въ Татрахъ, въ Краснобродѣ, въ Кудловцахъ возлѣ Гуменнаго² и т. д. Потомъ не слѣдуетъ

¹ См. издание: Borovsky S.: Magyarország vármegyei és városai, Budapest 1896; Szepesmegyei történelmi társulat kiadványai, Lőcse I., A Szepesség Őskora; Tóth S.: Sárosvármegye monografiája I—III, Budapest 1909—1912; Lehoczy T.: Adatok hazánk archeológiájához, különös tekintettel Beregmegyére és környékére, Munkács 1892; Szendrei J.: Borsod vármegye őstelepei, Arch. Ért., új évf. III. 134, Miskolcz város története, Miskolcz 1886—1911. Dongó G.: Adalékok Zemplén vármegye történetéhez и т. д.

² Веснаціана (69—79) въ Медьасо (Arch. Ért. 1869, II. 95), Домиціана (81—99) въ Сѣчовой Полянкѣ (Arch. Ért. 1870, II. 296), Гадріана (117—188) въ Новомъ Мѣстѣ подѣ шатромъ (Adalékok Zemplén történetéhez 1899, 128 и 1902, 63) и въ Кудловцахъ (Т. с. 1899, 224), Антонія Пія (161—178) въ Новомъ мѣстѣ подѣ шатромъ (Т. с. 1902, 63), Еренніи Этрусциллы, супруги императора Деція (249—251) въ Островянахъ въ Шаришѣ (Tóth, Sáros vm. mon. I. 71), Аврелиана подѣ Татрами (Szepes vm. t. t. kiad. I. 206), въ Краснобродѣ (Adal. Zempl. t. 1902, 352), I. Θεοδοσία (379—394) и Юстиніана (518—527) въ Обишовцахъ (Sáros vm. m. I. 67), II. Θεοδοσία (408—450) въ Паздичѣ (Arch. Ért. 1871, 135) и т. д.

упускать из виду, что тамъ добывались — опаль, самый цѣнный изъ извѣстныхъ, а затѣмъ соль: въ Сольноградѣ и Мармарошѣ.

Замѣчательно, что мѣстное населеніе книжное названіе **Карпаты** употребляетъ лишь постольку, поскольку оно привито школой. Больше даже, мадьярская литература пользуется этимъ именемъ только съ XVIII вѣка, а до тѣхъ поръ пользовалась мѣстными именами: Спишскія, Кермецкія горы, Кежмерскія снѣжныя горы, а чаще всего именемъ — Бескидь. Послѣднее еще и по нынѣ употребляется въ мадьярской географической литературѣ, которая дѣлила горы на западные и восточные Бескиды. Слѣдуетъ вспомнить, что среди русскаго населенія за Карпатами существуетъ выраженіе: идти за Бескидь, что прежде означало также и идти въ Венгрію:

Червона ружа, бѣлый квѣтъ,
Ой пусть мя, мамо, за Бескидь,
Не долго я тамъ побуду,
Пакъ о миленькомъ забуду.

Не смотря на это, русскіе употребляли и употребляютъ одно общее имя: *горы*. Въ древнихъ лѣтописяхъ встрѣтимъ: „королю же перешедшему черезъ горы . . .“, „король же смиривъ ляхи, шедши за горы . . .“¹ Такъ говорятъ по обѣимъ сторонамъ Карпатъ и по нынѣ: жити въ горахъ, ѣхати въ горы, идти за горы. Въ народныхъ пѣсняхъ выраженіе — „гора“, „высокія горы“ — принимается въ томъ же значеніи. Еще примѣръ:

„Ой у горахъ снѣги выпали, горы побѣлѣли“ и т. д. Интересно добавить, что древніе мадьярскіе лѣтописцы называли восточные Карпаты *Alpes Ruthenorum* — Русскими горами. Однако за кордономъ всюду пользуются именемъ — Карпаты. Древній латинскій мѣръ употреблялъ слово: *Carpatus*; французы упоминаютъ *Caracks* (множ. число; de Brosses, *Historie de navigation*, 1756; Elgi — *Nomina Geographica* 1893 г.); въ нѣмецкомъ имѣются формы *Krapak*, *Karpak*. Польскій словарь *Linde* даетъ самыя странныя формы: *Karpackie gory*, *Krepak*, *Krapak* и *Karpak*, *Krepacki*, *Karpacki* и т. д.

Необходимо отмѣтить, что уже Шафарикъ считалъ названіе *Карпаты* славянскаго происхожденія. По его мнѣнію *Карпы*, отъ которыхъ произошло названіе Карпатъ, были

¹ Лѣт. по Лавр. сп. ст. 406.

однимъ изъ тѣхъ племенъ, которое сдѣлало въ наукѣ сомнительнымъ господство римлянъ на придунайской территоріи. Шафарикъ видѣлъ въ *Карпахъ* славянъ, что ему и удалось объяснить довольно вѣроятной гипотезой. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Ёречекъ въ своей исторіи болгарь.

Однако, хотя мысль Шафарика была и правильна, но все же онъ ошибся въ толкованіи. Не *Карпы* дали имя горамъ, но сами получили прозвище свое отъ *Карпатъ*. Тотъ, кто знакомъ со славяновѣдѣніемъ, не можетъ не видѣть, что имя *Карпаты* ничто иное, какъ *коропавы*, горбатыя, щелистыя горы.

Съ именемъ *Карпатъ* мы встрѣчаемся еще у Птоломея, жившаго въ первой половинѣ II столѣтія; онъ трижды упоминаетъ горы *Карпаты*,¹ окружающіе бывшую Венгрію въ видѣ полумѣсяца. Естественно, что Птоломей могъ узнать о названіи *Карпатъ* только чрезъ посредство легионовъ². Отсюда уже слѣдуетъ, что основной колоритъ карпатской области былъ славянскій и что червенецкимъ опаломъ, солью Сольнограда и Мармароша торговали съ римлянами не чужестранцы, но славяне, издавна населявшіе эту мѣстность. Это подтверждаютъ сообщенія Плинія (†79) и Тацита, которые не только знали этихъ славянъ, но Тацитъ составлялъ о вендахъ и подробный очеркъ въ своей „Германіи“. Уже тогда появилось имя *Карпатъ*, а вмѣстѣ съ нимъ и указаніе на славянъ, издавна жившихъ на территоріи горъ.

Естественно, что въ то время еще не было чеховъ, а тѣмъ болѣе словаковъ; не было поляковъ и даже русскихъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого имени. Всѣ эти народы явились гораздо позднѣе; ихъ прошлое неразрывно связано съ дѣленіемъ славянства, относящагося къ VIII столѣтію, подъ натискомъ соревнованій Рима и Византіи за обладаніе міромъ. Однако, хотя еще не было чеховъ, словаковъ, русскихъ, отсюда не слѣдуетъ, что территорія представляла изъ себя пустынное мѣсто.

Извѣстно, что, еще до своего раздѣленія, славяне давали имена племенамъ, главнымъ образомъ, опредѣляя ихъ по мѣстнымъ условіямъ и качествамъ. Имена выражали

¹ Lib. III. c. 5, 7, 8.

² Въ Словѣ о Полку Игоревѣ четыре раза упоминается имя Траяна. Въ южной Россіи много разказовъ связано съ его именемъ. См. соч. Котляревскаго: Древности моск. археолог. общества. I. Москва, 1865.

признакъ, положеніе или качества той мѣстности, на которой поселялись отдѣльные племена. Этотъ же принципъ явственъ и въ именахъ славянскихъ племенъ, что и дастъ поводъ видѣть въ обитателяхъ Карпатъ—славянское племя горбатовъ. Горбъ — горбатый — горбаты. Однако слѣдуетъ сразу оговориться, что это имя въ своей первобытности не означало какой либо отдѣльный славянскій народъ, но было общимъ обозначеніемъ для всей славянской массы, живущей въ Карпатахъ, этнографической составъ которой, вслѣдствіе натиска при переселеніи народовъ, былъ измѣнчивъ. Одни племена уходили, другія приходили. Одно устойчиво: отходъ направлялся всегда или къ югу, или къ западу, но ни въ коемъ случаѣ не въ обратную сторону, ибо самое давленіе шло постоянно съ востока. Именно ввиду этихъ смѣнъ и нѣтъ единства въ этносѣ Карпатъ. Исслѣдователю всегда представляется смѣшанный типъ. Достаточно указать хотя бы на Чехію. Можно сравнить крестьянина изъ горной мѣстности и лѣсной, или народъ изъ области Табора и страконицкій. Каждая группа имѣетъ свои особенности. Это видно не только въ физической внѣшности, но и въ обычаяхъ, нравахъ, одеждѣ и даже въ разговорѣ. На сѣверѣ мужчины — высокіе, стройные, дальнозоркіе и, наоборотъ, женщины — низкія; оба пола либо бѣлокуры, либо имѣютъ волосы каштановаго цвѣта. Къ югу преобладаетъ средній ростъ, волосы и глаза темные. Отсюда ясно, что чешскій народъ является продуктомъ скрещиванія различныхъ славянскихъ племенъ, которыя не одновременно и изъ различныхъ мѣстъ, явились въ нынѣшнія чешскія земли и которыя до сихъ поръ еще сохранили свои племенные имена: Сѣдлицы, Лучане, Велины, Псовы, Лютоминицы, Деканы, Лемузы, Дудлебы, Нетолицы и т. д. Эти перемѣны этнографическаго характера на территоріи Карпатъ продолжались до тѣхъ поръ, пока не прекратилось переселеніе народовъ, или лучше сказать, пока оно не пошло по иному направленію.

Послѣднимъ изъ странствующихъ народовъ, шедшихъ черезъ Карпаты, были обры. Послѣ перехода обровъ, составъ хорватовъ измѣнился только разъ. Однако это произошло самопроизвольно. Необходимо припомнить, что обры стремились къ Дунаю, откуда постоянно беспокоили Византію. Чтобы найти противъ нихъ соратниковъ, императоръ Гераклій (610—641) обратился къ хорватамъ и предоставилъ имъ для

поселенія территорію современной Хорватіи. По разсказу Константина Багрянороднаго¹ — хорваты согласились и вотъ одна группа, во главѣ которой по преданію стояли 5 братьевъ² и 2 сестры³, начала движеніе къ югу, вышли изъ Карпатъ и переселилась за Дунай. Замѣтимъ, что тремя столѣтіями позже Константина Багрянороднаго, Архидіаконъ Ѳома отъ Спилта зналъ еще, что хорваты „de Polonia, seu Bohemia“ попали въ Далмацію.⁴

Вскорѣ этому примѣру послѣдовала и другая группа славянъ. Въ то время, какъ первая двинулась съ западныхъ Карпатъ, вторая вышла изъ восточныхъ. По преданію у этихъ славянъ умеръ вождь и оставилъ власть двумъ своимъ сыновьямъ. Одинъ изъ нихъ остался дома, а другой съ частью племени, по примѣру хорватовъ, отправился искать счастье, и просилъ землю у императора Гераклія.

Послѣдній съ радостью принялъ новыхъ пришельцевъ и опредѣлилъ имъ поселеніе возлѣ Солуни. Однако пришельцамъ не понравилось это мѣсто и имъ были даны земли на востокъ отъ хорватовъ, гдѣ и жили они въ сосѣдствѣ съ хорватами, какъ и нѣкогда въ Карпатахъ. Потомками этихъ славянъ суть сербы.

Изъ самаго сообщенія Константина Багрянороднаго слѣдуетъ, что изъ Карпатъ выселился не весь народъ; еще и въ его времена тамъ жили хорваты. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ ту эпоху переселеніе народовъ еще не прекратилось; вслѣдъ за обрами, но уже въ другомъ направленіи, шли болгары, узы, куны и др. Поэтому естественно, что тѣ мѣста, откуда выселились одни — немедленно заполнялись другими. Лѣтописецъ Несторъ припоминаетъ, что князь Олегъ предпринималъ противъ хорватовъ походъ, желая присоединить это племя къ нарождающейся Руси.

Изъ этихъ примѣровъ явствуетъ, что Карпатская область и до Константина Багрянороднаго была постоянно заселена.

Одно только, почему эта заселенная мѣстность могла обратиться позже въ пустыню, можно предположить, что потомки хорватовъ по какой-то причинѣ исчезли.

¹ De administracione imperii, стр. 30—32., ср. Гильфердингъ — Сербы и Болгары стр. 10-18.

² Клукъ, Ловель, Коснецъ, Муколь и Горватъ.

³ Туга и Вуга.

⁴ Jireček: Geschichte der Serben, 187 ст.

Однако, если область Карпатъ была заселена въ эпоху Константина Багрянороднаго, а также и во время Анонима, теорія колонизаціи не можетъ выдержать критики, ибо остается безъ своей основы.

Всѣ эти соображенія относительно Константина и Анонима не только не стоятъ въ противорѣчїи, но напротивъ, взаимно дополняютъ другъ друга и показываютъ то, что въ нынѣшнихъ жителяхъ Карпатъ скрываются потомки древнихъ хорватовъ.

Это мнѣніе еще болѣе подтверждаютъ памятники хорватовъ. Прежде всего, самое названіе и по сію пору еще употребляется въ Карпатахъ. Съ нимъ мы встрѣтимся въ Чехїи, въ нижней Австріи, на югъ отъ Дуная, даже въ самой Вѣнѣ, гдѣ нѣмцы называютъ славянъ именемъ krobaten. Это имя носить и народъ Краковской области, вверхъ по Пилицѣ, на югъ по Карпаты. Слѣдовательно, древнее общее имя, какъ памятникъ единства, сохранилось до сихъ поръ въ отдѣльныхъ, уже раздробленныхъ частяхъ славянства.

Къ этому единству принадлежали когда то и изъ него вышли и предки нынѣшнихъ карпатороссовъ. Однако, чтобы исключить всякія недоразумѣнія, разберемъ подробно состояніе сѣверо-восточной области Карпатъ, наиболѣе спорной, которая имѣетъ право называться русской и хочетъ остаться русской и въ дальнѣйшемъ.

Кто изучалъ эту территорію, тому не можетъ не броситься въ глаза ея ярко славянскій цвѣтъ. Конечно, мы не утверждаемъ, что всѣ названія даны славянами. Напр. названіе жупы Гемеръ-Gömög производится обычно отъ нѣмецслова Hammer, т. е. „молотокъ“. Хотя гемерскіе рудники имѣютъ за собою далекое прошлое, однако едва-ли возможно допустить вообще, чтобы ремесленный инструментъ, жалкое средство, — былъ имядателемъ мѣстности. Прежде чѣмъ открылись рудники, территорія должна была быть заселенной; прежде чѣмъ начались рудокопныя работы, тамъ должна была начаться жизнь.

Однако первымъ имядателемъ этой области были все же германцы. Въ старо-германскомъ языкѣ мы находимъ слово Gemarkī — Gernerh — Gemer, т. е. граница, хотарь. Въ сѣверо-германскомъ языкѣ слово mark произносилось иногда mōrk = лѣсъ. Въ Эльзасѣ находимъ мѣстность Gemar, которое въ XIII ст. писалось Gemer. Однако осталось имя жупы Gömög

не благодаря нѣмцамъ, но отъ славянъ. Славяне не приняли только нѣмецкое имя, но фонетически, по созвучію сопоставили его со своимъ. Славянство приняло германское имя *Сетег* не въ германскомъ смыслѣ, а въ созвучіи со славянскимъ словомъ *гамъ-гомъ* = шумъ, крикъ, невнятный голосъ, производившійся въ рудникахъ, т. е. мѣръ шумовъ, невнятныхъ звуковъ, что вполне соответствовало сущности края. Аналогичное прошлое имѣетъ и названіе *Бескидь*. Конечно, оно не является композиціей: *безъ + скить* или *безъ + ходъ (хидъ)* или *безъ + чадо*, какъ это обычно гадается, а ужъ съ древнимъ германскимъ именемъ *бѣсами* и подавно не имѣетъ ничего общаго. Въ нѣмецкомъ языкѣ и понынѣ употребляется глаголь: *scheiden — bescheiden* = раздѣлять, разлучать, отдѣлять. Въ древнія времена этотъ глаголь произносился: *schiden — beschiden*, откуда *скидентъ, бескидентъ*, подобно тому, какъ отъ глагола *schreiben — schriben* — имѣемъ форму *скрибентъ*. Поэтому слово *Бескидь* обозначаетъ не больше, какъ раздѣленіе, что вполне и естественно въ отношеніи горъ, называемыхъ *Бескидь — Бескиды*, ибо они дѣйствительно являются естественной границей. Однако и тутъ славяне не были удовлетворены простымъ формальнымъ заимствованіемъ, но звуковому германскому комплексу придали свое значеніе: *безъ скиды*, (отъ *скидать, скинуть*), т. е. непрерывное горное продолженіе *безъ срывовъ, „скидовъ“*, что и соответствуетъ дѣйствительности. Это германское фонетическое сочетаніе установилось у славянъ, но не какъ пустая форма, но осмысленная по славянски, по соответствію съ естественно — географическимъ положеніемъ.

Бросится однако въ глаза уже при самомъ началѣ изслѣдованія, что географическія названія сѣверо-восточной территоріи *Карпатъ* славянскаго происхожденія можно изложить исключительно съ помощью русскаго языка.

Названія горъ.

Между *Гернадомъ* и *Бодрогомъ* спускается на равнину при *Тисѣ* горная цѣпь, отходящая отъ *Карпатъ* при *Бардіовѣ* и пересѣкающая всю сѣверо-восточную часть почти въ срединѣ. Эту горную цѣпь мадьярская географія назвала *Eregjés-tokaji hegylánc-омъ*, въ дѣйствительности-же она называется *Шимонкою — Симонка*, въ чемъ нельзя не узрѣть славянское имя „*синьонка*“. У *Тали* эта цѣпь раздѣляется на двѣ части: одинъ рогъ идетъ къ слиянію *Гернада* съ *Шайовомъ*,

а послѣдняго съ Тисой, другой рогъ кончается при впаденіи въ Тису Бодрога. При отдѣленіи двухъ отроговъ находится вершина Szokolya (610 метр.). Одинъ рогъ кончается токайскимъ верхомъ (516 метр.), а другой въ Strázsa-halom (156 метр.). Несомнѣнно, что названія — Szokolya и Strázsa суть славянскаго происхожденія. Чѣмъ болѣе отходимъ отсюда и приближаемся къ Карпатскому хребту, тѣмъ чаще встрѣчаются славянскія имена. Самыя большія вершины почти исключительно носятъ славянскія имена: Szerednye (Середня, 645 м.), Poloska-hegy (Плоская 659 м.), Nagy-Milicz (В. Мглець 869 м.) и Kis-Milicz (М. Мглець 771 м.), Orita (Орыта 801 м.) гдѣ находится озеро Izra (озеро), Lázi-hegy (Лазы 853 м.), Kamen (Камень 744 м.), Dobrák-hegy (Дебрякъ 806 м.), Bogota (Богата 870 м.), Berzsény-hegy (Березень 822 м.), Libanka (Лбина 863 м.), Krivi Javor (Кривой Яворъ 1050 м.), Simonka (Синьонка 1092 м.), Maglóvecz (Могиловецъ 582 м.) и т. д.

Отъ этого хребта къ западу тянутся спишско-гемерскія горы, продолженіемъ которыхъ является Островскій-Вепоръ. Это названіе несомнѣнно славянское, ибо корень Вепоръ — отъ глагола выпирать. Выпоръ = горбъ, вздурное, вспучившееся мѣсто. Если отсюда двинемся назадъ къ Карпатамъ, то увидимъ, что всѣ вершины носятъ славянскія имена. Къ примѣру взять районъ Добшины. Основаніе этого города приписывается нѣмецкимъ поселенцамъ, которые по мадыарскимъ научнымъ книгамъ впервые внесли жизнь въ эту гористую мѣстность. Около Добшины встрѣчаемся съ названіями Бабина (1278 м.), Смерчинка (1268 м.), Бучины (853 м.), Тресникъ (1398 м.) и т. д. Также наибольшія вершины, окружающія Левочу: Зимна Гурка (946 м.), Язерець (644 м.), Верхъ (718 м.), На Гуре (608 м.) и т. д.

На Подолѣ тянется небольшая, изъ вапнаго камня, очень раздробленная возвышенность, имя которой — Толтры. Естественно, что формою это имя напоминаетъ Татры. Любопытно уже то, что оба имени являются во множественномъ числѣ. Конечно, кто далъ имя Толтрамъ, тотъ далъ имя и Татрамъ. Имядателемъ могло быть только славянство, ибо корень имени Толтры происходитъ отъ глагола *толчи*, чему соотвѣтствуетъ и видъ горъ. Имя Татръ у Анонима является въ формѣ *Turtur*¹, у Космы Пражскаго въ формѣ *Tritri*² и

¹ С. 18.

² Pertz: Monumenta Gm., ss. IX. 92.

Tritii, у польского Dlugosz-a въ формѣ *Thatri*.¹ Слѣдовательно оригинальнымъ именемъ было — *Търты*. Корень несомнѣнно отъ русскаго глагола трѣти, трѣти = тереть, торить. Пришедшихъ славянъ не могло не остановить величіе этихъ горъ, которыя трутъ самый небосклонъ. Такихъ горъ имъ нигдѣ не приходилось видѣть. Съ этимъ впечатлѣніемъ связывается и глаголъ туртатъ = утруждать, тревожить, беспокоить. Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ Татрахъ встрѣтимся со слѣдующими именами: въ *Великихъ Татрахъ*: Ломницкій верхъ (Ломливый), Солиско, Седилко, Остра, Остерва, Высока, Кончиста, Быстра, Широка, Велика-копа, Камениста, Голиста, и т. д.; въ *Нижнихъ Татрахъ*: Задняя Гола, Великій Бокъ, Голица, Пуканецъ, Смречина, Вапеница, Колибыско, Корень, Могила и т. д.

Отъ Шимонки къ востоку по Ужъ отходить горная цѣпь, имя которой Vihorlát, отъ глагола выгорѣть т. е. потухшій вулканъ, что вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Самые большіе его вершины: двойной Vihorlát (1074 м. и 1069 м.), Skala (1005 м.), Holicza (980 м.), Inoveczkidil (Дѣль 965 м.), Sninsky kameň (1007 м.), гдѣ находится озеро, называемое „окномъ“ или „морскимъ окомъ“. Отъ Ужа дальше на востокъ, по Семиградъ, слѣдуютъ лѣсистыя Карпаты, непрерывной цѣпью съ запада на востокъ до истока рѣки Быстрицы. Вообще, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ выше и непроходимѣе горы и меньше путей сообщенія. Самыя мощныя вершины встрѣтимъ въ Мараморошѣ, гдѣ вся территорія наминаетъ Альпы.

Правда, что у истока Быстрицы, съ этнической стороны нынѣ уже преобладаютъ румыны, которые и дали свои географическія названія. Однако самое имя этой рѣчки указываетъ, что румынъ предупредили своимъ появленіемъ славяне. Славянское имя носить и та горная вершина, откуда вытекаетъ Быстрица. Вѣдь Борго является ничѣмъ инымъ, какъ Береговастымъ хребтомъ, также и въ названіи Rodnói havasok корень родный, но не родной. Чѣмъ дальше отсюда къ сѣверо-западу, тѣмъ чаще встрѣчаются славянскія имена и даже преобладаютъ.² Vervu Russu (Русскій Верхъ 2225 м.), Vervu

¹ I. 12.

² Преданіе до сихъ поръ сохранило, что нѣкоторые верхи въ Мармарошѣ румынское названіе получили отъ тѣхъ румыновъ, которымъ Францъ Ракоцій II. даровалъ полонины этихъ вершинъ, слѣдовательно лишь съ началомъ XVIII. вѣка. Ср. Sborník Fr. Pestyho, v Prahe, 1927, 61.

Rebri (Ребра), Dealu Guilen (Дѣленъ 1503 м.) еще имѣютъ признаки порумыненныхъ, но за то Чорна Рѣпа (1288 м.), Дурній (1709 м.), Смотрецъ (1001 м.), Попъ Иванъ (2026 м.), Подпала (1634 м.), Блисница (1883 м.), Опреса (1584 м.), Красна (1495 м.), Стой (1679 м.), Яворикъ (1125 м.), Бѣлый Камень (970 м.), Стредній верхъ (987 м.) и т. д. уже чисто славянскія названія.

Отъ главного хребта отходятъ параллельно идущія цѣпи горъ, имѣющія вначалѣ среднюю величину, а затѣмъ переходящія въ гористую равнину, теряющуюся въ притиской долину. Здѣсь, среди совершенно чужого румынскаго и мадьярскаго этноса, встрѣчаемся съ именами: Vervu Branu (отъ Браны — 1840 м.), Gutin (отъ кутать — 1447 м.), Prislop (Прислопъ 1330 м.), Pleska-Mare (Плоская 1291 м.), Obscina (община — 1047 м.), Rozsály отъ русалокъ (1307 м.), что только подкрѣпляетъ славянскую именологию, какъ рѣчка Мара, которая течетъ внизъ, потомъ Siroki vrch (777 м.), Hrabova и Ostrý vrch (878 м.), и т. д.

Названіе рѣкъ.

Рѣка Горнадъ беретъ свое начало отъ Кралевской горы, а въ него впадаютъ ручьи, бѣгущіе внизъ отъ вершинъ: Чертовица, Стредня Гола, Яворникъ и Борова.

Въ началѣ истока р. Горнадъ называется Быстрый и уже послѣ слянія съ Викотроцкимъ потокомъ получаетъ названіе *Горнадъ*. Естественно, кто далъ названіе окружающему району и началу рѣки, тотъ далъ названіе и ея продолженію. Поскольку окружающій районъ и имя „Быстра“ славянское, постольку и Горнадъ должно быть славянскаго происхожденія. И не нужно долго изслѣдовать, чтобъ распознать въ имени Горнада глаголь: *горнути*.¹

Столь-же явенъ славянскій корень и рѣки *Попрадъ* — отъ *по-прати*.²

¹ У Анонима 22 § ad fluvium Honrat, также въ 31 § ubi fons honrad descendit. Въ грамотахъ наиболѣе древнія формы: Chonrad, Fejér Cod. D. IV. 1; Hornath, Fejér Cod Dipl. VI. 1 246; Hernád — Hernát, Wenzel Argádk. okm. X. 58., XI. 410. Мѣстные нѣмцы пользуются названіемъ Die Kundert.

² An. 1209: terram quandam in Scepus sitam supra Poprat... descendit in Poprat... currit in Poprat... videlicet Poprat, Bárdossy: Suppl. ter. Scep. 7, Wagner: Anal. Scep. 103; 1246: supra Poprad, Fejér IV. 1 416; 1286: ad aquam, quae Poprat nominatur, Bárdossy ст. 253; directe per Popradum... usque in Popram et Popram ascendendo. Мѣстное русское населеніе произносится и теперь черезъ букву *m*. Произношеніе черезъ букву *d* на концѣ ввелось только подъ польскимъ вліяніемъ, когда они распространились до этого пруда, гдѣ вошли въ соприкосновеніе съ мадьярскою засѣчною линіею, которая дошла до Попрада въ пору татарскаго нашествія. Именно на этой линіи вспоминаетъ о нихъ Бела IV въ 1256 году, Wagner An. Scep. 134 Мѣстные нѣмцы называютъ Der Popper.

Дунаецъ = донизать = низать = нанизать на чегонибудь, подобно руслу рѣки, которое проходитъ между скалами. Дунаецъ = донизъ.¹

Sajó = шаять = таять = распускаться = плавиться = растворяться. Нужно принять во вниманіе географическое положеніе рѣки, которая протекаетъ черезъ гемерскіе рудники.² Должны замѣтить, что нѣмцы, живущіе у истоковъ рѣки, называютъ ее *Salzach*-омъ = солянымъ источникомъ, однако не по качеству воды, а потому, что по ней перевозили соль изъ Марамороша.

Безусловно, что *Ужъ* происходитъ отъ угла, *Ужокъ* отъ *ужить*. *Бодрогъ* или водный рогъ или бодрый угъ,³ въ то время какъ *Самошъ* отъ за-мошье (мочить, моча, мочала, мочажа и т. д.).⁴ *Гельницъ* = гулять, гульной, гульникъ.⁵ *Секчовъ* — *Сѣкачовъ*, *Иполь* — плыть, уплыть; *Серне* — *Озерне*.

Окончаніе названій рѣкъ: *Болдва*, *Рима*, *Свинка*, *Делна*, *Лукавица*, *Ториса*, *Топля*, *Ондава*, *Люта*, *Роньва*, *Мара*, *Жура*, *Требуша*, *Терешва*, *Тиха*, *Латорица*, *Тиса*, *Карча*, *Боршва* — *Боржава* и т. д. явно указываютъ на славянское имя прилагательное, въ сочетаніи съ существительнымъ — рѣка. Итакъ *Болдва* — *бодлива*, *Рима* — *гримава*, *Свинка* — *синявка*, *Дельна* — *дѣльна*, *Лукавица* — *Лукава*, *Ториса*⁶ отъ *торгать*, *терзать*, *Топля* — отъ *топить*, *Ондава* — *уда*, *удава*, *Люта* — *лютая*, *Роньва* — *рынява*, *Мара* — *мара*, *Тура* — отъ *турить*, *Требуша* отъ *теребить*, *Терешва* отъ *терти*, *тереть*, *Тиха* — *тихая*, *Тиса* — *тихшая*,⁷ *Карча* — *Кручая*, *Боршва* или *Боржава* — *бржава*.

Только *Лоборецъ* останется подъ вопросомъ. Его названіе вѣроятно происходитъ отъ *ловить* + рѣки, ибо *ловить*: *Палоту*, *Вильшаву*, *Вираву*, *Удаву*, *Цыроку*, *Ондавицу* и, принявъ эти воды, направляется къ *Угу*.⁸

¹ An. 1260: Quarto Nonas Octobris: Donays; Tertio Nonas Novembris: Dunays... Donays; Septimo Idus Decembris: Donays. Nagy J.: A Görgey nemzetség levéltára, Századok 1872.

² У Анонима: Soujou 14 §, 16—17 §, 22 §, 31 §, 33 §; 1243: Sayow, Fejér Cod. Dipl. IV. I. 287.

³ У Анонима 14—17 §: Budrug; 1263: Bodruch, Adalék. Zempl. tört. 1902, 161.

⁴ У Анонима 20 §, 27 §—29 §: Zomus.

⁵ 1243: in Gulnych, Fejér IV. I. 287; отъ 1264: Gulnuch, Gylnech, Gilnycz, Gelnecz, Szepes vm. évk. II. 110, 111, IV. 22. 69.

⁶ An. 1247: nominatur Thorycha, Fejér IV. I. 468; 1335 Tarczca, Magy. Nyelv 1918, ст. 169.

⁷ У Анонима Thiscia 14 §.

⁸ У Анонима Loborcy 13 §; 1248: Laborch, Zempl. Ad. 1908, 11 ст.; 1266: de aqua Loborch, т. с. 14.

Названія мѣстностей.

Тамъ, гдѣ Бодрогъ вливается въ Тису, расположенъ городъ *Токай*. Естественно, что названіе это образовалось отъ стока.

Токайской горой кончается цѣпь Шимонки, которая отходитъ отъ Карпатъ. Эту часть хребта мадьяры называютъ *Hegyalja* — Подгорье. Вся ея площадь покрыта виноградниками. Отъ Токая, какъ центра Подгорья, къ сѣверу находятся города: *Tarczal*, *Mád*, *Szerencs*, *Monok*, *Tálya*, *Rátka*, *Zombor*, *Tolcsva*, *Olasz-Lizska*, *Helmeecz*, *Patak* и т. д.

Кто изслѣдуетъ значеніе этихъ именъ, пойметъ, что всѣ они имѣютъ славянскій корень:

Tarczal = торчать, стоять, находиться въ стоячемъ положеніи, какъ колъ, копыль, рожень; выдаваться надъ поверхностью, прямо или вбокъ, какъ рогъ, подобно топографическому положенію самого *Tarczal*-а.¹

Mád — мядъ. Въ этомъ районѣ на горѣ Маковица изъ всего Подгорья вырѣзаетъ самый сладкій виноградъ.

Szerencs — отъ глагола зрѣть, зрѣть-надзирать, стеречь; мѣсто стражи.² Носовой звукъ заимствованъ отъ болгарскихъ пришельцевъ, на которыхъ явно указываетъ поднимающійся на юго-западъ

Zombor — соборъ. Тутъ нѣкогда стоялъ монастырь, память о которомъ сохранило преданіе.³

*Rátka*⁴ — рать-брань, оборона; бранка, бойница, позади которой находилась

*Tálya*⁵ — туляться-укрывать, хорониться, прятаться; тула-скрытое мѣсто (укрытіе).

Monok.⁶ Наболѣе древнее его названіе, которое сохранилось: *Мон к*, въ которомъ нельзя не увидѣть монаха. Что монахи тамъ обитали, то подтверждаетъ присутствіе *Zombor*-а.

Tolcsva = тулить = скрывать, прятать, хоронить, при-

¹ У Анонима 16—17 § *Tourzol*, 1398: *Tharczal*, *Csánki* T. 339.

² У Анонима *Zerenche* 17 §; 1317: *Zerempeh-Zerempech*, *Pesti: Eltünt várm.* I. 144; 1332—7: *Zeremph*, *Zerench*, *Zerenchech*; 1349: *Zerench*, *Csánki* I. 363; 1352: *Serench*, *Zempl. Adal.* 1897, 231.

³ Ср. *Zempléni Adalékok* 1905, 295.

⁴ 1459: *Rathka*, *Csánki* I. 360.

⁵ 1332—7: *Tala*, *Tholya*, *Thalia*, *Talya*, *Csánki* I. 339.

⁶ 1332—7: *Monak*, *Monk*, *Monuk*; 1348—1405: *Manak*, *Monok*, *Monak*, *Csánki* I. 357.

таить; тулчій = скрытый, схороненный, спрятанный, при- таенный.¹ Толчва = скрытое мѣсто противъ.

Liszka (olasz), находится непосредственно при Бодрогѣ, на открытомъ мѣстѣ и потому называется лысая = лыска = лиска.²

Helmecz = холмецъ, съ горою Русска позади (125 м.);

Sáros-Patak = потокъ, поименованъ такъ отъ потока, вливающегося въ Бодрогъ. Что это названіе не мадьярское, а славянское, явствуетъ изъ древнихъ грамотъ, гдѣ этотъ именуется всегда villa Potok, а не Patak.³

Налѣво отъ Подгорья поднимается *Miskolcz* = мышка-мышца-мышковать-мышковецъ = впадина, которую конецъ горной цѣпи Бука (Bük) представляетъ при Шайовѣ, на подобіе подмышки.⁴ Направо, вдали есть *Mármarosziget* — сиготъ = сходъ рѣкъ: Тисы, Изы, Ровны и Мары. Слѣдуетъ прибавить, что вершины, окружающія Сиготъ, называются: на юго-западѣ Laz (508 м.), а на юго-востокѣ Horodiste (507 м.)

Если уже окраска здѣсь, на Подгорьѣ, столь очевидно славянская, естественно, что она тѣмъ болѣе должна быть такою въ горной области.

Kassa — Кошицы. Безусловно, что корень этого имени отъ глагола косить. Конечно, такое именованіе еще не оправдывало-бы мѣсто поселенія, однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что жизнь на территоріи Кошицъ началась въ градѣ, память о которомъ сохранилась въ названіи горки Hradove — Градове надъ Кошицами. Кошицы — ничто иное, какъ лугъ: Кошицы Градовы. Въ продолженіи къ рѣкѣ, эти Кошицы представляли трясину, питаемую водами Горнада. Эта трясина называлась Blathan — болото.⁵

Аналогично возникла жизнь въ:

Lócse — Левочъ = ловчій — ловче, ловище, которое принадлежало къ Градиску, въ нынѣшнихъ предѣлахъ города когда то существовавшего.⁶

Sátoraljauhely — Новое мѣсто подъ Шатромъ. Здѣсь

¹ У Анонима 15 § Tulsoa; 1866: Tulchua, Zempl. Ad. 1908, 13; 1332: Tolchwa, Csánki I 339; Zempléni Ad. 1299, 351.

² 1332—37: Lizka, Lyzke, Liska, Lyska, Csánki I. 337.

³ 1261: Comes de Potok, Zempl. Ad. 1897. 286; 1:90: Castrum nostrum Potok, Wagner Dipl. Sáros 305; Zempl. Ad. 1897, 39, 302; 1401: Patak, Zempl. Ad. 1904, 193.

⁴ 1281: terra Myskouch, Miskoch; 1320: poss. Miskolch, Csánki I. 166.

⁵ Abauj-Torna Várm. monogr. 1896, 35.

⁶ 1263: villa Lywche, Bárdossy I. 97; 1271: Leucha civitas, Wagner I. 190, Lewche, Szepesm. tört. t. k. III. 3; 1328: Leutsch, Wagner I. 198.

она поднялась на холмъ, на Шатрѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ градъ и вокругъ котораго были и понынѣ сохранились полевая межи съ именами: *Kozma*, *Láz* и т. д.;

Hust = гушь, при рѣкѣ Густица. Первое поселеніе возникло въ *Husztbarany*-ѣ = оборона.¹

Къ сѣверу отъ Мишкольца, бросается въ глаза *Rozspuó* = рогъ, рожокъ, рожнява.² Это названіе мѣсто получило отъ своего топографическаго положенія. Городъ расположенъ на треугольномъ холмѣ, который съ сѣвера и востока примыкаетъ къ большимъ высотамъ, а на западъ спускается къ рѣкѣ Шайовъ.

Вокругъ Рожнавы существуютъ:

Murány = мурно, рыло, носъ; мурный = рылястый, носатый; *Murány* = выпуклость, подобная мурну. *Dobsina* = дубчина. *Pelsócz* = плесо, плесовець. *Rócze* = ревка, ревца = хвойный боръ, соснякъ и ельникъ.³ *Csetnek* = щить, щитокъ, щитвикъ.⁴ *Jólsva* = иль = глинистая, вязкая, мелко истертая природою земля, обычно пепелистаго цвѣта, осадокъ бывшихъ водъ; иловый, иловатый.⁵ *Aj* = гай. *Jászó* = язь.⁶ *Láncz* = ланъ, ланецъ = поле, нива, пашня, большая засѣянная площадь и т. д.

На Спишѣ:

Felka = велика, велька.⁷ *Kézmárk*⁸ = коса — каса + маркій = узкая, косая, грязная полоса, на подобіе клина, соотвѣтственно географическому положенію; вѣдь Кежмаркъ расположенъ у Попрада на мѣстѣ, гдѣ эта рѣка принимаетъ слѣва Бѣлую Воду, а справа — Любицу. *Gnézda* = гнѣздо. *Leibicz* = Любица.⁹ *Podolin* = подоль, подолье, подольный, подошва горъ. *Lubló* = любовня. *Korotnok* = корытникъ. *Görgó* = Гарговъ — гарь и т. д.

Дальше къ востоку:

Eperjes = Пряшевъ, *Prešov* = пря, прати, переть, пирать. Вѣдь городъ Пряшевъ расположенъ въ углу, образованномъ

¹ 1272: *Hwzth*, *Fejér V.* 1. 176.

² 1291: *Rosnaw*, *Fejér VI.* 1. 98.

³ 1427: *Rewche*, *Kysrewche*, *Noghrewche*, *Csánki I.* 145.

⁴ 1328: *villa Chythnyk*, 1351: *Chytnuk*, 1362: *Chytnek*, *Csánki I.* 127.

⁵ 1427: *oppidum Iلسwa*, *Fejér X.* 7. 639.

⁶ 1255: *Jazou*, мѣст. Арх. фасц. I, въ XIV ст. *Jazou*, т. с. фасц. IV. 29., *Magy. Nyelv* 1913, 756.

⁷ 1279: *Welka*, *Szepesm t. t. évk. II.* 109, III. 32, 1417: *Opp. Vilka*, *Suppl. Anal. Sap. II.* 204. 1269.

⁸ *Kaszmárk*, *Suppl. Anal. t. Scep. II.* 10, 1396: *Kesemark*, 1404: *Kesmarkt*, *Wagner IV.* 15.

⁹ 1251: *Lubicza*, *Hazai Okm. t.* 22; 1294: *Libisza*, *Lewbica*, *Leubicz*, *Suppl. An. Scep. I.* 390.

слияніемъ рѣкъ Торисы и Секчова; выпертому сюда населенію въ прежнія времена приходилось всегда бороться съ наводненіями; отсюда и дано такое названіе, соотвѣтственно топографическому положенію. *Bártfa* = Бардіовъ. Корень этого имени — барда, бардовый = плохая, бесплодная, болотная или каменистая почва; гуща, остатки послѣ перегонки браги въ хлѣбное вино, бродильный заторъ.¹ *Szeben* — Собиновъ = собить, особина. *Zboró* — сборъ. *Szvidnik* — свидина (*cornus sangvinea*). *Raszlavicza* = русло; русловище = покинутое рѣкою, сухое ложе, рѣчище, старица. *Sztropkó* = стропокъ, стропоткой. *Csákány* — чаканъ, рогозъ, ситникъ, оробинець.² *Ránk* = грань, гранокъ; *Réka* = рѣка; *Makroncz* = мокринець; *Garadna* = градная, городная весъ; *Héjczje* = гайецъ; *Bozos* = бозъ; *Székó* = сѣкъ, сѣковъ; *Tarnócz* = тернь, терновець; *Szurte* = сырѣтъ; *Eszeny* = ясень; *Lónya* = ловня; *Asztély* = осталь, остатокъ, избытокъ; *Badaló* = будыль, торчекъ, каль, поторчина, тычина, образованная рѣкою Тиса, возлѣ которой Бадало находится;³ *Bocskó* = бокъ, бочка, бочковатый = выпуклость, образованная Тисою и рѣкою Сопоркой;⁴ *Szeklencze* = Сокирница, осокоръ, осокорница и т. д.

Названіе областей.

Szepes — Спишь = отъ спять, спясть, спинать, остановить, задержать, не дать ходу и т. д.⁵

Sáros — Шаришь = шаръ = слой, пластъ, гдѣ слѣдуетъ шарить, искать ощупью, копаться, рыться, щупать.⁶

Торна — это названіе дано въ связи съ названіемъ Шаришь, въ сравненіи съ которымъ возвышенность Торна болѣе

¹ Ср. Словарь В. И. Даля I. 43. Волынская лѣтопись при г. 1240: „Иде изъ Угорь во Ляхы на Бардоуевъ“; 1247: de Bardfa, totam terram de Bardfa, Fejér Cod. Dipl. IV. 1468; 1320: civitas nostra Bartpfa, Wagner Dipl. Sáros 98.

² 1427: Chakan, Csánki I. 205.

³ 1280: Budulou, 1365: Bodolo, Csánki I. 414.

⁴ Т. С. фасц. IV. 29. Bochkou, Tájer IX. 3. 469.

⁵ 1108: Castellnia de Spisz, Mon. Pol. II. 36; у Анонима Zepus 32, 1232: Praeposito et Plebanis de Scepus, Mon. Eccl. Strig. I. 282; 1254: Saxones nostri de Scypus: Bárdossy Suppl. t. Scep. 6; 1258: Comes de Zepus, alii de Zipes, Wagner An. Scepusii I. 80; 1277: Ecclesia S. Martini de Scepus, Bárdossy 117; 1288: Jacobus Praepositus de Scypis, Bárdossy 290 и т. д. Мѣстное славянство воспользуется исключительно названіемъ Спишь, пока нѣмцы Zip s, Zipser Land.

⁶ Ср. Словарь В. И. Даля 568—569; 1247: Tecus Comes de Sarus, Fejér Cod. Dipl. IV. 1. 468; 1248: terrae nostrae de Sarus, Wagner Dipl. Sáros 282; 1252: Michael Comes de Sarus, Fejér V. 2. 170; 1259: ad castrum nostrum de Sarus, Wagner 284 и т. д.

низкая, убывающая, въ то время, какъ правый берегъ Горнада является прямо торнымъ.¹

Göbög = гомъ, гамъ, шумъ, нестройные голоса, выходящіе изъ желѣзныхъ рудниковъ. Гематитъ — ископаемый кровавикъ, красный желѣзнякъ.²

Zemplén = Zemlin = Zemlun = Zemlen = земля. Форма Zemlen впервые появится въ памятникахъ въ концѣ XIII. столѣтія³ и окончательно вошла въ употребленіе въ XVI столѣтіи. Закрѣпленію такой формы очевидно способствовалъ чешскій гуситизмъ; вѣдь, по свидѣтельству исторіи чешскаго языка, чешскія слова: temna, hromnice, zemne, въ сво время писались: tempna, hrompnice, zempe.⁴

Borsod = корень отъ боръ, бористый сводъ.

Ung = угъ;

Ugočsa⁵ = угодья;

Bereg = берегъ, лѣвая, гористая сторона Тисы;

Szabolcs — заболотье, обозначаетъ землю, за болотами Тисы.⁶

Nyir = нырять, нырнуть, ныряніе, нырокъ, нырь;⁷

Mármaros = корень слова мара. По народному разсказу Богъ и чертъ вмѣстѣ сотворили землю изъ песка, вынесенную изъ моря. Однако чертъ не желалъ согласиться, чтобы сѣмена горъ и долинъ были посѣяны въ равной мѣрѣ. Поэтому онъ превратился въ осу и укусилъ руку Бога, который отъ боли открылъ руку, сѣмена выпали изъ нея и пали именно на территорію Мармароша. Потому она и столь гористая.

Szátmár = сотечи, сутечный міръ: Тисы, Самоша и Красны, съ трясиною Ereda.⁸

¹ 1243: ad Torna, Fejér IV. 1. 287. 1357: Castrum Thornia, poss. Thornia; 1409: opp. Torna, Csánki I. 237.

² У Анонима Gumur § 33; 1243: a castro Gumuriensi Fejér IV. 1.287,

³ 1262: Zemlyn; 1273, 1279: Zemlen; 1301: Zemplen; 1311: Zemlen. Ср. Adal. Zemplén várm. törthez. 1900, ст. 39; 1902, ст. 161; 1908, ст. 17, 78, 82, 160.

⁴ Ср. Gebauer: Histor. mluv. jaz. česk. I. 420.

⁵ У Анонима Ugoča § 14; Варадская правда 31 § comes de Ugoši, 52 § comes de Ogoča, 243 § comes de Huğosa; 1261, 1264: Ugoča, Vgoča Fejér Cod. Dip. IV. 3. 43. 207; 1291: Bonus comes de Vgacha, Hazai okmánytár VIII. 453.

⁶ У Анонима Zobolsu 20—21 §, 28 §, 30 §, 50 §; 1222: Zabolch; 1332—7: Zabolch, Zobtoch; 1413: Zabolch, Zabocho, Csánki I. 525.

⁷ 1332—7: Nyr, Csánki I. 522.

⁸ 1216: Zothmar, Нар. Муз. въ Будапештѣ секц. XIV. ч. 2149; 1230: Zothmar, Zathmar, Fejér III. 2. 211.

Вот какія доказательства могутъ быть представлены въ этой области. Нитка исторіи въ лингвистическомъ изслѣдованіи сама дается въ руки изслѣдователя. Если бы сѣверо-восточная территорія Карпатъ была дѣйствительно пустыней, вплоть до прихода мадьяръ, какъ это обычно утверждается, то могъ ли бы быть ея цвѣтъ общеславянскій, какъ это наблюдается въ дѣйствительности? Развѣ можно допустить, чтобы нѣмцы, мадьяры, румыны дали славянскія имена не только горамъ, рѣкамъ и областямъ, но и административнымъ округамъ?

То, что основной цвѣтъ сѣверо-восточной области Карпатъ является славянскимъ, даетъ достаточно обоснованный поводъ предполагать, что мадьярскій приходъ въ эту область предупредило сильное славянское племя, въ среду котораго уже позже селились племена: нѣмецкія, румынскія и мадьярскія. Только такимъ образомъ возможно понять заимствование иноплеменниками славянскихъ географическихъ именъ.

Это же подтверждаютъ также единичныя находки. Слѣдуетъ указать, что въ абауйской жупѣ, въ Землинѣ, берегской жупѣ и др. имѣются пригорки, которые на равнинѣ поднимаются на высоту нѣсколькихъ метровъ. Изслѣдованія показали, что въ нихъ скрываются могилы и то, что въ нихъ было найдено, всецѣло сходится съ тѣмъ, что нашли въ курганахъ Россіи Уваровъ¹ и Ястребовъ.² Въ нихъ погребены были обитатели VI—XI вѣковъ.

Находимыя въ могилахъ монеты точно указываютъ время погребенія: Середа надъ Бодрогомъ имѣетъ находки монетъ времени императоровъ Василія и Константина (867—887), Токай: имп. Романа и Христофора, Никифора II и Василія II (920—964). Вѣча надъ Бодрогомъ: эмира Измаила бенъ Ахмеда (892—907); Малая Добра также эмира Измаила бенъ Ахмеда и т. д.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ саболчской жупѣ нѣкоторые пригорки называются Korhánу-омъ, что безъ сомнѣнія указываетъ на общее съ русскимъ курганомъ. Тѣ же курганы имѣются въ районѣ города Nagy-kálló (Nagy-Korhánу), въ селѣ Oros, (Kis- és Nagy-Korhánу) и въ предѣлахъ города Nyiregyháza.

Тотъ, кто не откажется отъ болѣе подробнаго изслѣдованія въ этомъ направленіи, найдетъ и рядъ другихъ данныхъ

¹ Les Mériens 1875, Etude sur les peuples primifs de la Russie Les Mériens, S. Petersburg 1875.

² Necropoles de Liada et de Tomnikoff an gouvernement de Tamboff, S. Petersburg 1893.

относительно жизни и быта этого славянского племени, предшествовавшего приходу мадьяр.

Вотъ эти данныя :

Lada = Лада, село шаршк. жупы близъ Капушанъ.

Ladomirova = Ладоміровъ, тамъ же на сѣверо-востокъ отъ Свидника.

Ládháza — село въ боршодской жупѣ на юго-западъ отъ Мишковца.

Sajó-Lád — тамъ же на юго-востокъ отъ Мишковца.

Szendrő-Lád — въ сѣв. вост. части жупы на югъ отъ Szendrő.

Lád-Bessenyő — отъ Szendrő-Lád на востокъ.

Всѣ эти названія реминисцируютъ славянскую богиню радости и всякаго благосостоянія, а прежде всего здоровья Ладу, которая покровительствовала и бракосочетаніямъ.

Лада имѣла двухъ дѣвушекъ подругъ: Лалу и Любушу. О Лалѣ припоминаетъ село Beregleányfalva — Лалово и озеро Лала въ роднайскихъ горахъ, а Любушу слѣдующія мѣстности:

Любовня въ спишской жупѣ,

Люба въ абауйской жупѣ,

Любишина въ землинской жупѣ.

Пастухи поклонялись Волосу, покровителю скотоводства. Память о немъ хранить село Волосянка ужской жупы, тамъ же Волосово, вышняя часть села Зарѣчово и горная вершина Волосянка (1233 м.) близъ Вучкового въ Мараморошѣ.

Наибольшимъ богомъ у славянъ былъ Сварогъ. У него было два сына: Перунъ и Солнце.

Надъ Палатою въ Землинѣ имѣется вершина: Перунова хаца, а такъ же и въ Чемерномъ. Въ спишской жупѣ надъ Сулинымъ расположенъ Перуновъ Дѣль. Отсюда и мадьярское названіе села — Регёпу въ абауйской жупѣ.

Центромъ вѣрованій славянъ являлось солнце.

Извѣстно, что въ концѣ декабря совершается поворотъ солнца, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и возрожденіе природы. Это происходитъ точно 21 декабря и солнце въ этотъ день дѣлаетъ крокъ (шагъ) впередъ. Отсюда мадьярское слово Karácson = кракъ — крокъ + чинъ, т. е. наступленіе солнца. Славяне это явленіе отмѣтили именемъ Кракъ = идущее впередъ солнце.

Дни весенняго солнцеворота и понынѣ сохраняютъ свой

праздникъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ предположить его богатую обрядовую сторону въ далекомъ прошломъ. Въ эти дни народъ приносилъ жертвы Краку и совершалъ торжества. Они назывались: коледа, колдовать, колдованіе, колдоваць, колдовка, колдовница. Мѣста, гдѣ совершались эти торжества, назывались священными и были посвящены Краку. Впослѣдствіи на нихъ образовались поселенія и память о празднествахъ сохранилась въ ихъ номенклатурѣ. Вотъ къ тому указанія на сѣверо-восточной территоріи Карпатъ:

Karácsony mező = Крачуново въ шаршской жупѣ;

Kracsúponcsa = Крачуновка, холмъ надъ Хмелемъ въ шаршской жупѣ;

Karácsond — пустырь въ абауйской жупѣ при Felsőgagy;

Krakov — вершина надъ Сантовомъ въ абауйск. жупѣ;

Krakova — пустырь въ гемерской жупѣ, между Тисолцомъ и Раткою.

Krokov, когда то село въ новгородской жупѣ¹, также Karakó, пустырь на югъ отъ Szécsény-a;

Karakov — горбокъ въ Tisza-Ladány въ саболчской жупѣ;

Krakovce — вершина при Воловцѣ въ бережской жупѣ;

Karácsfalva при Тисѣ-Уйлакѣ въ угочской жупѣ. Еще въ 1310 г. называлась: Karachini-Karachonfalva;²

Karácsony — Karachon — нѣкогда село при Шайовѣ боршодской жупы;³

Karácsonyfalva = Крачуново, село въ Мармарошѣ на сѣверо-востокъ отъ Сигота. Тамъ же одна вершина называется Крачуновкою и т. д.

Márton, Mártonyi и т. д., все это имена относятся къ Марцинѣ, богинѣ жатвы. Они суть слѣдующія:

Márton-temploma — горбокъ при Дворцѣ на Спишѣ;

Марцинкове — межа въ селѣ Старина въ Шаршѣ, тамъ же Márton-szeghegy (334 м.) — горбокъ отъ Финты къ югу;

Mártonyi — село въ абауйской жупѣ, тамъ же и Marczin-falva, предмѣстье въ Сантовѣ.

Территорія города Nagygőcze, гемерской жупы, называлась оригинально Terra Martini; тамъ же находится небольшая высота Martinova и пустырь Mártonvölgy въ селѣ Jánosi;

Mártonfölde — когда то село въ новгородской жупѣ;⁴

¹ Csánki D.: Magyarország tört. földrajza a Hunyadiak korában I. 103.

² Т. с. 433.

³ Т. с. 173.

⁴ Csánki I. 103.

Márton-csege — пустырь въ селѣ Fancsika въ боршодской жупѣ;

Mártonfalva — село въ саболчской жупѣ;

Krajna Martinka — въ берегской жупѣ и т. д.

Значительную роль въ вѣрованіяхъ славянскаго племени, жительствовавшаго во время прихода мадьяръ на сѣверо-восточныхъ земляхъ Карпатъ, играли русалки, память о которыхъ сохранилась и понынѣ, что видно въ народномъ названіи праздника св. Духа, во время котораго нѣкогда совершалось празднованіе русалокъ.

Русалки почитались богинями водъ, рѣкъ, гущь, вершинъ, но главнымъ образомъ водъ. Такъ какъ въ тѣ далекія времена сляніе рѣкъ Самоша и Бодрога представляло трясиину, то народное воображеніе именно эту территорію заселило русалками. Потому здѣсь и понынѣ существуютъ сказки о волшебницахъ, и можно сказать, нѣтъ села, гдѣ бы не было своеобразнаго варианта о волшебницахъ и чародѣяхъ. Уже мадьярская этнографія указывала, что въ этихъ волшебницахъ слѣдуетъ видѣть старо-славянскихъ русалокъ.¹

Къ нимъ относятся слѣдующія мѣстныя названія:

Rózsás — межи въ селахъ Bari и Batthyán, землинской жупы;

Rózsás — равнина на сѣверъ отъ города Nyiregyháza; при Верешмартѣ, также саболчской жупы, возлѣ Тисы, находимъ пустырь Rozsály, въ селѣ же Vencsellő между Rózsás;

Rozsály село существуетъ и при Сатмарѣ, пока надъ городомъ Felsőbánya подымается вершина Rozsály (1307 м.). Здѣсь имѣетъ истокъ рѣка Мара, которая направляется далѣе въ область Марамороша.

О разнаго рода колдовствахъ и кудесничествахъ говорятъ слѣдующія названія:

Kapisó = капище, село въ шаришской жупѣ;

Kapí — село на Спишѣ и въ Шаришѣ;

Devecser = Дѣвочарь, село въ абауйской жупѣ. Deme-cser въ саболчской жупѣ, когда то назывался также Deve-cser²-омъ;

Vocsárd = Боръ + чародѣй, село абауйской жупы. Здѣсь же имѣется и село Gagy = гадать, а въ селѣ Синна межа Kabalaszög;

¹ Ср. Ipolyi Arnold: Tündérek a magyar ősvallásban. Uj Magyar Muzem 1851 ст. 647 и д. Adalékok Zemplén vármegye történetéhez 1897, 191; 1901, 255 и 1902, 228

² Szabolcs vármegye monográfiája, Budapest 1900, ст. 21.

Várkond = варь + кудь, село землинской жупы, тамъ же находится Várkondska hura и село Kudlóc; Várkony — варь + кудь, село боршодской жупы, а межа — въ селѣ Atkár, жупы гевешской;

Terebő, Terebes, Töketerebes — Требишовъ = треба, требище въ шаршской, землинской, гевешской, новгородской и сатмарской жупахъ;

Въ землинской жупѣ въ селѣ Агардъ имѣются межи съ названіями: Terebesi — потокъ и Kabolás-szög. Въ обѣихъ найдены древнія могилы. Когда то было здѣсь и село Kabalapatata, о которомъ вспоминается въ 1390 г.¹

Vajánháza = Баянье, село Угочской жупы.

Sarkad = шарить + кудь, село берегской жупы. Близъ Севлюша находится село Salánk, а надъ селомъ поднимается пригорокъ Salánkú Helmech (372 м.) = шалунъ, шалунокъ, баловникъ, проказникъ, кудесникъ.

Къ этому кругу принадлежитъ и другой рядъ названій: Krasná Horka (ж. гемерская), Krasnik (село, ж. абауйская), Krasná (пустошь въ Землинѣ), Krasná (село въ Мараморошѣ), а также и имена вершинъ: Krasní Vrch и Krasná ples въ Мараморошѣ; затѣмъ названія: Регетка (село абауйской жупы) и Регетовка (село шаршской жупы), оба отъ одного корня = речи.

Названія Károlna относятся къ богу Купалу. Károlna = купалова, купальня. Встрѣчаемся въ жупѣ Абауй два села и горку Károlna, на юго-востокъ отъ Янока, высотой въ 263 м.; одно въ жупѣ гемерской, три въ жупѣ боршодской, одно въ жупѣ гевешской; въ жупѣ саболчской двѣ межи, въ Rócspetri и въ Eszeny, въ то время какъ въ сатмарской, на югъ отъ Nagybánya имѣется Rév Károlnok и высота Károlnok (254 м.) при селѣ Моношторъ.

Купало считался богомъ всякаго плодородія, а потому и пользовался особымъ уваженіемъ. Ему былъ посвященъ живой огонь, память о которомъ сохранилась и до нашихъ дней. Пастухи, приходя съ стадами на полонину, и теперь прежде всего разводять огонь, который называется живымъ огнемъ или божьимъ. Обычно пастухи для этого отыскивали гнилой пень, дѣлали на немъ клинообразный зарубъ, клали его на мѣсто очага, а послѣ отесывали такое же клинчатое бревно и закладывали въ зарубину пня. Два пастуха становились передъ этимъ сооруженіемъ на колѣни и вращали

¹ Csánki D. Magyarország tört. földrajza I. 351.

бревно въ гнилой зарубинѣ пня. Отъ продолжительнаго тренія пень загорался. Увидѣвъ дымящійся пень, пастухи разводили огонь, падали на колѣни и старшій изъ нихъ произносилъ молитву Отче Нашъ и другія, а остальные благоговѣнно за нимъ повторяли. Но въ настоящее время огонь принято зажигать уже и спичками. По убѣжденію старыхъ овчаровъ, потому теперь и нѣтъ благословенія скотоводству.

Если по причинѣ недостатка корма приходилось перекочевывать на новое мѣсто, то и огонь было принято переносить съ собою, или разводить его заново.

Огонь долженъ былъ сохраняться до конца кочевья. Говорятъ, что въ старыя времена не было случая, чтобы этотъ священный огонь погасъ.

Въ вечеръ подъ Рождество Іоанна Крестителя или въ день самаго праздника около этихъ огней танцуютъ, прыгаютъ и черезъ нихъ перескакиваютъ. Сюда иногда приводятъ и украшенный зелеными вѣтками скоть, а рты скота принято открывать, чтобы такимъ образомъ освятивши скоть огнемъ, предохранить его отъ всякихъ болѣзней.

Изъ этихъ мифологическихъ памятниковъ ясно, что славянское племя, въ рамкахъ котораго поселились пришедшіе мадьяры, а именно сѣверо-восточная часть Карпатъ, получила свои географическія наименованія еще въ языческой періодъ, другими словами, — славянское поселеніе значительно предупредило появленіе здѣсь мадьяръ.

Больше того, нѣкоторые признаки даютъ поводъ предполагать, что въ сѣверо-восточной области Карпатъ, еще до прихода мадьяръ, уже существовало и христіанство: имѣются памятники о церковномъ зодествѣ, о которомъ мадьярская исторія ничего не знаетъ. Достаточно здѣсь указать, какъ на примѣръ, на территорію Спиша. Подъ Голагерномъ (Гола гора) въ Татрахъ, при Шмоковцѣ, одно мѣсто называется каплицею св. Николая; въ границахъ села Дворца, при Левочѣ, у вершины Gehol, недалеко отъ того мѣста, гдѣ по преданію существовалъ капушанскій градъ, найденъ фундаментъ древней церкви. Онъ былъ значительно покрытъ землею, для его обнаруженія потребовались раскопки, а слѣдовательно о его существованіи народъ не имѣлъ никакого понятія, тѣмъ не менѣе народъ это мѣсто называлъ Мартонской церковью. Часть этой территоріи въ XIII вѣкѣ была

дарована саксонцамъ изъ Рускиновца, въ то время какъ остальная вошла во владѣніе города Левочи; однако ни въ одной мадьярской грамотѣ о ней нѣтъ даже воспоминанія. Если бы она была построена во времена мадьярскаго владычества, то развѣ возможно допустить, чтобы о ней не сохранилось никакихъ письменныхъ слѣдовъ? Это молчаніе еще болѣе удивительно, потому что вокругъ церкви сохранились остатки валовъ и укрѣпленій, слѣдовательно церковь была для того времени грандіознымъ зданіемъ, на подобіе монастыря.¹

Аналогичныя развалины имѣются при селѣ Грушовцахъ и въ другихъ мѣстахъ.

Любопытно, что имена — Капушаны и Мартинъ — показываютъ на языческое время. Но при Грушовомъ имѣются два села, Jamnik, когда то называвшійся Козма² и Доманъ, въ которомъ нельзя не узнать Даміана. Очевидно, что на мѣстѣ языческихъ святилищъ, христіане построили свой монастырь, посвященный памяти св. безсребренниковъ Космы и Даміана.

Съ подобными памятниками встрѣтимся и въ другихъ мѣстахъ сѣверо-восточныхъ Карпатъ. Въ селѣ Печовска Нова Весъ шаршской жупы имѣется мѣсто съ названіемъ Oltarisk. Въ селѣ Ракошъ, гемерской жупы, на холмѣ, съ именемъ Замчокъ, имѣются слѣды развалинъ монастыря, о которомъ мадьярская исторія ничего не знаетъ и т. д.

На существованіе церковной организациі указываютъ имена: Zobor (новгородская ж.) и Zombor (землинская жупа).

Первоначально жизнь протекала въ формѣ общинъ. Въ древнія времена собственностью считалось лишь приданое невѣсты и скотъ, который пастухъ вырывалъ изъ когтей звѣря, но не земля, которую обрабатывали и на которой скотъ пасся. Семья представляла собою хозяйственную и имущественную единицу. Но понятіе семьи было значительно шире, чѣмъ въ настоящее время. Она включала не только близкихъ, но и побочныхъ родственниковъ.

Память объ этой общинной жизни среди русскихъ на Карпатахъ находимъ еще и понынѣ. Дѣти живутъ съ родителями подъ одной крышей, хотя и являются уже женатыми и семейными. Хозяйствомъ руководитъ отецъ, а дѣти рабо-

¹ Szepes várm. tört. társ. kiadványai I. 253.

² Pirhalla Márton: A szepesi prépostság története, Lőcse 1899, ст. 40.

тають по его приказамъ и обособляются только послѣ его смерти. Достояніемъ дѣтей является то, что имъ дается въ пищу или что они заработаютъ обособленно. Конечно, изъ этой первобытной жизни осталось въ память названіе Майданъ, село въ Шаришѣ надъ Людиной, потомъ когда то было возлѣ Вранова въ Землинѣ и Майданка въ Мармарошѣ, около Волового. Однако, хотя эта хозяйственно-бытовая форма жизни и сохранилась по сію пору, но въ ней въ скоромъ времени появились и особенности. Подъ вліяніемъ переселенія народовъ, сословное равновѣсіе было потеряно, начали появляться бѣдные и богатые, господа и рабочіе. На это указываютъ и наименованія мѣстечекъ и селъ:

Dvorecz = Дворецъ, село въ спишской жупѣ; Szeben = Собиновъ, собить, собина (Шаришъ); Décső = Дячовъ, дача (Шаришъ); Szécsudvar = Дворянки (Землинъ); Dedacsov = Дедачовъ, дѣдичевъ (Землинъ); Dvoriszko = Двориско, межа въ селѣ Gatály (Землинъ); Bági = Барій = баръ (Землинъ); Beregdéda = Деда = дѣдя = дѣловство (Берегъ); Beregpatakfalva = Дѣлокъ = дѣлить (Берегъ); Ujbárd = Уйбарьево, баръ (Берегъ); Dvor = Дворъ, межа въ Cserépfalu (Боршодъ).

Центрами жизни являлись грады (замки):

Въ спишской жупѣ: Градиско, село на сѣверозападъ отъ Левочи, у высоты Ostrá Hora (1312 м.); высоты: отъ Попрада на сѣверо-востокъ стоитъ, надъ дорогой къ Левочѣ, пригорокъ Градиско; отъ Дуранца на югъ — Градекъ (902 м.); при Гоновцахъ (Gápócz) — Градекъ; надъ Горнадомъ при Лютинѣ (Zétánfalva) — Градиско; также Градиско при Завадѣ (886 м.) и отъ Нижнихъ Репашъ на югъ (935 м.).

Въ шаришской жупѣ: Градиско, село, на востокъ отъ Сабинова; высоты: Градекъ при Обишовцахъ, Градова при Сигордѣ, Градиско надъ Клембаркомъ, Крижомъ и при Радомѣ, Градске надъ Ливовомъ, Подградекъ при Кривянахъ, Градска при Андрейовѣ.

Въ гемеерской жупѣ: Градова, высота надъ Тисольцомъ, (893 м.) и Градекъ надъ Четнекомъ (812 м.), также Градище (417 м.) между рѣками Балогъ и Туроць.

Въ новгородской жупѣ: Градиштѣе, село на сѣверъ отъ Дивня и Градокъ, высота надъ Либерчомъ.

Въ абауйской жупѣ: Градове надъ Кошицами, холмъ высотой въ 466 м. и высота Градиско (583 м.) отъ Ранка на востокъ.

Въ боршодской жупль: Липовградъ, холмъ при селѣ Игрице и Войдаградъ въ предѣлахъ Надашда.

Въ землинской жупль: село Градиша при Сѣчовцахъ, высоты: Градиско при Сѣчкерестурѣ, Градиско при Паздичѣ, Градича при Гелмецѣ, Градекъ при Тополянѣ, Градокъ при Малой-Домашѣ, Градовій на востокъ отъ Стары, Градовій верхъ въ Порубкѣ, нѣсколько къ югу, Градиско надъ Валяшковцемъ, Градъ въ Збудя-Долгомъ-Полѣ, Градина въ Стакчинѣ, Градиско въ Лукашовцахъ и въ Мразоцѣ;

Въ ужской жупль: тамъ, гдѣ рѣка Латорица оставляетъ жупу, стояло нѣкогда село Градиша.¹ На сѣверо-востокъ въ Выгорлатѣ находимъ село Подградье. По лѣвой сторонѣ Ужа, въ Лютой, Березномъ и Порошковѣ находимъ Городища;

Въ бережской жупль: въ селахъ Кивяждъ, Загатье, Ряпидъ, Шелестово и Вызница сохранились подобные же памятники, исключительно съ именемъ Городище;

Въ угочской жупль: въ селахъ Иметичево, Шардъ и Задня также встрѣчаемъ Городища;

Въ марамороской жупль: между Изою и Густомъ находится холмъ Городилово, въ то время какъ въ селахъ Грушево, Ольховцы, Данилово, Баріево, Долгое, Суха Бронька, Майданъ, Ганичи, Студеное, существуютъ Городища.

Защитою старыхъ русскихъ поселеній являлись съ одной стороны стражи, съ другой-обороны. Память о нихъ также сохранилась въ географическихъ названіяхъ, а именно:

I. Стражи.

Въ спишской жупль: при Попрадѣ стоитъ село Стража, а при рѣкѣ Бѣлой-Стражка; на югъ отъ Гельницы выдается гора съ именемъ Стражъ;

Въ шаршской жупль: надъ Широкимъ имѣется возвышенность Стражевске, на югъ отъ Собинова — гора Стражъ; горы съ тѣмъ же именемъ высятся и при Марганевцахъ и при впаденіи рѣчки Свинки въ Горнадъ;

Въ гемерской жупль: при рѣкѣ Балогъ — село Стрижъ (отъ стеречи), а между селами Visnyó и Szkáros — пустошь Стражъ; при Тогпаалѣ находимъ село Трижъ (отъ стеречи);

Въ новгородской жупль: Стражъ, село отъ Сѣчена на западъ, къ сѣверу курганъ Стражна гора (333 м.) и село Стрегова (стеречи);

¹ Csánki D.: Magy. tört. földrajza. I. 391.

Въ абауйской жупь: у села Rozgony (Розгонь) — гора Стража, а у села Füzér — гора Стражъ;

Въ землинской жупь: при Ясеневиъ стоитъ деревня Стражке, а въ предѣлахъ Nagycsebb — пустошь Стражъ;

Въ боршодской жупь: подъ Тиса-Люцомъ имѣется горка Стража;

Въ гевешской жупь: Стража, холмъ (177 м.) надъ Гатваномъ;

Въ саболчской жупь: при селѣ Rakamoz — горка Стража;

Въ мармарошской жупь: при селѣ Rozavlea — Страж-ный верхъ.

II. Обороны.

Ábrány (Оборона), Vranýizskó (бранить), Berekb (беречи), Mérk (мѣрковать) — всѣ села эти находятся въ шаришской жупь; Esztrény (остерегать, остеречи) въ гемерской ж.; Alsó и Felső-Ábrány (оборона) въ боршодской ж.; Berekb (беречи), Barkó (бранить), Barancs (бранить), Bacska (бачити) — въ землинской жупь, гдѣ около Ластовца когда то существовали и села Asló- и Felső-Mérk (мѣрковать);¹ Buda-Ábrány (оборона), Kis-Ábrány — межа въ селѣ Gyulaj, Szent-György — Ábrány, Bács — межа въ городѣ Kisvárdá, Bács-Aranyos (бачити), Berencs (беречи) — въ саболчской жупь; Bacsava (бачити), Baranya (боронить) — въ ужской жупь. Bacskovik (бачити), Berencs (бранить), Jászó (язъ), Szád (садить) — въ абауй. ж. Въ берег. ж., у села Ильковицы, находятся памятники Браницы, въ той же жупь есть и село Ábránka. Huszt-boronyá, Szucha-bronyka (боронить), Бранинце въ Лопушнѣ и Верхней Апшѣ — мармарошской жупы. Bikszád (садить), Eszró (остеречи), Mérk (мѣрковать) — въ сатмарской жупь и т. д.

Если эти мѣста обороны обозначимъ на картѣ, то получимъ пять оборонительныхъ линій. Ясно, что они приготовились постепенно, а какъ увидимъ, не по причинѣ наступленія, но вслѣдствіе отступленія.

Территорія, для большей успѣшности въ управленіи, была раздѣлена на округа, называвшіеся воеводинами. О послѣднихъ также имѣется упоминаніе въ именахъ: Воеводина, Вайдовка — межи въ Ярембинѣ на Спишѣ, въ

¹ Csánki D.: Magy. tört. földrajza I. 356.

Сорочинъ въ Шаришѣ, въ Глиньовѣ и Чумаки въ Землинѣ, въ Петровомъ въ Марамарошѣ; Владыча, Вайдова и Vajdácска — села въ Землинѣ, Войдаградъ въ Боршодѣ и т. д.

Во главѣ территории стоялъ князь, на что показывают также собственные имена: Княжова Деберъ въ Дричномъ — на границѣ Шариша и Землина; Князское, межа въ Вызницѣ, берегской жупы; Князное и Князство, межи въ Русскомъ Быстромъ, въ Марамарошѣ и т. д.

На князей ссылается и Анонимъ въ своей хроникѣ, изъ чего явствуетъ, что князья существовали и въ его время подъ именемъ: дуковъ — *dux* (с. XIII).

Въ селѣ Збой, Землинской жупы, находится межа съ именемъ Царинка.

Среди указаній на занятія, въ географическихъ именахъ особенно бросается въ глаза рудокопное дѣло. На него указываютъ имена единичныхъ селъ:

Rudna, Rudnok (руда, рудникъ) — села въ абауйской жупѣ; тамъ же есть и межа *Rudnok*, въ селѣ *Zsadány* (сѣдаты — сѣданы). *Rudlyov* и *Rudabánya*, села въ землинской жупѣ, а также при Толчвѣ есть и гора *Rudnokhegy*. Нынѣшній Гаракоцъ на Спишѣ еще въ 1284 г. именовался *terra Rudna*;¹ *Rudobánya* — село въ боршодской жупѣ; *Rudna-Rudnik* — села въ гемеерской жупѣ, тамъ же и проходъ *Rudno*, между вершинами *Hlasni* и *Blatné dolinky*, на югъ отъ городка *Röcse*, а въ ихъ долину — потокъ *Rudnó*; *Rudovec*, село въ марамарошской жупѣ.

Въ наименованіяхъ есть указанія и на тѣ металлы, которые добывались:

а) *золото*: *Zlatnapatak* на Спишѣ, *Aranyapataka* (*Zlaté*), *Aranybánya* (*Zlatá baňa*) — въ шаришской жупѣ, *Aranyos* (*Zlaté*) — въ боршодской жупѣ, *Zlatno* — въ гемеерской жупѣ, гдѣ нѣкогда было и село *Zlathyn*;² *Aranyos* (*Zlaté*), *Arany-Idka* (золотая утка) — въ абауйской жупѣ. Небезинтересно, что въ Золотой Уткѣ самая старая штольня называется: Текла, Убочки, а весь рудникъ расположенъ на горахъ *Holá*, *Okruhlá* и *Kosinczka holicza*. Въ *Hankov-ь*, гемеерской жупы и до сихъ поръ живо преданіе, что подъ холмомъ Скалка нѣкогда находился золотой рудникъ, слѣды котораго сохранились и понынѣ.

¹ Szepes várm. tört. társ. évkönyve IV. 23, Lőcse 1888.

² Gömör várm. monografiája 86, Csánki I. 147.

б) *жельзо*: Vaspatak (Želycznik) — село въ шаршской жупѣ, вершина Železnica въ землинской жупѣ, Železnik и Želizko — высоты въ гемерской жупѣ и т. д.

в) *серебро*: на югъ отъ Попрада, недалеко отъ вершины Zdjар находится межа Striberna.

г) *опаль*: его добывали въ Дубникѣ, въ горахъ Po za puste, Po za borov (боръ), Kottli, Čolo, Tancoska (Тоничка), Ordanka (ордынскій, орда).

д) *соль*: добывалась при Сольноградѣ и въ Мараморошѣ. Главную потребность удовлетворялъ Мараморошъ; его соляныя богатства являются неисчерпаемыми. Чтобы облегчить полученіе соли населенію, въ различныхъ округахъ были созданы магазины, куда соль доставлялась воднымъ путемъ. Естественно, что эти торговыя операціи происходили прежде всего въ тѣхъ мѣстахъ, имена которыхъ съ давнихъ временъ связаны съ корнемъ — соль, а именно:

Соля — въ Ужской жупѣ; Szolnocska въ Нижнемъ Землинѣ. Въ 1400 г. онъ назывался еще Сольнокомъ;¹ въ верхнемъ Землинѣ находимъ село Sókút — Соль; Szolnok въ саболчской жупѣ; Szolnok — и въ абауйской жупѣ; очевидно такъ же слѣдуетъ трактовать и имена: Szolyva — Саява — Солява въ берегской жупѣ и рѣку Sajó, особенно имѣя ввиду, что по нѣмецки она называется Salzach, т. е. солянымъ потокомъ. Села Alsó-Sajó и Felső-Sajó называются Nieder-Salz т. е. Nižná-Slaná и Ober-salz т. е. Vyšná-Slana. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что при селѣ Norka, тамъ, гдѣ въ Sajó вливается Csetnek, находится Sósuszta и горка Sóshegy (430 м.).

Изъ прочихъ занятій особаго вниманія заслуживаетъ винодѣліе. Оставляя въ сторонѣ Подгорье и южныя области Вигорлата, гдѣ издавна центромъ винодѣлія была Vinna (Винна), слѣды виноградарства находимъ на такихъ возвышенностяхъ, гдѣ въ настоящее время вообще не садится лоза, напр.:

Viničná, гора на западъ отъ Будомира, въ шаршской жупѣ; тамъ же при селѣ Свиня имѣется холмъ Vinica; Vinička — вершина въ Ревуцкѣ, гемерской жупы; Vinica — межа въ Седлисахъ, Viničko — межа и вершина Vinice (130 м.) въ Врановѣ, землинской жупы, тамъ же въ Таварна-Полянкѣ Vinična skala (245 м.), а въ Малой-Домашѣ холмъ

¹ Adalékok Zemplén vármegye történetéhez, 1898 ст. 39.

Vinica (177 м.); Viničné — межа въ Грушовѣ, мараморошской жупы и т. д.

Не упуская этого изъ виду, слѣдуетъ намъ теперь обратить свое вниманіе на нынѣшній карпаторусскій этносъ. Кто его будетъ изслѣдовать, не можетъ не замѣтить, что онъ состоитъ изъ четырехъ группъ, уже сами названія которыхъ указываютъ на ихъ различное прошлое. Эти группы, вопреки времени и распространенію цивилизаціи, сохранили многое, восходящее къ глубокой древности, какъ относительно типа, такъ и въ отношеніи языка, вѣрованій, одежды, быта и обычая. Этими народными группами являются: гуцулы, бляхи, бойки и лемки. Изъ нихъ, гуцулы, бойки и лемки имѣютъ свое кровное продолженіе и за Карпатами, другими словами — изъ Галича они приникаютъ и въ долину Тисы.

Начавъ съ востока, на самомъ хребтѣ Карпатъ находимъ гуцуловъ. Они граничатъ съ румынами и распространяются за Карпаты по рѣку Ломницу, а вдоль горъ — по Тису, точнѣе по ея источники. Въ районѣ у Карпатъ ихъ число едва ли превыситъ 12 тысячъ и живутъ они въ 22 селахъ въ самой горной области Марамороша.

На югъ отъ гуцуловъ, по долинамъ Тараца, Талабора и Требуши, живутъ бляхи.

Съ гуцулами и бляхами на западѣ находятся въ сосѣдствѣ бойки; ихъ поселенія продолжаютъ по истоки Ужа и Сана.

Далѣе, по этническую границу съ чехословаками и поляками, живутъ лемки, самые многочисленныя изъ перечисленныхъ четырехъ народностей.

Происхожденіе этихъ племенныхъ именъ насколько древне, настолько и загадочно. Указанія на нихъ нѣтъ ни въ преданіи среди народныхъ массъ, ни у писателей историковъ. Только имя бойковъ не можетъ не напомнить указаніе Константина Багрянороднаго о бойкахъ.¹ Замѣчательно, что сама эта группа весьма рѣдко называетъ себя этимъ именемъ. Хотя въ народной пѣснѣ и поется, что

И ты бойко и я бойко,

Мы сме собѣ бойки...

однако въ народѣ это имя считается чѣмъ то обиднымъ: „Бойкнуло бы тобѣ въ черевѣ“, „якій я бойко?“ и т. д.

Едва ли могутъ быть сомнѣнія, чтобы въ бойкахъ Конс-

¹ De adm. imperii c. XXX.

тантина Багрянороднаго не видѣть славянское племя, а такъ какъ они нѣкогда находились въ сосѣдствѣ съ Бѣлой Хорватіей, то, вѣроятно же всего, древнихъ бойковъ слѣдуетъ признать предками нынѣшнихъ бойковъ, тѣмъ болѣе, что со временъ Константина Багрянороднаго нѣтъ ни одного памятника, который бы указывалъ на какую либо значительную перемѣну въ районѣ Карпаты.

Самое же названіе, по всей вѣроятности, происходитъ отъ кельтскаго племени боевъ, жившихъ въ этихъ мѣстахъ въ доисторическія времена, которые или были истреблены или выселились отсюда подъ натискомъ переселенія народовъ. Возможно, что послѣ этого между славянами, которые слѣдовали за кельтами, осталась какая нибудь незначительная часть племени боевъ, какая нибудь группа челяди, которая, проживая въ средѣ господствующаго народа, получила имя бойковъ, пока не слилась совершенно съ общей народной массой и, ослабяившись, не оставила своего имени русскому племени. Это послѣднее и до сихъ поръ чуждается его и относится къ нему съ презрѣніемъ: „Бойко жовто-черевый“ и въ насмѣшку добавляетъ:

„Ой гуцулы, гуцуленьки, де сте бойка дѣли?“

Цы вы его испеклисте, цы сырого сѣзли?

Ни мы его испеклисмо, ни сырого сѣзли,

И но ишовъ черезъ гору, та го вовки сѣзли!¹

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ средѣ этого племени имѣются остатки памятниковъ такого рода, которые совершенно чужды всѣмъ прочимъ русскимъ племенамъ. Сюда относится и обычай т. н. лопатковъ, существующій исключительно среди бойковъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ:

Когда кто нибудь умретъ въ крестьянской семьѣ, то еще до похоронъ приходятъ въ домъ покойнаго родные и знакомые, чтобы утѣшить опечаленную семью и при этомъ играютъ въ веселыя игры и даже даютъ комическія представленія; одинъ при этомъ изображаетъ сельскаго старосту, а двое другихъ приходятъ къ нему судиться и т. д. Называются такія представленія лопатками потому, что въ нихъ наиболѣе обычна игра, состоящая въ томъ, что одному завязываютъ глаза, а другіе его бьютъ лопатой по спинѣ и онъ долженъ угадать, кто именно его ударилъ?

¹ Я. Толовацкій: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 1878, I. 721.

Развѣ могла бы сохраниться цѣльность группъ въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ въ дѣйствительности, при какой то искусственной колонизаціи?

Выше подчеркивалось, что Анонимъ прошлое карпатороссовъ относитъ къ самому приходу мадьяръ, указывая на столкновение вождя карпатороссовъ Лаборца прежде всѣхъ съ Арпадомъ. Съ другой стороны въ исторіи нѣтъ никакого слѣда о томъ, чтобы со времени Константина Багрянороднаго происходили какія либо перемѣны въ славянскомъ этносъ сѣверо-восточныхъ Карпатъ. Смотря при томъ на номенклатуру территоріи, станетъ ясно, что нынѣшнія группы карпаторусскаго этноса нужно считать потомками той славянской массы, которую здѣсь оставило переселеніе народовъ и называлась она однимъ общимъ именемъ — хорваты.

Какъ намъ извѣстно, во времена императора Гераклія, изъ этихъ хорватовъ на югъ переселились двѣ группы. Потомками западной группы являются нынѣшніе хорваты, а восточной — сербы. Не безъ интереса упомянуть, что по территоріи древней Сербіи мы встрѣтимъ рядъ мѣстныхъ именъ, которыя напоминаютъ имена сѣверо-восточной области Карпатъ: Топла, Дубрава, Коритникъ, Крива, Ломница, Майданъ, Луковъ, Луково, Лукавица, Каменица, Пряшовъ, Марморосше, Теплица, Слатина, Земланъ-Землинъ и т. д. Особенно замѣчательно послѣднее названіе; вѣдь слово земля, хотя имѣется во всѣхъ славянскихъ языкахъ, но съ буквою *Л* употребляется только у русскихъ и сербовъ; у чеховъ: *земѣ*, у поляковъ — *ziemia*, а у болгаръ — *zemja*.

Значительно болѣе сложный вопросъ — откуда пришли сюда эти группы и гдѣ жили раньше? Укажемъ на нѣкоторыя данныя и въ этомъ вопросѣ.

Кто изслѣдуетъ сѣверо-восточную область Карпатъ, тотъ встрѣтится съ такими географическими именами: *Кійовъ*, село въ шаришской жупѣ и пустошь въ землинской жупѣ, между селами Нижнее Грущево и Поша; *Кійовиско*, вершина на Вигорлатѣ въ земплинской жупѣ, возлѣ села Литовиско; *Кійовець*, межа въ Студеномъ, въ Мараморосшѣ; *Волга*, межа въ ужской Солотвинѣ; *Умань*, межа въ Лоховѣ, въ бережской жупѣ; *Ростиміръ*, межа въ Бобовицахъ бережской жупы; *Бердичевъ*, межа въ Горынчевѣ мараморосской жупы.

Съ другой стороны въ Россіи находимъ слѣдующія названія:

Требушка, Любоча, Любошино, Ужинъ около озера Ильмень; *Кирва*, село около Твери; *Колодное, Избоище, Левоча, Тиросъ*, села подъ Мологою. И т. д.

Насколько можно заключить изъ этихъ совпаденій, группа лемковъ происходитъ изъ района Днѣпра, въ то время, какъ остальные изъ болѣе отдаленныхъ волжскихъ областей.

Ясно, что передвиженіе народовъ вынесло ихъ изъ Сармы и оставило въ Карпатахъ, гдѣ они обитали, до появленія Руси, подъ общимъ именемъ хорватовъ.

Намъ хорошо извѣстно, что назначеніе Руси заключалось въ объединеніи раздробленныхъ славянскихъ племенъ въ единый политическій организмъ. Однако такое движеніе вызвало противодѣйствіе со стороны Византіи, жертвой которой явилась Моравія, а тѣмъ самымъ великая идея объединенія славянскихъ народовъ Русью, похоронилась на вѣки.

Вслѣдствіе этихъ же событій, разрушилось и единство хорватскаго этноса карпатской области: часть изъ него вошла въ объединяющія рамки Руси, съ ея кирилликовской окраской, другая же часть попала въ разрушительный плѣнъ глаголицы, возглавляемой Моравіей.

Историческіе источники свидѣтельствуютъ, что русская объединяющая рука простиралась даже за Вислу, въ самый центръ современной Польши. Естественно, что и хорваты не могли ускользнуть изъ подъ ея вліянія, а принимая во вниманіе географическое положеніе, можно заключить, что сюда вліяніе Руси распространилось раньше, чѣмъ за Вислу. Это подтверждаетъ и то, что въ походѣ Олега въ 907 году на Царьградъ принимали участіе и хорваты, слѣдовательно его власть сюда распространялась значительно раньше.

А такъ какъ цѣль Руси была направлена къ объединенію всѣхъ славянъ, то уже изъ этого слѣдуетъ, что когда ея вліяніе появилось въ средѣ хорватъ, то и Карпаты не могли препятствовать этому движенію. Если бы то не соответствовало правдѣ, тогда нужно было бы русскихъ подъ Карпатами считать болѣе поздними пришельцами. Но тогда не могло бы существовать преданія въ народѣ о древнемъ владычествѣ Руси подъ Карпатами.

Поэтому ясно, что русскіе подъ Карпатами вправѣ считать себя автохтонами. Только имъ полностью принадлежитъ историческое право. Русскость въ Карпатахъ предупредила всякое чужое владычество, потому что когда Олегъ появился

здѣсь, Моравія, законными наслѣдниками которой являются чехословаки, только поднималась, а мадьяры въ то время еще лишь нарождались въ Лебедіи.

Естественно, что споръ можетъ возникнуть лишь по вопросу о продвиженіи Руси подъ Карпатами и какая дѣйствительно территория первоначально входила въ ея границы.

Чтобы быть точнымъ, необходимо указать, что мадьяръ, какъ таковыхъ, не было, а они появились только въ IX столѣтіи около устьевъ Днѣпра, у Крыма, изъ остатковъ турецкой рассы, которые спаслись отъ печенѣговъ, когда послѣдніе появились на Волгѣ. Впослѣдствіи эти остатки, подъ натискомъ тѣхъ же печенѣговъ, отсюда позже стянулись въ низовья Дуная. Въ долины Дуная и Тисы они попали не побѣдителями, но какъ спасающіеся бѣгствомъ отъ гибели, приготовленной имъ союзомъ болгаръ и печенѣговъ, при содѣйствіи Царьграда и благосклонности Моймира II, князя Моравіи. Какъ Царьградъ, такъ и Моравія использовали ихъ для укрѣпленія глаголистическаго фронта.

Предки нынѣшнихъ мадьяръ прибыли сюда приблизительно въ 896 году и поселились въ древней Панноніи, которая была для нихъ предоставлена княземъ Моравіи. Границы древней Мадьяріи были: съ юга — озеро Балатонъ, съ запада — рѣка Раба и даже вѣрнѣе, трясины озера Fertő, а съ сѣвера и востока — русло Дуная. Спасенные Византіей, они потому были вѣрны ея политикѣ до самаго конца владычества Царьграда и, естественно, помогали Византіи парализовать объединяющія усилія Руси, а слѣдовательно разъединенію славянской семьи. Именно по причинѣ славянскаго раздора, матерью котораго явилась глаголица, мадьярству не только удалось укрѣпиться въ средѣ славянства, но и развить свою историческую жизнь, одновременно подчиняя себѣ ссорящіеся между собою славянскія племена и такимъ образомъ распространили свою власть до Карпатъ.¹

¹ Ср. Н. Бескидь: Мадьярскій Клинь, 1928.

Историческая Карпатская Русь.

Русь, распространивши свои границы за Карпаты, къ дальнѣйшему своему продвиженію встрѣтила два препятствія, именно въ лицѣ:

1. Болгаріи, и
2. Велико-Моравіи.

Слѣдовательно, чтобы представить историческія границы Карпатской Руси, ясно, что для этого необходимо изслѣдовать и установить прежде всего ея мѣста соприкосновенія съ Болгаріей и Велико-Моравіей.

Намъ извѣстно, что болгары, когда то игравшіе значительную роль на Волгѣ, со временемъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, утратили свое могущество. Изъ нихъ одна часть, подъ начальствомъ Испериха, перекочевала къ устьямъ Дуная и здѣсь, воспользовавшись внутреннею слабостью правленія императора Константина Погонатоса, въ 679 году переправилась черезъ Дунай, захватила древнюю Моезію, гдѣ и поселилась, съ центромъ въ Великой Преславѣ. Болгары, хотя были и малочисленны, но благодаря сильному воинственному духу и мощному единству, прочно укрѣпились среди мѣстнаго населенія. Ихъ успѣху помогло то обстоятельство, что остальные племена переселенцевъ не отличались стойкостью племенного индивидуализма и легко ассимилировались. А потому болгары, имѣя къ тому же способныхъ вождей, изъ которыхъ особенно живую память о себѣ оставилъ Крумъ, уже черезъ столѣтіе власть свою распространили на югъ до Балканъ, на западъ до Дрины, а на сѣверѣ, какъ это отмѣчалось, силой захватили въ свои руки и древнюю Дакію, гдѣ въ то время находилось славянское племя бродниковъ.

Замѣтимъ, что Халоупецкій владычество болгаръ распространяетъ почти до Карпатъ. Интересно, что на его картѣ гора Вигорлатъ называется *Bucharskými Vrchy. Vihorlat = Bicharlat*.

Конечно, этимологія Халоупецкаго не только произвольна, но и совершенно ошибочна, а, на основѣ такой этимологіи, ошибочно также и его толкованіе.

Нельзя забыть того, что болгары были малочисленны. Въ древнюю Дакію притянуло ихъ ея богатство золотомъ, серебромъ и солью, именно какъ разъ то, въ чемъ они нуждались. Дакію они захватили насильственно, сломивши сопротивление бродниковъ: Чтобы удержаться въ Дакіи, болгары прибѣгали къ самооборонѣ, пользуясь для того традиціями когда то римскаго могущества. Извѣстно, что граница Дакіи на западѣ распространялась только до Тисы, затѣмъ шла по подножію Семиградскихъ горъ полукругомъ до истоковъ рѣки Быстрицы, а здѣсь, пересѣкая Карпаты, проходила къ устью Днѣстра. Слѣдовательно, на сѣверѣ оборона болгаръ опиралась на сильную когда то римскую крѣпость *Поролизеумъ-Мойградъ*, развалины которой сохранились и нынѣ. Здѣсь граница кончалась.

Эти границы болгарскаго владычества расширялись только разъ и опять таки на западъ, именно около 829 года, при завоеваніи Бѣлграда и тогда же онъ былъ переименованъ въ *Alba Bulgariae*. Только въ это пору, а не раньше, ихъ границы доходили до Дуная, иначе просто невозможно допустить, чтобы Бѣлградъ попалъ въ ихъ руки только теперь. Въ это же время имъ достался и нынѣшній Пешть, съ переправой черезъ Дунай.¹ Чтобы переправа была въ безопасности, на сѣверномъ верхнемъ изгибѣ Дуная былъ построенъ, подобно Бѣлграду (который служилъ опорнымъ пунктомъ переправы на южномъ изгибѣ), Вышній-градъ, нынѣшній *Visegrád*.

Къ укрѣпленію Дуная болгаръ принудили слѣдующія обстоятельства. Какъ мы подчеркнули, Семиградъ попалъ въ руки болгаръ благодаря ихъ насильственному завоеванію славянскаго племени бродниковъ, а потому ихъ взаимоотношенія были непріязненны. Кромѣ того нельзя забывать и того обстоятельства, что къ тому времени Паннонія была покорена франками, что нарушало спокойствіе болгаръ. Та-

¹ Cp. Salamon F.: *Budapest története* II. 86.

кимъ образомъ Болгарія попадала въ тиски съ двухъ сторонъ: со стороны запада и со стороны Византіи. Къ тому слѣдуетъ добавить, что западъ, какъ только увидѣлъ, что ему не удалось использовать посѣянную имъ же вражду между болгарами и Византіей, предпринялъ интриги въ средѣ бродниковъ противъ болгаръ. Благодаря этимъ интригамъ у бродниковъ вспыхнули возстанія и въ случаѣ ихъ успѣха, для болгаръ потеря семиградскихъ рудниковъ означала бы смертельный ударъ. Вотъ то обстоятельство, которое болгаръ заставило вынести линію обороны до Дуная. Эта естественная граница была наиболѣе подходящей къ самозащитѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ парализованію проникновенія всякихъ интригъ.

Однако нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы границы болгаръ и на сѣверѣ то же выносились впередъ за линію римской обороны. Въ этомъ не было и смысла, потому что къ сѣверу отъ Мойграда тянулись болота, питаемая водами рѣкъ Самоши, Красной и Тисы. Оставить такую линію обороны, это равносильно собственному ослабленію.

Правда, Анонимъ указываетъ на присутствіе болгаръ не только въ Семиградѣ, но и къ сѣверу отъ древней римской границы. По его разсказу, мадьяры встрѣтились съ болгарскими славянами уже при Латорицѣ, около Мукачева, которыхъ поселилъ здѣсь Кеанъ, праотецъ князя Салана.¹

Конечно, трудно въ цѣломъ отрицать это утверждение, потому что на присутствіе болгаръ здѣсь ясно указываетъ носовой звукъ съ буквой „н“ въ названіяхъ: Lonka, Gerenda, Munkacs, Gogond, Ung и т. д. Однако, если мы начнемъ изслѣдовать подробнѣе, то едва ли можно будетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы эти поселенія были образованы государственной властью болгаръ. Вѣдь ихъ владычество даже въ самомъ Семиградѣ не оставило болѣе или менѣе значительнаго отпечатка, что служить яснымъ доказательствомъ того факта, что въ рукахъ болгаръ находилось лишь управленіе надъ другимъ племенемъ. Напримѣръ въ бигорской жупѣ, которая считалась центромъ упомянутаго Салана, до сихъ поръ сохранились мѣстныя названія: Ugfelek, Ugra, Láz, Lugor и т. д. Нѣтъ слѣда и при Дунаѣ. Напротивъ, слѣдуетъ подчеркнуть, что болгары относительно названія этой рѣки употребляли и употребляютъ названіе Дунавъ. А всѣ сла-

¹ С. XII.

вянскія имена, съ окончаніемъ на *авъ* (приставъ, поставъ, Владиславъ), въ мадьярскомъ языкѣ получаютъ окончаніе *ó* (*porozsló, posztó, László*). Поэтому, если бы болгары здѣсь жили въ большомъ количествѣ, то, конечно, ихъ форма наименованія рѣки оставила бы нѣкій отпечатокъ въ мадьярскомъ языкѣ. При томъ интересно, что по количеству больше всего памятниковъ найдемъ въ сѣверо-восточной области Карпатъ, чѣмъ въ цѣломъ Семиградѣ. Однако нельзя не замѣтить того, что и здѣсь болгарскія наименованія замѣчаются только въ небольшой полосѣ, которая тянется отъ Марамороша до Шайова и надъ горами возлѣ Тисы. Но и въ этой полосѣ они немногочисленны и представляютъ собою только островки въ первобытномъ русскомъ этносѣ. Здѣсь мы встрѣтимся съ названіями: Угоча-Унгъ-Ужокъ, Мункачъ-Лучка, Землинъ-Зомборъ, Бодрогъ-Лонка и т. д. Пограничная же полоса носить почти чисто русскія названія, какъ на примѣръ въ саболчской жупѣ находимъ: *Tisza-Lók*, которое еще въ 1332 г. называлось *Luk-омъ*;¹ *Tisza-Dob*, а въ 1338 г. оно носило еще названіе *Dub*,² въ селѣ *Eszeny* находится межа Лучка и т. д.

Поэтому удобнѣе предположить, что эти болгары переселились сюда, какъ бѣженцы, именно въ эпоху паденія болгарскаго государства, т. е. въ періодъ 927—1018 г. г., опасаясь мщенія со стороны бродниковъ. Болгарскіе бѣженцы поселились въ верховья Тисы, потому что эта территорія казалась имъ выгодной въ томъ отношеніи, что лежала недалеко отъ ихъ прежняго отечества, а кромѣ того была съ юга защищена пространными болотами, которыя только отъ 1613 г., закономъ XXVII, начали систематически осушаться, хотя еще и въ прошломъ столѣтіи занимали площадь въ нѣсколько тысячъ кат. утровъ. Мадьяры называли ихъ *Ecsedi láp-омъ*. Это названіе въ древнихъ грамотахъ встрѣчается въ формѣ *Eched, Euched*, конечно, отъ русскаго глагола — ехидствовать, ехидничать.

Весьма интересно, что тамъ, гдѣ на югѣ кончались эти болота, при рѣкѣ Красна находимъ село *Esztró*, въ настоящее время исключительно съ румынскимъ населеніемъ. Безусловно, что это имя происходитъ отъ глагола стеречи. Съ другой стороны не можетъ не броситься въ глаза, что *Esztró* вышается какъ разъ противъ Мойграда, древняго Поролизеума.

¹ Pápai tizedszedők listj. 328, 343, 349.

² Zichy-Okmánytár I, 532.

Туть и кончалась граница Олеговыхъ завоеваній на югѣ. Это подтверждается и тѣмъ, что мы находимъ, дальше къ западу, а именно подъ Дебрециномъ, горку Стража (99 м.), затѣмъ села: Alsó и Felső Ábrány (въ жупѣ Боршодъ), а при городѣ Гатванъ, уже въ гевешской жупѣ, такую же горку Стража (177 м.). Нашу точку зрѣнія еще больше подкрѣпить то, что отъ Тисы до Дуная, непосредственно подъ линією Esztró-Strazsa, тянутся остатки одного стараго рва, называемаго мадьярами Csörszárka, что ясно указываетъ на происхожденіе отъ глагола — чертить. Этотъ ровъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ глубины одной сяди, а въ ширину — до четырехъ сядь. Тамъ, гдѣ онъ приближается къ Дунаю, основался Новый-градъ, съ одной стороны противъ болгарскаго Вышняго-града, съ другой — противъ запада. Именно здѣсь примыкаетъ къ долинѣ хребетъ Островскаго Вепора. Надъ Новымъ-градомъ, прямо къ сѣверу, встрѣтимъ Сеноградъ (сѣнь = защита, оборона). На правомъ берегу Ипла, сзади Новаго града и Сенограда, поднимается Стражъ и Стражна гора (333 м.). Зная это, все же мы должны подчеркнуть, что хотя въ сѣверо-восточной области Карпатъ въ мѣстныхъ названіяхъ и сохранились слѣды болгарскаго вліянія, но отсюда не слѣдуетъ, что ихъ владычество до этихъ предѣловъ распространялось.

Напротивъ, преданіе эту территорію относить къ русскому владѣнію, особенно въ южныхъ частяхъ жупъ Абауйской, Землинской и на Нырѣ. Оно утверждаетъ, что были времена, когда русскій флагъ развѣвался на токайской горѣ и только впоследствии русское владычество сузилось по гинчанскіе мосты. Правда, нельзя полностью довѣрять преданію, существующему въ народѣ, однако въ немъ всегда имѣется корень скрытой истины. Вѣдь народъ только то можетъ помнить и сохранить, что въ дѣйствительности было. Хотя преданія и претолковываются, но въ нихъ существуетъ и доля правды. Конечно, съ исторической точки зрѣнія особую цѣнность имъ придавать нельзя, но и нельзя ихъ полностью отбрасывать. Характеризуетъ однако положеніе, что на основѣ этого преданія даже къ императору Александру III изъ южныхъ областей посылались просьбы о предоставленіи средствъ на постройку церквей и т. п. Правда, эти просьбы, перехватываемыя австромадьярской цензурой, до Петрограда никогда не доходили, но за то достигли своей

цѣли, хотя и не у русскаго императора, а у Франца Іосифа, который, по докладу своего правительства о посылаемыхъ просьбахъ въ Россію, оказывалъ имъ поддержку.

Какъ извѣстно, Великая Моравія составилаь изъ славянскихъ племенъ, жившихъ на Моравѣ, съ центромъ въ Велеградѣ, по ходатайству Византіи. Насколько можно установить изъ историческихъ данныхъ, въ ея составъ входили: провинція на Вагѣ, т. е. западная часть Карпатской области, откуда еще въ 830 году Мойміръ изгналъ Привину, сидѣвшаго въ Нитрѣ, а его территорію присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Затѣмъ были присоединены чехи, далѣе сербы и, наконецъ, иныя племена, жившія на Лабѣ. Съ 874 года, на основаніи договора, заключеннаго въ Форгеймѣ, въ составъ Великой Моравіи вошла и Паннонія, присоединеніе которой, кромѣ факта непосредственной связи съ Царьградомъ, имѣло великое значеніе и то, что тѣмъ самымъ прерывались сношенія франковъ и болгаръ, владѣнія которыхъ начинались уже на лѣвомъ берегу Дуная. Этимъ прекращалась и возможность агитаціи со стороны изгнанныхъ князей изъ Нитры, изъ которыхъ Коцель, сынъ Привины, подъ покровительствомъ франковъ, организовался въ Мозабургѣ надъ Балатономъ и отсюда постоянно беспокоилъ Велико-Моравское княжество.

Вслѣдъ за этимъ Великая Моравія начала вести усиленную агитацію среди ляховъ на Вислѣ, съ цѣлью вырвать ихъ изъ рукъ Руси и подчинить глаголическимъ идеямъ. Этотъ вопросъ для Святополка являлся не менѣе важнымъ, чѣмъ присоединеніе Панноніи, такъ какъ ляхи жительствовавали въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Моравіей. Если бы Русь закрѣпила здѣсь свое вліяніе, она могла бы постоянно вліять не только на племена, живущія надъ Лабой, но и на дѣла самой Моравіи.

О дальнѣйшихъ подвигахъ Святополка исторія ничего не знаетъ. Тому препятствовала уже и замѣна прежней его политики. Чтобы въ составъ Великой Моравіи входила, и сѣверо-восточная область Карпатъ, по крайней мѣрѣ одна ея часть, нѣтъ нигдѣ никакого слѣда. Напротивъ, интересно то, что доказательствомъ историческаго права на эту территорію русскаго народа явятся сами чешскіе источники.

Въ грамотѣ объ учрежденіи Пражскаго латинскаго епископства восточныя границы опредѣляются такъ:

„Inde ad orientem hos fluvios habet terminos: Bug scilicet et Ztir cum Krakova civitate, provinciaque, cui Vag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est. Inde Ungariorum limitibus additi usque ad montes, quibus nomen est Tritri dilatata procedit. Inde in ea parte, qua meridiem respicit, addita regione Moraviae usque ad fluvium, cui nomen est Vág et ad mediam sylvam, cui nomen est Mure et ejustem montis eadem parochia tendit, qua Bavaria limitatur“.

Должны замѣтить, что Пражское латинское епископство учреждалось при Болеславѣ II. въ 973 году, но первоначальная грамота о его основаніи до насъ не дошла; о его учрежденіи говорится лишь въ грамотѣ императора Генриха IV. отъ 1086 года, въ свою очередь сохранившейся только въ лѣтописи Космы¹. Естественно, что чехи всѣми силами доказываютъ ея подлинность,² однако противная сторона находить ее подложной.³

Прежде всего слѣдуетъ указать, что для пражскаго епископства, основаннаго въ 973 году, конечно, не могли опредѣляться границы по Бугъ и Стырь. Помимо громаднаго разстоянія, противъ этого говорить и самая сущность дѣла. Какимъ образомъ пражскому епископству могла быть сразу, въ грамотѣ о его основаніи, предоставлена такая колоссальная территорія, если самое епископство должно было выполнить еще чисто миссіонерское заданіе? Въ то время римскій обрядъ въ самой Чехіи находился въ зачаточномъ состояніи, слѣдовательно менѣе всего можно было говорить о его возможности распространенія по Бугъ и Стырь. Съ другой стороны, если бы латинскій обрядъ распространился до этихъ рѣкъ, то несомѣнно, что Римъ учредилъ бы для столь отдаленныхъ отъ Праги территорій особая епископства. При томъ нельзя забывать, что въ томъ время и Польша была уже самостоятельной, а познанское епископство было заложено еще въ 965 году.

Допустить такую возможность мѣшаетъ и пергаментовый каталогъ краковскихъ епископовъ, въ которомъ подчеркивается: „Prohorius primus Cracoviensis episcopus ordinatus anno Domini 966“.⁴

¹ Pertz: Mon. Germ. Ss II, 91—3, A. Bielowski: Mon. Pol. Hist. I—147.

² Palacky: Geschichte von Böhmen, I 221—6, Dudik: Geschichte Mährens I. 41; Kalousek: Sitzungsberichte d. Böhm. Gesch. d. Wissensch. 1883, II. 19.

³ Loserth: Mittheilungen II. 15., Köpke-Dümmeler, m. c. 503, Voigt H. G.: Adalbert von Prag. 203 8.

⁴ Lentowski, Katalog biskup. Krak. Krakov, 1852. I. 2.

Если же въ 966 году въ Краковѣ былъ свой епископъ, то естественно, что краковская область не могла быть подчиненной въ 973 году пражскому епископу.

Такимъ образомъ очевидно, что подлинность грамоты пражскаго епископства не выдерживаетъ критики, а ея претензіи на эти территоріи слѣдуетъ отнести къ болѣе древнимъ временамъ, однако которыя ничего общаго неимѣвшія ни съ Прагой, ни съ ея латинскимъ епископствомъ.

Эту загадку можно отчасти объяснить при разборѣ исторіи краковскаго епископства.

Всѣ историки признаютъ, что первымъ краковскимъ епископомъ былъ нѣкій Прохоръ. Однако время его дѣятельности опредѣляется различно. Въ то время, какъ каталогъ краковскихъ епископовъ относитъ его дѣятельность къ 966 году, по лѣтописи же Траского онъ принялъ хиротонію только въ 970 году.¹ Наоборотъ историкъ Длугошъ относитъ время его смерти къ 986 году и прибавляетъ къ этому: „*praesidebat anni uno et triginta*“,² слѣдовательно Прохоръ долженъ былъ принять епископскій санъ въ 955 году, но въ то время извѣстно, что латинскихъ епископовъ не было ни въ Чехіи, ни въ Польшѣ.

Не можетъ не броситься въ глаза, что имя Прохоръ явно греческое. Поэтому нужно согласиться, что здѣсь рѣчь идетъ не о первомъ латинскомъ, а о послѣднемъ епископѣ старославянскаго обряда, епископство котораго въ правленіе Болеслава Храбраго было конфисковано и отдано латинскому епископу. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, потому что краковское преданіе хорошо помнитъ о нѣкогда существовавшихъ тамъ владыкахъ, появленіе которыхъ относится ко времени св. Мефодія.³

Поэтому, если въ основной грамотѣ пражскаго епископства латинскаго обряда высказывается претензія на территорію по Бугъ и Стырь, то это можетъ объясняться лишь тѣмъ, что агитація глаголическихъ миссіонеровъ св. Мефодія дошла и до этихъ мѣстъ. Для ея закрѣпленія и было основано краковское епископство. Это же доказываетъ и преданіе „О пустынныйъ Иванъ, королевичъ корвацкомъ“, жившемъ въ эпоху Боривоя. Преданіе сохранилось въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII столѣтія, находящемся въ румян-

¹ Bielowski, Mon. Hist. Pol. II. 828.

² Hist. Pol. lib. I. 108.

³ Ср. рукопись I. Стрелецкаго въ Львовск. капит. бібліотекъ греч. обряда, ст. 353.

цевскомъ музеѣ.¹ О томъ же Іоаннѣ имѣется большая легенда на латинскомъ языкѣ, находящаяся въ списокѣ XV вѣка подъ заглавіемъ: *Historia beati Ivani, qui communicatus est a Paulo, capellano b. Ludmillae, corpore Domini sub una specie, qui postea communicavit etiam beatam Ludmillam sub una specie.*²

Въ томъ же хронографѣ имѣется и повѣсть „О архиепископѣ Венцлавѣ, что въ Краковѣ“.³

Но не слѣдуетъ забывать, что Русь на территоріи при Вислѣ опередила Святополка, тѣмъ болѣе она должна была опередить его у хорватовъ, особенно въ районѣ восточной части Карпатъ. Слѣдовательно и претензіи, выставленныя пражскимъ епископствомъ еще болѣе неосновательны, потому что прежде чѣмъ управлять, съ церковной точки зрѣнія, землями по Бугъ и Стырь, необходимо было хотя бы религіозно овладѣть ими. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что эти самые хорваты въ 907 году уже участвовали въ походѣ Олега на Царьградъ, слѣдовательно глаголица не могла особенно привлекать ихъ. Это соображеніе лишь подтверждаетъ письмо Оды, вдовы князя Местька, умершаго въ 992 году, которое она послала папѣ Іоанну XV. По указанію этой грамоты, границы Польши въ 992 году на югъ доходили до Кракова, „*usque in locum, qui dicitur Russe et fines Russe extendente usque in Cracoa*“.⁴

Еслибы это не соотвѣтствовало правдѣ, тогда Русь не имѣла бы здѣсь цѣлаго ряда воспоминаній.

Бандке, въ своей польской исторіи, пишетъ, что въ 1622 году, т. е. въ правленіе Сигизмунда III, іезуиты забрали въ свои руки всѣ библіотеки и подвергли ихъ строгой цензурѣ. Все, что было найдено непріязненнаго и противнаго ихъ интересамъ въ книгахъ, рукописяхъ и грамотахъ, все было публично сожжено на варшавскомъ общественномъ рынкѣ. Сколько мученическихъ слезъ, страданій, стонувъ, гоненій, кривдъ и грабежей записано за это время рукою честныхъ, правдолюбивыхъ и безпристрастныхъ историковъ, сколько историческихъ документовъ погибло въ этихъ кострахъ! Однако, несмотря на эту іезуитскую озлобленность, погибло не все. Согласно доклада латинскаго епископа Станислава

¹ Ср. А. Востокова: *Описание старослав. рукописей Румянцевскаго Музея*, Москва, 1842, стр. 778 и *Fontes rerum Bohem.* I. ст. 110.

² *Fontes rerum Bohem.* I. 112—120

³ Ср. Востокова, ст. 778

⁴ Діонисій Зубрицкій: *Gränzen zwischen der ruthenischen und polnischen Nation*, Львовъ, 1849.

Сарновскаго папѣ Александру VII, русская перемышльская епархія насчитывала еще и къ концу XVII вѣка 3400 приходо-
 довъ съ 3 милліонами вѣрниковъ. Въ настоящее время
 едва ли наберется столько во всѣхъ трехъ галичскихъ епар-
 хіяхъ. О Тарновѣ даже Ипатская лѣтопись отъ 1262 года
 говоритъ, что вытѣсненная изъ города русская церковь, все
 же имѣла еще въ предградьи храмъ св. Богородицы, т. е.
 въ нынѣшнемъ Бургѣ.¹ Въ Сандомірѣ (Судомірѣ) доминиканцы
 заняли храмъ св. Іакова только въ 1226 году.² На югъ отъ
 Кракова, уже въ Карпатахъ, находится извѣстный польскій
 курортъ Щавница, гдѣ одна изъ межъ до сихъ поръ назы-
 вается Поповщиною, а другая Дьяковщиною. При курортѣ
 протекаетъ рѣчка Руска и т. д.

Поголовное истребленіе русскости началось здѣсь только
 съ 1320 года, когда Владиславъ Локотокъ изъ Гнѣзна пере-
 несъ свою столицу въ Краковъ.

Принявъ это во вниманіе, слѣдуетъ отмѣтить, что юж-
 ная область сѣверо-восточныхъ Карпатъ вообще не упоми-
 нается въ грамотѣ пражскаго епископства. Южную границу
 она опредѣленно указываетъ по Татры, и отсюда на югъ до
 границы съ мадырами. Слѣдовательно, территорія на востокъ
 по Татры не входила въ рамки Великой Моравіи, однако она
 не значится и подъ властью Болеслава I. чешскаго короля,
 прозваннаго жестокимъ, въ правленіе котораго Чехія владѣла
 наиболѣе обширной территоріей.

Это только подтверждаетъ свидѣтельство Ибрагима
 Ибнъ-Якуба, родомъ изъ сѣверо-западной Африки, еврея по
 національности, который весною 965 года черезъ Адриатиче-
 ское море прибылъ по торговымъ дѣламъ въ Фріауль, а от-
 сюда отправился въ Прагу.³ Его воспоминанія основаны все-
 цѣло на лично видѣнномъ и упрекъ въ какой либо односто-
 ронности ему поставить нельзя. По его даннымъ, государство
 Болеслава на востокъ доходило до Кракова, въ то время
 какъ на югъ — граничило съ „турками“. Такъ какъ мадыры
 въ то время проживали еще въ древней Панноніи, то естест-
 венно, что восточную границу представляла линія: Краковъ—
 Татры—Дунай. Разстояніе отъ Праги до Кракова на осно-

¹ Dlugosz: Hist. Pol. lib. XII, подъ г. 1440. Kosciolk Najsw. Maryi Panny na Burku v Tarnowie, Tarnow 1850.

² К. Сейковскій: Dni roczne S. zak. Kaznodz., Krakow 1743.

³ F. Westberg: Ibrahims — Ibn- Jakubs Reisebericht über die Slaven-
 lande aus dem Jahre 965. Петроградъ 1898.

вані личныхъ путешествій онъ опредѣляетъ трехнедѣльнымъ путемъ. Говоря о пражскихъ торгахъ, онъ указываетъ, что ихъ посѣщали и *русскіе* и *словѣне* изъ Кракова. Это наоборотъ показываетъ на глубокую рознь, которую глаголица совершила въ славянской семьѣ.

Если бы она вторглась со своими идеями и въ русскія земли, земли восточныхъ хорватовъ, конечно и Константинъ Багрянородный не указалъ бы: *in hodiernum diem sine bap-tismo est.*

Учитывая подходящія географическія условія за Карпатами, Болеславъ чешскій, по прозванію — жестокій, подобно Святополку, стремился распространять свои владѣнія въ этомъ направленіи. Въ то время какъ отъ Грона на востокъ путь затрудняютъ большія горы, за Карпатами дорога является совершенно открытой. Ко всему этому слѣдуетъ помнить, что чешскія земли нуждались въ собственной соли. Правда, большія залежи соли были въ Мараморошѣ, откуда по Тисѣ она сплавлялась въ нынѣшній Сольникъ, гдѣ находился центральный соляной складъ, однако добыча соли въ этомъ районѣ была опасна вслѣдствіе частыхъ болгарскихъ вторженій. Такъ напр. въ 892 году Арнульфъ, чтобы пріостановить доставку соли въ Моравію, принужденъ былъ хлопотать объ этомъ передъ болгарами.¹ Что въ данномъ случаѣ шла рѣчь не о семиградской соли, но о мараморошской, видно изъ самаго текста обращенія, съ которымъ депутація Арнульфа просила болгаръ и именно не объ отправкѣ соли въ Моравію, но о пріостановкѣ таковой. Слѣдовательно рѣчь шла не о болгарской соли, т. е. изъ семиградской области, столь необходимой самимъ болгарамъ и всей балканской области, но о чужой соли изъ Марамороша.

Однако и краковская область имѣетъ соляныя богатства. Слѣдовательно и завоевательныя дѣйствія удобнѣе всего было обратить сюда, такъ какъ самое завоеваніе не казалось столь затруднительнымъ. Какъ свидѣлствуютъ грамоты, западная часть карпатской области и во время мадьярскаго владычества черпала свои запасы соли именно отсюда. Достаточно указать на грамоту Белы IV, изданную для населенія Липтовскаго округа въ 1265 году.²

Такимъ образомъ вниманіе завоевателей было отвле-

¹ Annales Fuldenses подь 892 г.

² Въ архивѣ селѣ Тарновець, Századok 1911.

чено отъ сѣверо-восточной области Карпатъ и направилось исключительно на приобрѣтеніе краковскаго района.

Однако уже послѣ Болеслава I-го не только была потеряна возможность завоеванія сѣверо-восточной части Карпатъ, но пришлось лишиться и сѣверо-западной области Карпатъ. Ея завоевателями были именно тѣ гости Велико-Моравіи, которымъ она, по ходатайству Византіи, въ 896 году предоставила территорію въ срединѣ славянскихъ племень для усиленія глаголистическаго фронта.

То были мадьяры, которые, воспользовавшись разваломъ Великой Моравіи, посмѣшили стать самостоятельными, что имъ, при поддержкѣ Византіи, не только вполне удалось, но со временемъ подчинили себѣ и всѣ славянскія племена, ихъ окружающія. Въмѣсто того, чтобы самимъ ассимилироваться, они, воспользовавшись ссорами между славянскими племенами, постепенно поглотили ихъ и завладѣли всей территоріей, кругомъ по Карпаты.

О завоевательномъ движеніи мадьяръ надъ славянскими племенами ясно указываютъ памятники мадьярской засѣчной линіи.

Если мѣста древне-мадьярскихъ пограничныхъ засѣкъ точно обозначимъ на картѣ, то прежде всего бросится въ глаза, что въ то время какъ на западѣ онѣ представляютъ рѣдкое и случайное расположеніе, на востокѣ же образуютъ правильныя и методично укрѣпленныя линіи.

Именно это обстоятельство служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что мадьярамъ удалось завладѣть Карпатской областью не сразу и при томъ совершенно различнымъ путемъ на западѣ, чѣмъ на востокѣ. На западѣ для нихъ благопріятствовала обстановка и имъ пришлось построить только одну засѣчную линію, тогда какъ на востокѣ они встрѣгли серьезное сопротивленіе, что видно изъ того, что были принуждены продвигаться впередъ постепенно, построивши пять засѣчныхъ линій. Отсюда слѣдуетъ, что въ эпоху прихода мадьяръ жизнь въ Карпатахъ проходила подъ двумя различными условіями: одно было на востокѣ и совершенно противоположное на западѣ.

Къ тому слѣдуетъ прибавить, что построенныя мадьярами пять засѣчныхъ линій по направленію и числу совпадаютъ съ древними, нами приведенными, славянскими памятниками обороны, что только укрѣпляетъ наши доказательства о древности и границахъ исторической Карпатской Руси.

Общая пограничная линия совпадает приблизительно съ направлениемъ русла рѣки Грона, что значить: грань-граница-пограничная полоса. На правомъ берегу рѣки, когда она уклоняется отъ вершины островскаго Вепора, на пространствѣ всей долины еще и понынѣ, въ остаткахъ развалинъ, можно видѣть изумительно сильныя для того времени крѣпостныя укрѣпленія. Конечно, что такая укрѣпленная преграда создана была не по случайной прихоти, но въ силу необходимости и согласно методичному и детально обдуманному плану. Однако, ввиду того, что эта линия укрѣплений, какъ она построена по направленію, не могла служить цѣлямъ мадьяръ, то естественно, что она была возведена государствомъ Велико-Моравскимъ. Поэтому не безъ причины ея созданіе приписывается Святополку.

Разсматривая расположеніе укрѣпленной линии государства Велико-Моравскаго, которая все время оставалась по теченію рѣки Гроны, и мадьярскую пограничную линію, мы должны придти только къ тому заключенію, что и во время царствованія Болеслава Жестокаго его государство не выходило изъ этихъ рамокъ дальше къ востоку, въ противномъ случаѣ было бы совершенно другое расположеніе укрѣплений и не совпадало бы именно съ линіей Грона.

Поэтому ясно, что историческая Карпатская Русь въ своей первобытности распространялась: на югѣ по линіи Быстрица—Дунай, а на западѣ ея предѣлы ограничивались рѣкою Грономъ.

Территорія, входившая въ эти границы, была русской до тѣхъ поръ, пока ею не завладѣли мадьяры. До конца XI столѣтія она входила въ общее русское управленіе, а послѣ того, какъ на Руси появились удѣльныя княжества, она стала частью Червонной или Карпатской Руси и какъ таковая существовала до первой половины XIV столѣтія. До 1198 года ею правили Ростиславичи,¹ а съ этого года и до конца — Романовичи.²

Въ ту пору Карпатская Русь играла значительную роль, являясь посредникомъ между славянскимъ православнымъ сѣверомъ и югомъ, такъ какъ территорія нынѣшней румын-

¹ Володаръ (1090—1125), Ростиславъ (1125—1126), Владимиръ (1126—1153), Ярославъ (1153—1187), Владимиръ II (1187—1198).

² Романъ (1198—1205), Даниль (1205—1266), Сварно (1266—1270), Левъ I. (1270—1301), Георгій I. (1301—1308), Владимиръ, Андрей и Левъ II. (1308—1324), Болеславъ (1324—1340).

ской равнины была занята различными кочующими народами, какъ печенѣги, куны и др. Здѣсь народились наиболѣе древніе памятники русской культуры въ Карпатахъ, какъ Реймское Евангеліе, Повѣсть объ убіеніи Батыя и такъ называемая Волинская лѣтопись. Изъ нихъ наиболѣе занимательной является Волинская лѣтопись, составитель которой былъ современникомъ карпаторусскаго князя Романа и мадьярскаго короля Бѣлы IV. Составитель этой лѣтописи сознается, что онъ пользовался, какъ матеріаломъ, мадьярскими лѣтописями и мадьярскими оффиціальными данными, приводитъ въ текстѣ мадьярскія пословицы, но употребляетъ и такія выраженія, которыя обычны и нынѣ языку русскихъ подъ Карпатами; слѣдовательно онъ кромѣ русскаго, зналъ языки мадьярскій и латинскій. Онъ подробно рассказываетъ о вмѣшательствѣ мадьярскихъ королей Бѣлы III., Андрея II. и Бѣлы IV. въ карпаторусскія дѣла. Знаетъ онъ мадьярскихъ вождей не только по именамъ, но даже и ихъ личныя качества. Отношеніе его къ мадьярамъ недружелюбное. Видно, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ кругамъ, которые судьбу карпаторуссовъ принимали близко къ сердцу и что онъ долженъ былъ быть мѣстнымъ уроженцемъ, знакомый съ обстоятельствами этого края, а также и съ главными его дѣятелями. Интересно, что онъ въ своей лѣтописи приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ Илліады, что служитъ явнымъ доказательствомъ того факта, что наши предки уже тогда читали Гомера, въ то время какъ западъ еще и не зналъ о его существованіи. Нужно было дождаться развала Византіи, чтобы съ бѣгствомъ греческой культуры освѣжилась своя и породила ренессансъ.¹

Изъ среды удѣльныхъ князей особенно прославились: *Василько*, который мечталъ о завоеваніи Польши и о походахъ противъ болгаръ и половцевъ и *Ярославъ Осмомысль*, память о которомъ увѣковѣчена въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Послѣднимъ княземъ Карпатской Руси былъ Болеславъ, послѣ смерти котораго, происшедшей 7 апрѣля 1340 года, народъ остался безъ предводителя. Это обстоятельство, а также и періодическіе опустошительные набѣги татаръ, которымъ подвергалась и Карпатская Русь, облегчало положеніе непріятелей.

¹ Ср. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, Петроградъ 1871; Иконниковъ: Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ 1908.

Памятники исторической правды.

Хотя Карпатская Русь, вслѣдствіе шестисотлѣтняго на-
силія, внѣшне и утратила свой русскій офиціальный харак-
теръ, но внутренно не перестала быть русской. Русская она
и нынѣ, только внѣшность носить чужую.

Кто изслѣдовалъ дѣло, тому хорошо извѣстно, что на-
звание Slováк появилось только въ XV. столѣтіи. Матвѣй
Бель о Slovenskej náciі упоминаетъ впервые въ XVII. столѣтіи,
а слово Slovensko появляется въ первый разъ только у Добров-
скаго, слѣдовательно съ XIX. столѣтія.¹ Название Slovenskej
náciі, а также и ея зарожденіе слѣдуетъ разсматривать не
какъ результатъ славянской эволюціи, а просто какъ плодъ
мадьярской политики, направленной на расчлененіе того-же
самого историческаго славянскаго этноса на двѣ части. Это
началось въ то время, когда мадьяры захватили въ свои
руки территорію сѣверо-западной области, когда то назы-
вавшуюся provincia Vagi.

Если бы отвѣчало правдѣ утвержденіе, какъ объ этомъ
пишутъ, якобы **русскіе въ сѣверо-восточную об-
ласть Карпатъ попали какъ колонисты, а словаки не
только „velmi záhy pronikli na Východ“, но уже издавна
рѣка Топля являлась границею „mezi ruskou a slovenskou
kolonizací“ и даже „od XII. stol. Slováci rýchle postupovali do
oblasti ruské“, то естественно, что никакъ невозможно было
бы допустить, чтобы русская народность подъ Карпатами
уцѣлѣла и до нашего времени. Не могла бы она уцѣлѣть
подъ двойнымъ напоромъ: со стороны мадьярской государ-
ственности и съ другой — со стороны латинской церкви.**

¹ A. Pražák: Dejiny spisovné slovenštiny v Praze 1922, V. Chaloupecký,
Staré Slovensko, Bratislava 1923, Fr. Trávníček: O českém jazyce, Praha 1924.

То обстоятельство, что русскій народъ уцѣлѣлъ до нынѣшняго времени и не только по Тополю, но и на западъ отъ нея, даже по самыя Татры, явно указываетъ, что и прошлое русскаго народа было инымъ, нежели это описываетъ теорія колонизаціи.

Однако, изъ самой сущности дѣла слѣдуетъ, что если бы словаки такъ энергично нѣкогда распространялись бы на востокъ, то ихъ вліяніе должно было бы оставить какіе либо замѣтные слѣды въ средѣ того народа и той мѣстности, въ которой они распространялись.

Но что оказывается въ дѣйствительности?

Тотъ, кто прослѣдитъ сѣверо-восточную область Карпатъ и изучитъ ея славянскій этносъ, не можетъ не замѣтить, что въ этой округѣ восточная и западная части имѣютъ различныя вліянія. Это настолько явно, что тотчасъ же бросается въ глаза. Даже преданія являются совершенно различными.

Въ качествѣ границы этихъ двухъ частей служить горная цѣпь: Татры — Кралева гора — Вепоръ, которая одновременно является и естественной чертой раздѣла. Отсюда и рѣки растекаются въ различныя стороны: однѣ на востокъ, другія на западъ.

Самымъ важнѣйшимъ признакомъ культурно-этническаго раздѣла является языкъ.

Какъ только мы перейдемъ Татры, тотчасъ же замѣтимъ, что языкъ западной части и восточной различается весьма существенно. Западно-словацкій языкъ восточные словаки понимаютъ только съ затрудненіемъ, а издаваемые урядами всякаго рода *Ohlas-ы*, *Nariadeni-я*, *Urozorneni-я*, народъ читаетъ съ трудомъ и не только не понимаетъ хорошо ихъ содержанія, но и къ словамъ относится такъ странно, какъ будто они написаны по мадьярски или по нѣмецки. Разница между двумя языковыми діалектами такъ велика, что невольно кажется, что щербская вершина отрѣзала одинъ отъ другого.

Достаточно присмотрѣться къ населенію пограничныхъ жупъ Спишской и Липтовской, чтобы тотчасъ же отмѣтить справедливость нашего утвержденія. Кто былъ въ Лучивнѣ, Нижней и Вышней Шунявѣ, Кубахѣ, Кравянахѣ, Викатровцахѣ, Теплицахѣ и т. д., кто разговаривалъ съ народомъ, тотъ сразу замѣтитъ, что языкъ здѣсь совсѣмъ иной, чѣмъ

въ липтовской жупѣ, несмотря на то, что діалекты находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ и только щербскій гребень отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга.

Прежде всего изслѣдователь обратитъ вниманіе на слогуудареніе, уже на слухъ каждый убѣдится въ коренномъ различіи этихъ діалектовъ. На западѣ „*má zpravidla každé slovo jeden prízvuk hlavný, a to na prvej slabike, na pr. voda, škola, učiteľ, viditeľný, atď...* Slová, ktoré majú viac než tri slabiky, majú mimo hlavného prízvuku na prvej slabike ešte vedľajší prízvuk na slabikách lichých (neparných): *tretej a piatej, ba niekedy až na slabike štvrtej od počiatku, na pr. učiteľstvo, vysokomyseľný atď*“¹ На востокѣ напротивъ, удареніе приспосаблиется къ карпаторусскому нарѣчію, которое съ начала представляетъ нѣкую мѣшанину, русскаго и польскаго, а потомъ чѣмъ дальше на востокъ, берутъ верхъ исключительно правила русскаго языка.

Значительная разница наблюдается и въ фонетикѣ. Напр. тамъ, гдѣ западный словакъ употребляетъ форму д и т, на востокѣ произносится вмѣсто д и т — дз, тз или ц, иногда вмѣсто т имѣемъ ч, вмѣсто іе просто и или ей, вмѣсто а — е.

Въ то время какъ западный словакъ вообще любитъ скопленіе согласныхъ, народный языкъ по другую сторону Татръ вовсе не терпитъ этого явленія. Такъ напр., въ западно-словацкомъ мы имѣемъ: *prsten* (перстень), *krv* (кровь), *vrch* (верхъ) и въ то время какъ эти скопленія согласныхъ встрѣчаются здѣсь весьма часто, на востокѣ въ данныхъ примѣрахъ говорится: *persteň, krev, verch*.

Западные словаки имѣютъ форму указательнаго мѣстоимѣнія въ формѣ *tento — tato — toto, onen — ona — ono*, на востокѣ — *toten — tota — toto, tamten — tamta — toto*. Вспомогательный глаголъ быть на западѣ *byť*, въ такъ называемомъ восточномъ словацкомъ нарѣчій *bic*; эта форма въ модѣ и по нѣкоторымъ карпаторусскимъ областямъ, особенно на Спишѣ, около Попрада. Примѣтимъ, что въ сослагательномъ наклоненіи, на западѣ говорится: **bol, bola, by**, на востокѣ, въ восточномъ словацкомъ нарѣчій: **bul, bula, bym**, въ карпаторусскомъ: **быль, была, бымъ**. Есть различіе и въ употребленіи предложнаго падежа: западный словакъ говорить: *na poli*, а восточный *na roľu*, какъ говорить и карпатороссъ.

¹ Ján Damborský: Slovenská mluvnica so zvláštnym zreteľom na pravopis, Nitra 1921, ст. 7.

Такова разница замѣчается въ нарѣчіяхъ уже на первый слухъ.

Наоборотъ, не безъ интереса должны подчеркнуть, что въ чемъ такъ называемый восточный словакизмъ отличается отъ западнаго словацкаго языка, именно какъ разъ въ этомъ сходится болѣе или менѣе съ карпаторусскимъ. Въ послѣднихъ разница относится исключительно къ буквамъ д и т, вмѣсто которыхъ въ восточномъ словацкомъ языкѣ употребляется форма дз, тз или ц. Правда, встрѣчается разница и въ формѣ указательнаго мѣстоимѣнія, именно: въ восточномъ словакизмѣ употребляется форма *toten* — *tota* — *toto*, въ русскомъ же говорится **тотъ**, **та**, **то**, но уже относительно дальнѣйшаго указанія, то и карпатороссы пользуются формой: тамтотъ, тамта, тото.

А эту разницу относительно запада, а вмѣстѣ съ тѣмъ сходство восточнаго словакизма съ карпаторусскимъ нарѣчіемъ еще болѣе рельефно представить ихъ словарь.

Кто изслѣдуетъ словарь такъ называемаго восточнаго словацкаго нарѣчія, тотъ сразу же замѣтитъ, что на него сильное вліяніе оказалъ нѣмецкій языкъ, какъ не избѣжали его ни западный словакъ, ни чехъ. Однако вліяніе нѣмецкаго языка на востокъ просто поразительно.

Замѣчая это, относительно вліянія нѣмецкаго языка на указаннныя нарѣчія, мы не безъ странности находимъ другіе признаки, по которымъ выходитъ, что:

а) вліяніе германизма, какъ на восточный словацкій языкъ, такъ и на карпаторусскій, совершенно во всемъ совпадаетъ;

б) славянскіе синонимы, насколько германизмъ ихъ совершенно не искоренилъ, взяты въ восточный словакизмъ съ русскаго языка, а не съ западнаго словацкаго. Тѣ же слова, которыми пользуется западъ, на востокъ почти неизвѣстны.

Чтобы убѣдиться въ правдивости нашего утвержденія, приведемъ цѣлый рядъ словъ, расположивъ такимъ образомъ: въ первомъ столбцѣ помѣстимъ слова въ той формѣ, въ которой употребляются какъ въ восточнословацкомъ нарѣчіи, такъ и въ карпаторусскомъ, во второмъ столбцѣ ихъ нѣмецкое происхожденіе и въ третьемъ и четвертомъ столбцахъ — точные русскіе и западнословацкіе синонимы.

Biglajz — биглайзъ	Das Bügeleisen	утюгъ	železko, piglajzeň
biglovac — бигльовати	bügeln	утюжить	hladif, piglovaf
biflovac — бильдовати	bilden	образовать, наставлять	vzdelaf, vycvičif
bildung — бильдунгъ	Die Bildung	образование, просвѣ- щеніе, наставленіе	vzdelávanie, vzdelá- nosť, cvičenie
bralta — бралта	Die Braut	невѣста	mladuška
bruslik — брусликъ	Das Brustleiblich	камзолъ	vesta
burgar — бургаръ	Der Bürger	гражданинъ, помощ- никъ старосты	občan, mešťan
Cachy — цахи	Die Zieche	наволочка	svliečka, ciha
cvak — цвакъ	Der Zweck	гвоздь	klincec
cverna — цвирна	Das Zwirn	нитка	cverna
cimerman — цимерманъ	Der Zimmermann	плотникъ, строитель дома	tesár, staviteľský majster
cimra — цимра	Das Zimmer	изба, хижка, покой, комната	izba, chyža, svet- lica
col — цоль	Der Zoll	дюймъ, мыто, пошлина	col, clo, mýto
cugel — цугель	Die Zügel	поводъ	liaca, úzda
cuker — цукеръ	Der Zucker	сахаръ	cukor
curokovac — цурукovati	zurückweichen	отступать, отходить	ustupovat, usta- hovat sa
Dach — дахъ	Die Dach	крыша	strecha, krov
deka — дека	Die Decke	покрывало	prikrývadlo
drot — дротъ	Der Draht	провода	drót
drukovac — друковати	drucken	печатать	tlačif
dife — дыли	Das Gediele	поль	dlážka
Fainy — файный	fein	нѣжный, хорошій, соотвѣтный	jemný, nežný
fana — фана	Die Fahne	хоругвь, застава, прапоръ	zástava
fara — фара	Die Pfarre	приходъ, приход- скій домъ	fara
fartuch — фартухъ	Das Vortuch	передникъ	zástera, fertucha
ferslog — фершлогъ	Der Verschlag	ларь	truhla, kistňa
filce — филцы	Der Filz	войлокъ	plst
firhang — фиргангъ	Der Vorhang	завѣса, занавѣсъ	opona, záclona
flek — флекъ	Der Fleck	лоскутъ, заплатка	flak, špina
fľaška — фляшка	Die Flasche	бутылка, склянка	sklenica
foršner — форшнеръ	Der Förster	лѣсничій	polesný
foršpan — форшпанъ	Der Vorspann	подвода	predpinok, zápraž
foršta — форшта	Die Pforste	пластина	dlážka
forštovac — форштовати		мостить поль	dláždit
foršus — форшусъ	Der Vorschuss	задатокъ	preddayok
frair — фрайръ	Der Freier	любовникъ	milenec
frairka — фрайрка		любовница	milenska
frištik — фрыштыкъ	Das Frühstück	завтракъ	raňajky
fura — фура	Die Fuhrе	повозка, возъ	voz
furman — фурманъ	Der Fuhrmann	извозчикъ, повозникъ	furman
Galgan — галганъ	Der Galgenvogel	бездѣльникъ	darebák, lotor,
	Galgenstrick		naničhodný

gatunek — гатунокъ	Die Gattung	родъ, качество	pôvod, jakost
gerok — герокъ	Der Gehrock	мужское платье	kabát
gersle — гершли	Die Gerste	ячменные крупы	lohaza, krúpy
gmina — гмина	Die Gemeinde	община, село	obec
graty — граты	Das Gerät	посуда, приборъ	kuchyňský riad
grunt — грунтъ	Der Grund	земля, почва, до- мовая площадь	grunt
gvint — гвинтъ	Das Gewinde	смыкъ, шалнеръ	stežaj
Hamre — гамры	Der Hammer	железные копальни	hámre
handlar — гандляръ	Der Händler	торговецъ, купецъ	obchodník
hevtovac — гефтовати	heften	усилить, прикрѣпить	posilnit, upevnit
heklovac — гекловати	häkeln	защиплять, задѣвать	háčkovat
hobel — гобель	Der Hobel	стругъ, скобель	hoblik
Jager — ягеръ	Der Jäger	ловець, охотникъ, стрѣлецъ	lovec
Kanov — кановъ	Die Kanne	кружка	konvica
kasta — каста	Die Kiste	ящикъ, скрыня	skryňa, kastňa
klinka — клянка	Die Klinke	защелка, захлопка	
knar — кнапъ	knapp	именно	práve
koperta — коперта	Das Kuvert	конвертъ, обвертка	obálka
košt — коштъ	Die Kost	покормъ	chovanie, živenie
kšeft — кшефтъ	Das Geschäft	дѣло, торгъ	obchod
kumšt — кумштъ	Die Kunst	искусство	kunšt
kumštovný — кумштовный	künstlich	искусственный	kunštovný
Ladovac — ладовати	laden	накладывать	nakladat
lajblik — лайбликъ	leiblich	камзолъ	lajblik
lajsňa — лайсня	Die Leiste	планка	lata
lata — лата	Die Latte	планочка	lata
licitacia — лицитація	Die Lizitations	публичная продажа	dražba
licitovac — лицитовати	lizitieren	продать съ пуб- личнаго торга	dražbit
lager — лагеръ	Die Lager	магазинъ, таборъ	sklad, magazin
larma — лярма	Der Lärm	крикъ, шумъ	krik, hluk
larmovac — лярмовати	lärmern	кричать, шумъ дѣлать	krik robít
loch — лохъ	Das Loch	дыра пивницы, погребъ	gádor
Mangel — мангель	Die Mangle	катокъ	mangla, mangľovňa
mangľovac — мангльовати	mangeln	кататься на каткѣ	mangľovat
mordar — мордаръ	mörder	жестокій, убійца, мучитель	utlačovateľ
mordovac — мордовати	morden	мучить	utlácať, trápiť
Orčik — орчикъ	Das Ortscheit	присяжь	poboček
Paket — пакетъ	Das Packet	связка	balík
pakovac — паковати	packen	укладывать, связывать	pakovať, zakrú- cať, zabalit
pakunek — паунокъ	Die Packung	связка	balíček
pantlika — пантлика	Das Band	лента, тесьма	stužka
pasovac, pasirovac — па- совати	passen, passieren	годиться, при- стойнымъ быть	dobre mu stojí

pučer — пуцеръ	Der Putzer	уборщикъ	čistitel
pučovac — пуцовати	putzen	чистить, убирать	čistiť
Rabovac — рабовати	rauben	грабить, похищать	rabovať, zbijaf
rachovac — раховати	rechnen	считать	rátaf, počťovať
rachunek — рахунокъ	Die Rechnung	счисление, счетъ	počťovanie, rátanie, účet
raibac — райбати	reiben	мыть, стирать	dať prať
raibaňe — райбаня	Das Reibung	стирка, мытье	umývanie, prádlo
raibačka — райбачка		прачка	práčka
raitovac — райтовати	reiten	ѣздить верхомъ	jazdiť
renta — рента	Die Rente	польза, проценты, доходы	osoh, užitok, zisk
richtar — рыхтаръ	Der Richter	староста	rychtár
rinek — рынокъ	Der Ring	центъ, середина города, торгъ	prostriedok, rý- nok, trh
rura — рура	Das Rohr	труба, трубка	cieva, rura
Šafel — шафель	Das Schaffel	посудина	dieža
šafolka — шафолка	Das Schafwohl- tuch	шелковистый платокъ	šatka podobajú- ca sa hodvábu
šalka — шалка	Die Schale	чашка	šialka
šenk — шенкъ	Der Schenk	кабакъ	šenk
šiba — шибя	Die Scheibe	оконное стекло	okenica, sklená tabla
šikovac — шиковати	schicken	засылать, посылать,	zasielať
šikovný — шиковный	schicklich	пристойный, ловкій	obratný, šikovný
šingel — шингель	Der Schindel	гонть	šindel
šlajfovac — шлайфовати	schleifen	брусить, гладить	brúsiť
šlog — шльогъ	Der Schlag	рубанокъ	seč, rúbaňa
šmalec — шмалець	Das Schmalz	масло, топленное свинное сало	masť, sadlo
šmitňa — шмытня	Die Schmiede	кузница	šmikňa, vyhňa
šnuptichla — шнуптихля	Das Schnupfen- tuch	платокъ носовой	vreckový ručník
šopa — шопя	Der Scheppen	сарай	šopa, kôlna
špacirka — шпацирка	Der Spaziergang	прогулка	prechádzka
špacirovac — шпацировати	spazieren	прогуливаться	prechádzať sa
špagat — шпагать	Der Spagat	шнурочекъ, тон- кая веревочка	motúz, špagát
špaiz — шпайзь	Die Speize	комора	komora
šparchet — шпархеть	Die Sparherd	очагъ, плита	sporák
šparkassa — шпаркасса	Die Sparkasse	сберегательная касса	sporiteľňa
špas — шпась	Der Spass	шутка, жартъ	žart
špic — спиць	Die Spitze	конецъ, кончикъ, верхъ	končiar, vrchol, roh
špigel — шпигель	Der Spiegel	зеркало	zrkadlo
šporovac — шпоровати	sparen	беречь, копить	sporiť
špulka — шпулька	Die Spule	веретено, мотовило	vreteno
šraiptiš — шпрайптишъ	Der Schreibtisch	письменный столъ	písací stôl
šruba — шруба	Die Schraube	винтъ	šrauba, skrutka
štanga — штанга	Die Stange	коль, жердь, тычина	kôl, zrd
štof — штофъ	Der Stoff	сукно	sukno, látka
štrang — штрангъ	Der Strang	веревка, постромка	štranok, povraz

štrikovac — штриковати	stricken	вязать	viazaf, pliesť
štrikovaňe — штрикованя	Das Stricken	вязаніе	pletenie, štrikovanie
štrimfle — штримфли	Der Strumpf	чулокъ	punčocha
štrof — штрофъ	Die Strafe	кара, наказаніе	trest, trestanie
štrofac — штрофати	strafen	каратъ, наказатъ	trestáf
štrumpadla — штрумпадля	Das Strumpfband	подвязка	podvázok, punčochár
štružlak — штружлякъ	Der Strohsack	соломянникъ	slamník, strožiak
šuch — шухъ	Die Schuh	мѣра одной подошвы	na podošvu
šuflada — шуфлада	Die Schublade	ящичекъ	fijok, zásuvka
šupa — шупа	Die Schuppe	чешуя, шелуха	kóra, škrupina, luština, kožka
šurc — шурць	Der Schurz	передникъ	zástera
švegerina — швегерина	Die Schwägerin	своячина	švoğrina
švoğer — швогерь	Der Schwager	шуринъ	švoğer
švung — швунгъ	Der Schwung	качаніе, маханіе, полетъ	vzlet, povznesenie
Tragar — трагаръ	Der Trager, Tragbalken	главная балка	hlavný trám, priečna hrada
turna — турня	Der Thurm	башня, колокольня	veža
Vachtar — вахтаръ	Der Wächter	сторожъ, будочникъ	nočný strážnik, hlásnik
varštat — варштатъ	Die Werkstatt	мастерская	dielňa
vartovac — вартовати	werten	сторожить	byť, stáť na stráži
vaservaha — васервага	Die Wasserwage	ватерпасъ	vodomer
verkzaig — верцайгъ	Das Werkzeug	орудіе, инструментъ	nástroj
viňcovac — винчовати	wünschen	желать	priať
vinkel — винкель	Der Winkel	наугольникъ	stežaj
Zafartovac — зафартовати	fort	сильно укрѣпить	posilniť, upovníť
zaf — зафть	Der Saft	сокъ	šťava, vlhkosť
zapasaf sa — запасатися	einpassen	стиснутыя, стискаться	stisknuť sa, súžiť sa
židel — жидель	Das Seidel	кружка на масло	pol hoľba, žaidlík

Вышеприведенныя 153 слова содержать въ себѣ почти все то, что германизмъ оставилъ въ словарѣ славянства сѣверо-восточной территоріи Карпаты.

Кто захочетъ серьезно разбирать и сравнивать приведенныя слова, не можетъ не увидѣть, что:

1. изъ этихъ 153 германскихъ словъ на западѣ употребляются только 38, однако и изъ нихъ 15 словъ имѣютъ собственный славянскій синонимъ. такъ что въ дѣйствительности тамъ приняты лишь 15 словъ;

2. изъ славянскихъ синонимовъ, употребляемыхъ на западѣ, въ такъ называемомъ восточномъ словакизмѣ 75 вообще неизвѣстны, а остальные на столько, на сколько они находятся и въ русскомъ словарѣ.

Въ восточно-словацкомъ словарѣ неизвѣстны слѣдующіе синонимы: želiezko, vzdelať, vzdelanie, cvičiť, cvičenie, vesta, dielňa, vodomer, hlásnik, priať, hačkovať, kuchyňský riad, krov, tlačiť, dlážka, štáva, konvica, obálka, dražba, dražbiť, gádor, balik,

zabalíť, balíček, stužka, zbijať, prádlo, jazdiť, rátať, počtovať, počtovanie, rátanie, cieva, prostriedok, vzlet, povznesenie, okenica, obratný, seč, vyhňa, vreckový ručník, kôľňa, prechádzka, prechádzaf, končiar, vrchol, drhnúť kôľ, žrd. punčocha, punčochár, kôra, luština, kožka, zástera, zásuvka, trám, brada, veža, jemný, truhla, opona, záclona, špina, polesný, stežaj, zápraž, dlážka, dlážif, raňajky, svliečka, tesár, liaca, úzda, lohaza, dieža, osov, plsf.

Для дополненія приведемъ еще слѣдующія слова:

На западѣ	На востокѣ	На западѣ	На востокѣ
въ словац.	въ русскомъ	въ словац.	въ русскомъ
jazvec	borsuk	cesta	draha
brav	veper	nehoda	nešťesce
sud	bečka	sliedka	kura
nátlak	cisk	naschvál	narokom
zázrak-div	čudo	ľacný	tuňij
šuhaj	parobek	nadája	dojči
kladivo	mľatek	omdle	zomgle
oje-ojce	dysel	mžika	džmurka
handra	renta	kvasnice	droždie
huspenina	studenina	mašica	oprašanka
krabica	škátula		

и т. д.

Часто одинъ и тотъ же звуковой комплексъ имѣетъ совершенно разное значеніе: слово statek, въ русскомъ статокъ, на востокѣ скотъ, а на западѣ — земля; глаголь sporiť, — спорить на востокѣ означаетъ vadíť sa, пока на западѣ собирать и т. д.

Принявъ во вниманіе вліяніе германизма, нельзя не указать на вліяніе и полонизма, хотя оно сравнительно слабѣе. Но все-таки его присутствіе въ сѣверо-восточной территоріи Карпатъ несомнѣнно.

Первымъ признакомъ этого полонизма явится употребленіе вмѣсто д и т — дз и тз или ц. иногда вмѣсто т имѣемъ ч. Поэтому всѣ глаголы въ такъ называемомъ восточномъ словацкомъ нарѣчій оканчиваются на ц. И говорится:

На востокѣ	Въ польскомъ	На западѣ
въ словац. языкѣ	въ русскомъ языкѣ	языкѣ
hodzina	ходина — часъ	godzina
dzeň	день	dzieň
dzecko	дѣтя	dziecie
dzivče	дѣвушка, дѣвчина	dziewcze
ceškij	тяжкій	cieszki
		fažký

также: hodzic, písac, obracac, dzvihac, vidzic, buric и т. д.

Полонизмъ имѣется и въ указательномъ мѣстоимѣніи

въ мужскомъ и женскомъ родахъ: *tamten, tamta*, однако уже не *tanto*, но *toto*. Подобно этому употребляется и въ карпато-русскомъ языкѣ.

Польское вліяніе есть и въ сослагательномъ наклоненіи въ употребленіи формы: *był — була — **буь**, былъ — была — **бымъ***. Полякъ говоритъ: *był буь, була буь*.

Однако усвоились и нѣкоторыя слова. И не безъ интереса, что именно тѣ слова вошли въ такъ называемое восточное словацкое нарѣчіе, которыя находимъ и въ карпато-русскомъ словарѣ.

Для лучшаго пересмотра приведемъ и здѣсь: впервыхъ самое слово въ той формѣ, въ которой употребляется, затѣмъ покажемъ на польскій оригиналъ, а въ концѣ представимъ точныя русскіе и словацкіе синонимы.

На востокѣ	Польскій	Русскій	На западѣ
<i>barz</i> — барзь	<i>bardzo, bardziej</i>	очень, весьма	<i>veľmi, viacej</i>
<i>bridyk</i> — брыдкій	<i>brzydki</i>	гнусный, скверный	<i>škaredy</i>
<i>bridkost</i> — брыдкость	<i>brzydkosc</i>	гнусность, скверность	<i>škarednost</i>
<i>brud</i> — брудъ	<i>brud</i>	грязь	<i>špina</i>
<i>brudny</i> — брудный	<i>brudny</i>	грязный	<i>špinavý</i>
<i>dziad</i> — дзядь	<i>dziad</i>	нищій	<i>žebak</i>
<i>džadovac</i> — дзядовать	<i>dziadować</i>	просить милостыню, нищенствовать	<i>žebrať</i>
<i>drabina</i> — драбина	<i>drabina</i>	лѣстница	<i>rebrik</i>
<i>duškem</i> — душкомъ	<i>duszkіem</i>	сейчасъ	<i>hneď</i>
<i>gęmba</i> — гамба	<i>geba</i>	ротъ, уста	<i>ústa, huba</i>
<i>ganeк</i> — ганокъ	<i>gánek</i>	балконъ, корридоръ	<i>chodba</i>
<i>garbar</i> — гарбаръ	<i>garbarz</i>	кожевникъ	<i>kušnier</i>
<i>hardý</i> — гардый	<i>hardý</i>	пригожій, лѣпный	<i>pekny</i>
<i>hrobak</i> — гробакъ	<i>robak</i>	червь	<i>červ</i>
<i>kapeluch</i> — капелюхъ	<i>kapelusz</i>	шляпа	<i>klobúk, širák</i>
<i>kešeň</i> — кешеня	<i>kiészén</i>	карманъ	<i>kapsa, vrecko</i>
<i>ptach</i> — птахъ	<i>ptak</i>	птица	<i>vták</i>
<i>pulka</i> — пулька	<i>pulka</i>	индѣйскій пѣтухъ, индѣйка	<i>morka</i>
<i>raptem</i> — раптомъ	<i>raptem</i>	тотчасъ	<i>hneď, naskutku</i>
<i>cos, coska</i> — чтось, чтоска	<i>cos</i>	нѣчто	<i>volačo, niečo</i>

Изъ этихъ польскихъ словъ на западѣ не вошло ни одно въ употребленіе. Западъ имѣетъ свои собственныя слова, но ихъ синонимы вообще неизвѣстны на востокѣ: *veľmi, špina, špinavý, huba, chodba, širák, kapsa, vrecko, vták, morka, naskutku, volačo*. Болѣе извѣстны ихъ русскіе синонимы.

Прибавимъ къ тому, что изслѣдователь эту разницу замѣтитъ сейчасъ же, а не только на сѣверѣ, слѣдовательно при переходѣ щербской вершины, но и на югѣ, по всей линіи Татры — Вепоръ, слѣдовательно до этническаго пере-

хода къ мадырамъ. Достаточно указать хотя бы на область Матры, гдѣ молодое поколѣніе вообще принимаетъ уже мадыарскій языкъ. Но если говорить по славянски, то не на западно-словацкомъ нарѣчїи, а на какомъ то мѣшаномъ съ заимствованїями изъ мадыарскаго, которыя, однако, быстро исчезаютъ въ направленїи къ востоку. Примѣрами этого смѣшаннаго говора могутъ служить села: Markaz, Domoszló, Sz. Mari, Nápa и т. д. Слушая ихъ разговоръ, польскій изслѣдователь примѣтилъ: это вообще не словацкїй языкъ, но какой то испорченный польско-русскїй жаргонъ.¹

Явно потому, что вообще нельзя допустить, чтобы словаки „velmi záhy pronikli na Východ“, и на столь, что уже издавна рѣка Топля явилась границею „mezi ruskou a slovenskou kolonizací“, и якобы „od XII. stol. Slováci rychle postupovali do oblasti ruské“ дальше къ востоку.

Напротивъ, именно самъ словарь наилучше доказываетъ, что словаки не только, что не „velmi záhy pronikli na Východ“, но вообще не „pronikli“ сюда. Вѣдь, если опустить германизмы и полонизмы, то въ остальномъ такъ называемый восточно-словацкїй языкъ совпадаетъ полностью съ русскимъ словаремъ. Слѣдовательно, если бы допустить, что русскіе подъ Карпатами были пришельцами и что ихъ словаки уже отъ XII столѣтія отъ Топли атаковали и, больше того, что словаки „rychle postupovali do oblasti ruské“, то тогда явилось бы просто непонятнымъ, почему же словаки отъ Татровъ начиная и дальше къ востоку потеряли совершенно свой западный цвѣтъ и полностью слились съ русскостью и именно въ то время, когда противъ русскости работали и администрація и латинская церковь на пользу словакизма?

Вся испорченность такъ называемаго восточно-словацкаго нарѣчїя есть плодъ работы администраціи и латинской церкви. Это еще не западъ, лишь замазка запада, приведенная во вредъ русскости. Если изъ него выбросить все наносное, то получимъ въ чистотѣ русскїй языкъ.

Должны замѣтить, что первыми испорченность въ это нарѣчїе внесли не словаки и не чехи, а поляки въ лицѣ своихъ ксендзовъ. На это ясно указываетъ уже самъ языкъ. Но это видно и изъ историческихъ событїй: вѣдь чехословакизмъ былъ дѣтищемъ глаголицы, пока полонизмъ развился исключительно на римской груди.

¹ Ср. Hanák Kolos: Mátravidék, Kárpátgyesület évk. 1888, ст. 130.

Прибавимъ, что отъ Татръ на востокъ словаки считаются не автохтонами, а пришельцами. Отвѣчало бы то правдѣ и они бы такъ „guchle postupovali“, что русскости уже отъ XII столѣтія, начиная отъ Топли, препятствовали, то они должны были быть въ большомъ количествѣ. Но исторія пока знаетъ о переселеніи сюда иныхъ народовъ, однако вообще ничего не знаетъ о приходѣ словаковъ. Западнымъ селеніямъ измѣнять уже ихъ названія. Вѣдь они назвались леготами, или уменьшительно леготками, что происходитъ отъ имени прилагательнаго слова *legkij* — свободный отъ даней. По всей территоріи Верховины находимъ 54 леготы или леготки, но интересно, что ни одна изъ нихъ не попадаетъ дальше на востокъ отъ линіи Татры-Кралева гора. Съ послѣдними изъ нихъ встрѣтимся въ гемерской жупѣ, гдѣ находится пять леготъ. А такъ какъ въ чехословацкомъ языкѣ буква **g** перемѣнилась въ **h** только въ продолженіе XIII столѣтія, то естественно, что эти леготы-леготки должны были основаться уже позже того. Первая изъ гемерскихъ леготъ: Kóbánya-Lehota появится въ грамотахъ только въ 1413 г.¹ Если бы то было иначе, тогда бы мадыарскій языкъ принялъ бы эти названія съ буквою **g**, а не **h**.

Конечно, остались здѣсь нѣкоторые изъ чеховъ отъ временъ гуситизма, но они были единицами, а не массой, потому что массы гуситовъ уничтожили постоянныя войны.

Не было здѣсь переселенцевъ въ большомъ количествѣ съ запада и позже. Въ противномъ случаѣ они оставили бы о себѣ достаточное число памятниковъ и народныхъ преданія, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Конечно, обыкновенные переселенцы, какъ и вездѣ, были, однако и о такихъ въ семи случаяхъ сохранилась свидѣтельства. Именно переселенцы появились :

въ *Гемерской жупѣ*: изъ Оравы въ Дробско,² изъ Липтова въ Гочалтовъ,³ изъ Липтова въ Грушово,⁴ изъ Зволена въ Пилу,⁵ изъ новгородской ж. въ Томашовцы,⁶

въ *Абауйской жупѣ*: изъ Оравы въ Ковачвадашъ,⁷ изъ Оравы въ Шомпатакъ.⁸

Однако и это переселеніе совершилось уже въ болѣе позднѣе время. О большомъ же количествѣ переселенцевъ съ запада должно было сохраниться и больше слѣдовъ.

¹ Csánki D.: Magyarország tört. földrajza a Hunyadiak korában, Budapest 1890, I. 140.

² Prof. Petrov: Sborník Fr. Pestyho z r. 1864—5, v Praze 1927, ст. 36.

³ Т. с. ⁴ Т. с. 34. ⁵ Т. с. 37. ⁶ Т. с. 41. ⁷ Т. с. 3. ⁸ Т. с. 4.

Такъ называемаго восточно-словацкаго языка въ дѣйствительности не существуетъ, тотъ же, который принято называть этимъ именемъ, представляетъ изъ себя ничто иное, какъ *испорченный русскій языкъ*. Въ направленіи къ сѣверу и сѣверовостоку онъ все болѣе приближается къ русскому, а за границую Карпатъ вливается въ общее русское море. Часть славянъ, живущая на восточной части сѣверной Верховины, является простымъ продолженіемъ этого русскаго моря, его южнымъ заливомъ. Поэтому и географическую номенклатуру этой территоріи можно изложить исключительно съ помощью русскаго словаря.

Второй существенный признакъ отличія относится къ **вѣроисповѣданію**.

Напрасно искать на западѣ села съ восточнымъ обрядомъ, но какъ только мы перейдемъ черезъ Щербу, появляются села, именно съ восточнымъ обрядомъ, начиная отъ того мѣста, гдѣ Дунаецъ поворачиваетъ на сѣверовостокъ. Тамъ лежитъ Остурня, за нею слѣдуетъ Великій Липникъ, Фольваркъ, Годермаркъ, Каміонка, Якубяны, Литманова, Ярембина, Кремпахи, Кренджеловка, Меджибродже, Заводже, Сулинъ и проч. На югъ: Порачъ, Завадка, Словинки, Гельцмановцы, Койшовъ. Въ гемерской жупѣ: Вернаръ, Телгартъ, Шумяцъ; въ абауй-турнянской — Гачава (Фалучка) и проч. Между ними на Спишѣ — Нижніе Репашы, Ториска, Ольшавица, Подпрочъ и др. Всѣ эти села исповѣдываютъ восточ. обрядъ. Часть ихъ находится между высокими горами, часть на вершинахъ горъ (Завадка, Гачава) и кажется сама природа способствовала тому, чтобы населеніе этихъ деревень осталось какъ доказательство стараго прошлаго и того, что было.

Не только любопытно, но и поучительно, что съ русскими селами мы всрѣчаемся и ниже такъ называемаго восточно-словацкаго слоя, т. е. уже при переходѣ къ мадыарской границѣ. Покрайней мѣрѣ и теперь еще знаютъ русскій языкъ въ селахъ Шайовъ-Петрѣ, Шайовъ-Сегедѣ, Гаднѣ, Шельебѣ, Мучонѣ, Абодѣ, Ракацѣ и др. Но еще не такъ давно знали русскій языкъ и говорили на немъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ настоящее время являются уже чисто мадыарскими, какъ напр. въ Hajdudorogh, Nánás, Varjas, Hatháza, Vámospérce, Vid и др.,¹ что явствуетъ и изъ того, что комис-

¹ Около Дорога кальвинисты называютъ своихъ греко-католическихъ братьевъ „oleyкарями“ (olajosok), потому что они соблюдаютъ посты или даже „москалями“, поскольку греко-католическая религія называется русскою вѣрою.

сія, которая въ 1767 году была выслана для прекращенія религиозныхъ споровъ въ Гайдъ-Дорогъ, постановила, что въ этомъ городѣ во главѣ выборнаго представительства можетъ быть только русскій.¹ Въ Nyiregyház-ѣ съ началомъ XVII. столѣтія не было еще ни одного католика, а только русскіе и кальвинисты.²

Не менѣе любопытно, что, хотя населеніе этихъ селъ и не знаетъ русскаго языка, но и понынѣ еще считаютъ себя русскими, говорятъ о „русскомъ священникѣ“, „русской школѣ“, а также русскими ихъ называютъ и люди съ вѣроисповѣданіемъ не восточнаго обряда.

Правда, что чехо-словаки считаютъ всякаго греко-католика, который пользуется восточно-словацкимъ нарѣчіемъ, и по происхожденію словакомъ, но подобное утвержденіе является излишнимъ и смѣшнымъ упрямствомъ, ибо каждый греко-католикъ есть уніатъ, а унія была заключена съ православными, т. е. русскими и румынами.

Преданія даютъ слѣдующій аргументъ.

Западъ связанъ съ именами Привины, св. Мефодія, Святотолка. Востокъ объ этихъ лицахъ совершенно умалчиваетъ.

На западѣ поютъ:

Nitra milá, Nitra, ty vysoká Nitra,
Kde že sú té časy, v ktorých si ty kvitla?
Nitra milá, Nitra, ty slovenská mati,
Keď pozrem na teba, musím zaplakati.
Ty si bola někdy město Metodovo,
Keď tu otcem našim kázal božie slovo.

На востокѣ преданіе рассказываетъ о князѣ Лаборцѣ, о Милотѣ, о князѣ Терешешѣ, о владыкѣ Жонгорѣ, Нзродѣ, Рускинѣ и т. д.

Память о Милотѣ сохранилась въ названіи села Милота въ сатмарской жупѣ при Тисѣ, въ настоящее время съ мадьярскимъ населеніемъ, почти исключительно кальвинскаго обряда. Милота по преданію была дѣвушка-невѣста князя Терешеша, память о которомъ, въ свою очередь, сохранилась въ томъ же селѣ Милота, въ названіи межи.

По преданію, Арпадъ имѣлъ сына Бѣлаго, который влюбился въ Милоту, уже возлюбленную Жонгора, съ которымъ была обручена. Жонгоръ (Жогорка — Дубоноска) былъ владыкой Боржавы. Мадьяры побѣдили Жонгора, но все же ему удалось взять въ плѣнъ Бѣлаго. Милота, желая освободить

¹ Böhm János: A lythurgikus nyelvekről Eger, 1897, ст. 121—140.

² Éble G.: Az ecsedi uradalom és Nyiregyháza. Budapest, 1898.

Бѣлаго, облеклась въ одежду воина и дала возможность ему бѣжать. Когда Бѣлый почувствовалъ свободу, онъ убилъ Милоту, полагая, что передъ нимъ находится дѣйствительно воинъ.¹

Въ долину Гернада читается память нѣкоего Народа, владыки, проживавшаго въ кошицкомъ градѣ. Нѣмцы присваиваютъ Народа себѣ, указывая, что первые нѣмецкіе поселенцы пришли именно вмѣстѣ съ нимъ. Однако слѣдуетъ признать, что уже самое имя народного героя говоритъ, что въ его образѣ кошицкіе автохтоны противопоставляли новымъ пришельцамъ.²

Въ долину Бодрога и понынѣ живетъ преданіе о борьбѣ двухъ богатырей за власть на этой территоріи. Бодрогъ побѣдилъ своего противника Лаборца и повѣсилъ его гдѣ то на слияніи рѣкъ Тополи и Ондавы. Это преданіе признаетъ, что и рѣка Бодрогъ названа въ честь побѣдителя.³

Тамъ же сохранилось преданіе, что Андрей, племянникъ Стефана I-го, короля мадьярскаго, долженъ былъ бѣжать съ королевскаго двора, чтобы не быть убитымъ ненавидящей его нѣмецкой кликой. Поэтому онъ отправился въ русскій край, женился тутъ на княгинѣ Анастасіи и пока не былъ приглашенъ на престоль, проживалъ въ Потокѣ.⁴

Любопытно, что сказаніе первоначальное имя Анастасіи замѣнило именемъ Агмунды.

Очень важно отмѣтить, что св. Мефодій въ преданіяхъ считается русскимъ. Такъ напримѣръ въ извѣстной хроникѣ Далимила, составленной въ 1282—1314 г. поется такъ:

Bořivoj prosí Krsta od Svatopluka Moravského,

A ot Methodieje arcibiskupa Velehradského.

Ten arcibiskup Rusin bieše

Mšu svu slovansky služieše,

U Velehradě krstí Čecha prvého.

Конечно, это утвержденіе основано на томъ обстоятельстве, что во время составленія этой хроники, греко-славянскій обрядъ въ Чехіи уже прекратился, въ то время какъ на Руси онъ продолжалъ существовать въ нетронutomъ видѣ. Въ силу этого обстоятельства онъ и получилъ наименование русскаго обряда. По той же причинѣ онъ занесенъ въ глаголической припискѣ въ реймскомъ евангеліи также рус-

¹ Szatmár vármegye monografiája 115, 270 ст.

² Abauj-Torna vármegye monografiája, 35 ст.

³ Adalékok Zemplén vármegye történetéhez 1898, 71 ст.

⁴ Т. с 1900, 326 ст.

скимъ. Такое отождествленіе вышло изъ римской курии. Уже въ посланіи папы Іоанна XIII къ чешскому королю Болеславу II отъ 972 года, въ котромъ дается право на основаніе латинскаго епископства и монастыря, подчеркивается:

Verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae aut slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica unum potius totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, latinis adprime litteris eruditum, qui verbi vomore novalia cordis gentilium scindere, et triticum bonae operationis severe atque manipula frugum vestrae fidei Christo reportare sufficiat.¹

Позже въ душѣ народа остались глубокія воспоминанія о татарскихъ злодѣяняхъ и разореніяхъ, повторявшихся неоднократно. Въ народныхъ пѣсняхъ сохранилось объ этихъ нападеніяхъ много воспоминаній. Вотъ одно изъ нихъ:

Поле мое широкое,
 Не могла я проглянути
 Чорненькими оченьками.
 Теперь емъ проходила
 Бѣленькими ноженьками! . . .
 Штось въ поли забѣлѣло,
 Ой ци гуси, ци лебеди?
 Теперь гуси не летаютъ,
 Ни лебеди не плаваютъ,
 То татаре полонъ женуть:
 Одинъ полонъ съ женочками,
 Другой полонъ съ дѣвочками,
 Третій полонъ съ дѣточками.
 Стали кошомъ подь Стариномъ и т. д.

Къ этимъ же временамъ относится и „Повѣсть объ убиеніи Батыя“, по которой татарскій вождь ханъ Батый былъ убитъ гдѣ — то на территоріи Карпатской Руси.² И, конечно, названіе мѣстности Батю указываетъ на тотъ же самый корень. Кромѣ того, если разсмотримъ территорію, то въ селѣ Krasznabételek, сатмарской жупы, найдемъ между, которая называется Botahalma, гдѣ, по мѣстному преданію, были похоронены воины хана Батыя.³

Интересно прибавить, что какъ разъ по территоріи сатмарской жупы осталось очень много татарскихъ памятниковъ и именно изъ эпохи ихъ перваго прихода. Напримѣръ Baján Láza, при Биксадѣ, гдѣ, по преданію, когда то существовалъ Бѣлоградъ и гдѣ были найдены сабли, копы, стрѣлы,

¹ Fontes rerum bohém. II, стр. 36.

² Ср. Д. Вергунъ: Новѣйшія проблемы карпаторусской литературы и историографіи 1927.

³ Szatmár-vármegye monografiája 104.

остатки щитовъ, что указываетъ на происшедшій здѣсь бой.¹ Въ селѣ Никола одна межа называется Tatárdomb — татарскій холмъ. Дальше село Tatárfalva, начальнымъ властителемъ котораго былъ въ XIV. столѣтїи Tatár.² По преданію бой происходилъ между татарами и мѣстнымъ населеніемъ около Великой Бани. Татарскимъ начальникомъ былъ нѣкій Субугетай. Въ этомъ бою погибло много татаръ.³

Вслѣдъ затѣмъ осталось въ памяти народа воспоминаніе о князѣ Феодорѣ Коріатовичѣ, который прибылъ однако не въ 1360 году, какъ считали раньше, а въ 1398 и не съ 40.000 мужей,⁴ а лишь со своей семьей и небольшой свитой⁵. Ему приписывается основаніе монастыря на Чернецкой горѣ близъ Мукачева⁶. Имъ же была построена крѣпость близъ Новаго Мѣста подъ Шатромъ, развалины которой сохранялись до XVIII столѣтія. Антоній Сирмаи такъ поетъ въ своей элегии de Ponto:⁸

Aspice caenoso spumantem vertice Ronyvom

Stant ubi Rutheni diruta castra Ducis . . .

Съ именемъ Валги, супруги Коріатовича, связывается основаніе монастыря въ Синѣ, землинской жупы.⁹

Память о русскихъ монастыряхъ сохранилась еще въ

¹ Т. с. 48.

² Т. с. 158.

³ Т. с. 270.

⁴ См. сочиненіе Антонія Годинки: A munkácsi püspökség története. 90—175 st. Századok, Budapest 1888 и 1900. Wolff: Kniázowe litewskoruscy. Warszawa, 1895.

⁵ Родъ Коріатовича:

Гедиминъ

† 1341

Меровидъ Наримунтъ Кейстуть Коріатъ Ольгердъ Любарть Явнуть
† около 1360

Константинъ — Георгій — Александръ — Феодоръ

† ок. 1389. † ок. 1374. † ок. 1380. † ок. 1415 г., супругою его была Валга.

Анна

† послѣ 1418 г.

Марія

† послѣ 1429 г., была замужемъ за Эмерикомъ Марцали 1448 г.

⁶ Ср. Иоанницій Базилевичъ: Brevis notitia fund. Theodori olim ducis de Munkács pro religiosis Ruthenis. Kassa, 1799—1805. А. Петровъ: О подложн. грамотахъ кн Федора Коріатовича 1:60 г., Петроградъ 1906. А. Годинка, тамъ же, 90—185 стр.

⁷ Adalékok Zemplén vármegye történetéhez, I—IV.

⁸ Т. с. IV. 256.

⁹ Ср. Adalékok 1904, 103.

Дворцѣ,¹ близъ Левочи, въ Гуменовѣ,² въ Легнавѣ³, въ Паздичѣ,⁴ въ Козмѣ — св. Косьмы и Даміана,⁵ въ Русскѣ близъ Генца,⁶ въ Жадань-Арбовѣ,⁷ въ Зомборѣ,⁸ близъ Рудльова въ Реметовѣ, въ берегскомъ Значовѣ на межѣ Пуштина, въ мармарошской Бедевлѣ, Драговѣ, Горничовѣ, Грушовѣ, Розавлѣ, Рыпинное, Прислопѣ, Волховцѣ, въ Kékesoroszfalva при Felsőbánya; въ сатмарской жупѣ имѣется межа Par-hies, гдѣ по преданію стоялъ монастырь, также въ Ökörító, въ Mopostor-ѣ, въ Kaplony-ѣ, въ Pusztarás-ѣ, въ Harmacz-ѣ (Храмцѣ?) гемерской жупы, въ Логнѣ мармарошской жупы и т. д.

На монастыри же ссылаются мѣстные имена: Мнишекъ (одинъ на сѣверѣ спишской жупы, возлѣ Попрада, а второй при Гельницахѣ); надъ Ранкомъ въ абауйской жупѣ находимъ вершину Гуменцовъ (773 м.); Гуменово; при Птицѣ (Peticse), также въ землинской жупѣ, поднимается вершина Humenske (448 м.) и т. д.

Не избѣжало вниманія преданія и то обстоятельство, что нѣкогда на Спишѣ было епископство восточнаго обряда. Послѣднимъ русскимъ епископомъ считается нѣкій Лука. Въ преданіи же говорится, что на Спишѣ былъ посвященъ въ епископы для мадьяръ Астрикъ и т. д.

Принявъ во вниманіе все вышеизложенное, слѣдуетъ заняться данными статистики.

Кто знаетъ исторію Мадьяріи, тотъ помнитъ, что приростъ ея населенія за одно столѣтіе равенъ 100%. Въ 1785 году была произведена конскрипція по распоряженію короля Іосифа II и она насчитала въ мадьярскихъ земляхъ 8,000.000 жителей, а въ 1850 г., число населенія возросло до 11,500.000 человекъ, другими словами за 65 лѣтъ повысилось на 44%. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что этотъ періодъ включаетъ время Наполеона, когда постоянныя войны уничтожили много людей, а также и эпоху мадьярской революціи съ достаточно явными жертвами: многіе пали, дру-

¹ Еще и въ настоящее время тутъ видны развалины монастыря за хребтомъ Гегола. См. Demkó Kálmán: Lőcse története 1897, ст. 146.

² Мѣстопребываніе Гумена, откуда Другетъ изгналъ василіанъ и привелъ францисканцевъ. Ср. Zempléni Adalékok 1899, ст. 336.

³ Въ нынѣшнее время на мѣстѣ монастыря стоитъ каплица, посвященная св. Николаю.

⁴ Ср. Zempléni Adalékok 1903, 128 ст.

⁵ Т. с. 1902, 105 ст.

⁶ Монастырь василіанъ позже заняли павликиане.

⁷ Ср. Zempléni Adalékok 1902, ст. 5.

⁸ Т. с. 1905, ст. 295.

гіе ушли въ изгнаніе. Въ 1890 г. Мадьярія насчитывала 17,349.398, не включая въ это число эмигрировавшихъ въ Америку и Австрію. Въ это время въ одной Вѣнѣ прожи- вало болѣе 200.000 мадьярь.

Необходимо упомянуть, что мадьярскій примасъ Георгій Липпай, въ докладѣ отъ 2 Іюля 1654 года, представленномъ Congregationi de propaganda fide, замѣчаетъ, что живущіе въ предѣлахъ Мадьяріи „Rutheni plus quam 300 millia animarum pumerantur“.¹ Въ подлинности этого числа сомнѣваться не приходится, такъ какъ къ услугамъ автора были не только результаты данныхъ его сотрудниковъ, но и данныя спишской государственной коморы, которой уже по причинѣ ея финан- совыхъ заданій необходимо было имѣть точныя данныя.

Намъ хорошо извѣстно, что рождаемость карпаторос- совъ очень значительна. Рѣдкая семья имѣетъ дѣтей менѣе 5-ти, но есть семьи гдѣ ихъ 8—10 человекъ и даже болѣе.

Несмотря на это, Алексѣй Fényes въ своей статистикѣ отъ 1840 года, указалъ карпатороссовъ только 442.903 чел., въ то время какъ официальная статистика 1870 года ука- зываетъ число 469.421, а 1880 г. неожиданно уменьшаетъ его до 353.229.

Гдѣ здѣсь приближеніе къ правдѣ?

Развѣ возможно повѣрить, чтобы русскіе съ 1654 года по 1870, т. е. свыше, чѣмъ за 200 лѣтъ, дали приростъ на- селенія лишь около 35%, а затѣмъ въ десятилѣтній періодъ съ 1870 г. по 1880 совершенно безъ причинъ убавили эту цифру на 25%? Но именно изъ этой цифры исходила чехо- словацкая республика, указывая мирной конференціи, что русскихъ подъ Карпатами только 567.867.

Однако, если исходить изъ предположенія, что уже въ 1654 году русскихъ въ Мадьяріи насчитывалось болѣе чѣмъ 300.000, естественно, что, принимая во вниманіе процентъ при- роста населенія въ странѣ, справедливо было бы указать, что въ 1754 г. должно было быть русскихъ больше . . . 600.000
въ 1785 г. во время конскрипціи Іосифа II „ . . . 800.000
въ 1850 г. около 1,200.000
въ 1890 г. „ 1,600.000
въ 1919 г., во время мирной конференціи 2.100.000
Если мирной конференціи было указано только 567.867 рус-

¹ Рукопись Гевенешшія въ бібліотекѣ будапешт. унив., томъ XXIV, стр. 9—19.

ских людей, то не может не возникнуть вопросъ, куда же исчезли прочіе 1,500.000? Правда, что около пятисотъ тысячъ находится въ Америкѣ. Куда же дѣвался еще одинъ миллионъ?

Слѣдуетъ припомнить, что въ меморандумѣ, представленномъ русскими императору Францу Іосифу въ 1849 году, русскихъ, живущихъ въ предѣлахъ Мадыаріи, было указано 800 тысячъ.

Однако данныя статистики явно указываютъ, что русскихъ еще не такъ давно было много даже въ новгородской жупѣ: въ 1494 году здѣсь одни русскіе платили дань въ суммѣ 170 флориновъ, въ то время какъ въ 1495 г. все прочее населеніе жупы уплатило только 225 флориновъ.¹ Въ остригольскомъ архіепископскомъ архивѣ находятся отъ 1505 г. „*acta grecocatholicos sen Ruthenos Orosziensis latinos factos concernentia*“.² Все таки въ XVII столѣтіи вацовскій епископъ Тарноцій содержалъ еще особаго русскаго викарія,³ чтобы обращать русскихъ въ лоно римской церкви. Однако они твердо держались своего обряда; иновѣрцы называли ихъ язычниками; только понемногу удавалось ихъ отрывать отъ старой традиціи. Населеніе Тргановой до послѣднихъ временъ называлось руссанами.⁴ На волостныхъ печатяхъ имѣлось изображеніе св. Николая въ облаченіи восточныхъ архіереевъ.⁵ А что касается отдѣльныхъ религиозныхъ обычаевъ, то память о востокѣ жива еще и понынѣ. Въ примѣръ можно привѣсти игры такъ называемыхъ ясличкарровъ, гдѣ Старый и Куба олицетворяютъ зиму и весну; Старый разрушить Кубу, но тотъ все же воскреснетъ. Имена ясличкарровъ на востокѣ, какъ среди русскихъ, такъ и среди прочаго населенія, латинскаго и протестантскаго обряда, носятъ еще и понынѣ русскія имена: Куба (Яковъ), Федоръ, Юнакъ, въ то время какъ на западѣ обычны имена: Юро, Кубо, Ондрей. Матушъ, Климо и т. д.⁶

На Спишѣ еще въ 1654 году во времена примаса Липпая, по его собственному свидѣтельству, было 45 русскихъ приходовъ, въ то время какъ въ настоящее время осталось

¹ Csánki D.: Magyarország tört. földrajza. Budapest 1890, I. 114.

² Archiv. vetus sub nro 67.

³ Hierarchia Prag. I. p. 409. Basilovics: Notitia fund. Korjatovicisanae IV. 18., 151.

⁴ A. Petrov: Sborník Fr. Pestyho z r. 1864—5, v Praze 1927, ст. 98.

⁵ Ср. Bartholomacides: Memorabilia provinciae Csetnek. Neosoli 1799, p. 78.

⁶ Ср. A magy. Nemz. muzeum népr. osztályának értesítője 1904, I. 41.

только 17.¹ Въ болѣе отдаленныя времена ихъ было и больше. Населеніе въ Жакаровцахъ еще и въ 1864 г. считалось русскимъ, хотя было уже давно латинскаго обряда.² Это достаточно подтверждаетъ грамота короля Бела IV. отъ 1269 года, адресованная гостямъ, нѣмцамъ изъ Космарка (Kežmarok). Этими грамотами Бела давалъ нѣмцамъ разрѣшеніе:

„ut villicum inter se eligant de communi voluntate, qui omnes causas eorundem decidere debeat“.

Король къ этому добавляетъ: *Praeterea eisdem forum liberum solito more duximus concedendum. Item in campia solvent more saxorum aliorum, non praeposito Scepusiensi, sed sacerdotibus popriis. Ad haec Ecelesiam cum cimiterio, quantum non contingit — dimirtimus eis liberam, ratione humandi et sepelieudi (suos saxones ne miseri debeant cum Slavis, quorum distinctae Kesmarkini, Leutschoviae, Igloviae, Olasini et Varalje parochiales Ecclesiae ac Domus hodiedum supersunt, Rectores vero earum veteri vicariorum nomine veniunt) mortuos quemadmodum antea dignocuntur habuisse.*³

Эта грамота имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что она явно доказываетъ, что основаніе Космарка (Kežmarok) и прочихъ спишскихъ городовъ, связывается со славянствомъ, а не съ саксонцами. Если нѣмецкіе поселенцы только въ 1269 году получили право избирать своего старосту, какъ въ Космаркѣ, такъ и въ другихъ городахъ, въ то время какъ тамъ уже значительно раньше существовали православныя храмы, гдѣ церковныя настоятели назывались *veteri vicariorum nomine*, естественно, что эти нѣмецкіе поселенцы явились позже и до сего времени были подчинены славянскому начальству, даже въ церковныхъ дѣлахъ.

Любопытно, что Старо-любовенскій латинскій храмъ былъ посвященъ Преображенію Іисуса Христа; этотъ двенадцатый праздникъ и до сихъ поръ торжественно празднуется, въ то время какъ римская церковь его вообще не празднуетъ.

Такъ подкрѣпится и утвержденіе преданія, что на Спишѣ нѣкогда была православная епископія. Въдѣ грамота указываетъ, что въ *Olasini et Váralye* также существовали русскіе приходы. Наоборотъ Спишская капитула въ настоящее время посвящена св. Мартину. Однако извѣстно, что въ древности здѣсь находилось святилище языческой Марцины, а позже на его мѣстѣ былъ основанъ монастырь св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана, память

¹ См. Petrov: *Sborník Pestyho*, ст. 124.

² Рукопись Гевенешшія, стр. 9—19, изд. Nilles, 329—39.

³ *Bárdossy: Supplementum analectorum terrae Scepusienis* 1805, p. 223.

о которомъ сохранилась въ именахъ прилежащихъ сель: Domán и Jamník, прежде Козьма. Латинская церковь постаралась удушить память о культѣ Козьмы и Даміана и на его мѣсто воздвигла культъ св. Мартина, именемъ своимъ напоминавшего древнюю Марцину и тѣмъ самымъ вызывавшаго довѣріе простонародья.

Однако источники явно свидѣтельствуютъ, что настоятель спишскаго монастыря въ концѣ XIII. и началѣ XIV. вѣковъ былъ епископъ.¹ Іаковъ, имя котораго неоднократно встрѣчается въ грамотѣ, и который въ періодъ 1284—1301 г. г. былъ епископомъ, всегда назывался спишскимъ епископомъ. Такъ называетъ его и капитула въ своемъ письмѣ отъ 26 Юля 1302 года: *venerabilis in Christo pater, dominus poster Jacobus, miseratione divina episcopus Scepusiensis.*² Если бы это епископство было латинскаго обряда, конечно оно не прекратило бы своего существованія въ XIV вѣкѣ и едва ли бы было изъято изъ его вѣденія нѣмецкое населеніе Космарка. А въ этомъ случаѣ онъ назывался бы не только епископомъ *miseratione divina*, но и *apostolicae sedis gratia*. Отсюда естественно, что онъ былъ епископомъ только восточнаго обряда, вышелъ изъ монаховъ и уже будучи епископомъ, продолжалъ свое пребываніе въ монастырѣ, какъ это случалось и въ другихъ мѣстахъ на востокѣ; его капитула состояла изъ настоятелей монастыря, а не изъ клирошанъ, какъ того требуютъ правила латинской церкви, хотя въ его время спишскій монастырь не былъ уже чисто восточнаго обряда, но являлся смѣшаннымъ.

Еще при Базилевичѣ, слѣдовательно во второй половинѣ XVIII вѣка, насчитывалось сель:

въ шарышской жупѣ чисто русскихъ —	152,	смѣшанныхъ —	45
въ землинской „ „ „	143,	„ „	139
въ ужской „ „ „	88,	„ „	73
въ саболчской „ „ „	17,	„ „	59
въ сатмарской „ „ „	108,	„ „	10

и т. д.

Сель съ русскими церквами:

въ Шарышѣ — 155, въ Землинѣ — 140, въ ужской жупѣ — 84, въ саболчской ж. — 41, въ Сатмарѣ — 100 и т. д.³

¹ Ср. Wagner: *Annalecta Scepusii sacri et profani*, II. 13—21.

² *Anjonkori okmánytár* I. 34.

³ *Bazilovics: Fund. Karjatov*. IV. 12, 73.

Но его данныя относятся уже къ позднѣйшимъ временамъ и все то, что въ нихъ приведено, представляетъ собою остатокъ русскости, которая уцѣлѣла отъ бурь реформации и контръ-реформации. Еще и до нашего времени сохранились памятники, указывающія на тѣ гоненія и средства, которыя примѣнялись къ русскимъ, напримѣръ со стороны Клары Баркоцій въ Шаришѣ и Маріи отъ Сѣча въ Гемерѣ. Вслѣдствіе фанатизма послѣдней для русскости были потеряны села Погорела и Полонна гемерской жупы.

На основаніи историческихъ данныхъ указывается, что еще въ XV. столѣтіи въ шаришской жупѣ было только 34 прихода съ латинскимъ вѣроисповѣданіемъ,¹ а всего сель насчитывалось 440, нынѣ же осталось 381.² Какой же народности и какого вѣроисповѣданія были остальные 406 сель, если о реформации въ то время еще нечего говорить? Замѣтимъ, что каноническіе протоколы, составленные представителями протестантской церкви, являвшихся на каноническіе визиты, указываютъ число храмовъ: въ 1636 г. 92, въ 1666 г. — 122, а въ 1722—152.³ Контръ — реформация уменьшила число ихъ храмовъ на 15, а латинская церковь въ половинѣ XVIII вѣка указываетъ своихъ храмовъ уже 158,⁴ въ то время какъ русскихъ было еще 152, но вѣдь нынѣ латинскихъ храмовъ 167, а русскихъ — 146. Любопытно замѣтить, что по свидѣтельству Юсифа Георка, профессора бывшей пряшевской лютеранской теологіи, собиравшаго данныя къ исторіи протестантизма въ этомъ районѣ, въ болѣе древнихъ храмахъ Шариша, находящихся въ рукахъ латинской церкви, еще и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ были замѣтны картины стилия восточной церкви, хотя надписи кириллицей, эти явные свидѣтели, по большей части были уже замазаны известкой (вапномъ).⁵ По доказательству протоколовъ каноническихъ визитовъ протестантской церкви 1612—1666 годовъ, лишь въ 17 храмахъ сохранились престолы,⁶ органы только въ 7

¹ Tóth S.: sáros várm. monogr. III. 212.

² Csánki D.: Magyarország tört. földrajza a Hunyadiak korában, Budapest 1890, I. 316.

³ Ср. Hörk J.: A Sáros-zempléni ev. esperesség története, Kassa 1885, ст. 31—36.

⁴ A kassai egyházm. tört. Névtára és Emlékkönyve, Kassa 1905.

⁵ Hörk I. c. 20 ст.

⁶ Пряшовъ, Бардіовъ, Сабиновъ, Брезовица, Каменица, Якубовяны, Рошковяны, Липяны, Копривница, Каята, Грабковъ, Св. Крижь, Широка, Липовець, Штефановцы, Яровницы, Синя.

храмах,¹ пока ораторскія кафедры имѣлись лишь въ 10 храмахъ,² но и изъ нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были поставлены протестантами. Кромѣ того въ Каменицѣ, Мадыарской Равлавицѣ, Бисагѣ, Лопуховѣ, Седлицѣ, Андрашовцахъ и др. еще стояли иконостасы, а въ Брезовицѣ и Дубовицѣ — находились и плащаницы. Русскій духъ былъ силенъ въ Зборовѣ еще и въ 1688 году, гдѣ „sessio batykonum Popovecz dicta“ состояла „ex duodecim sulcis seu virgis“.³ Въ Славянской Равлавицѣ въ 1636 г. одна земля называлась popovske.⁴ Иоаннъ Іеронинъ Липницкій, православный епископъ мукачевскій, отъ 13 декабря 1681 года пользовался титуломъ епископа и земли плавецкой, такъ какъ и самъ Плавецъ только протестантизмомъ, а послѣ контръ-реформаціей былъ отнятъ изъ рукъ русскихъ.⁵ Въ Ошиковѣ еще въ 1680 году русскимъ приходникомъ былъ Ройковичъ, который старался назадъ вернуть лютеранами захваченные Яновцы.⁶ Русскіе приходы были еще: въ 1715 г. въ Седлицѣ,⁷ въ 1722 г. въ Личертѣ.⁸ Храмъ въ Якубовой Волѣ, возлѣ Липянь, въ 1716 г. принадлежалъ еще русскимъ.⁹ Въ Хмелевѣ пользовались и въ 1743 г. болѣе русскимъ священникомъ,¹⁰ а въ Ортичкѣ и въ Оппинѣ праздновалось еще тогда исключительно по обычаю восточной церкви.¹¹ Въ абауйскихъ Чакановцахъ еще въ шестидесятыхъ годахъ было живо преданіе, что тамошній кальвинскій костелъ былъ когда то храмомъ восточнаго обряда,¹² также и въ бережскомъ Бадаловѣ.¹³ Здѣсь преданіе подтверждаетъ убранство стараго костела, разрушеннаго въ 1799 г., въ закладномъ камнѣ котораго найдена кирилловская надпись. Населеніе абауйскихъ Богдановцевъ слатинизовали только іезуиты, поселившіеся въ Мышлѣ¹⁴ и т. д.

Сопоставляя всѣ эти данныя, едва ли можно допустить, что словаки весьма рано проникли на востокъ, а тѣмъ менѣе можно считать рѣку Топлю основной границей между русскими и словаками. Также совершенно нелѣпымъ домыс-

¹ Пряшевѣ, Бардіовѣ, Сабиновѣ, Липяны, Брезовица, Дравцы, Червенница.

² Пряшевѣ, Бардіовѣ, Сабиновѣ, Дравцы, Шенвизѣ, Плавница, Штефановцы, Фричѣ, Грабовецѣ, Няшаны.

³ Мадыар. гос. Архивъ: Urb et conscr. fasc. 21, nr. 17.

⁴ Нѳрк т. с. 258 ст.

⁵ Дулишковичъ: Истор. Черты, III. 130

⁶ Нѳрк т. с. 297 ст.

⁷ Т. с. ⁸ Т. с. 260 ст. ⁹ Т. с. 227 ст. ¹⁰ Т. с. 315 ст

¹¹ Т. с. 381 ст.

¹² Sbornik Fr. Pestyho z г. 1864—5 v Praze 1927, 2 ст.

¹³ Т. с. 16 ст.

¹⁴ Т. с. 1 ст.

ломъ слѣдуетъ признать, что еще отъ XIII столѣтія словаки быстро продвигались къ русской области.

Однако, хотя бы это и случилось, то естественно, что съ тѣмъ еще вообще не помѣшается русскому историческому праву на Подкарпатьѣ и русское правительство въ началѣ войны совершенно правильно ставило свои требованія здѣсь на западъ по Татры и на югъ — по Дебрецинъ.

„Východne Slovensko“ — совершенно самовольное учрежденіе. Эта территория на всемъ своемъ пространствѣ русская историческая земля.

Dies irae.

Какъ мы замѣтили, проф. А. Петровъ уже въ своемъ докладѣ Отдѣлу русскаго языка и словесности Русской Академіи Наукъ отъ 11 ноября 1909 года, а затѣмъ въ обширномъ своемъ сочиненіи Предѣлы угро-русской рѣчи 1773 г.,¹ подчеркивалъ, что русскія поселенія въ сѣверо-восточной области Карпатъ не могутъ считаться остатками первобытнаго русскаго населенія и что ихъ большая часть возникла въ довольно позднѣе время, въ XVI—XVII в. в., преимущественно же въ концѣ XVII и въ первыя десятилѣтія XVIII вѣка, путемъ переселенія изъ Галичины.²

Это же онъ повторилъ въ Чешскомъ Историческомъ Журналѣ за 1924 г.³

Не только мадьярская, что вполне естественно, но и чешская литература спѣшила въ большей или меньшей степени усвоить и использовать въ своихъ цѣляхъ мнѣніе Петрова.⁴

Слѣдуетъ отмѣтить, что Петровъ „при разрѣшеніи вопроса призналъ болѣе цѣлесообразнымъ не выходить отъ неизвѣстной и темной древности къ позднѣйшимъ столѣтіямъ“, а идти отъ „болѣе близкаго къ намъ времени въ глубь вѣковъ. Богатая важными для Угорской Руси документами эпоха императрицы и королевы Маріи Терезіи и была избрана точкой отправленія.“⁵

Конечно, этотъ взглядъ на дѣло самъ по себѣ глубоко ошибочный, ибо историку никогда не разрѣшается прене-

¹ Матеріалы для исторіи Угорской Руси, Петроградъ 1911.

² Т. с. 150 ст.

³ Zvláštní otisk z čes. časop. historič. roč. XXIX, 1923, ст. 28.

⁴ Ср. J. Král: Osídlení Karpatské Rusi 1923, V. Chaloupecký: Staré Slovensko 1923, I. Húsek: Národopisná hranice 1925 и т. д.

⁵ Матеріалы и т. д. VI. 1911. IV.

брегать правиломъ дипломатики, по которому читающему грамоту нельзя быть предубѣжденнымъ противъ текста, но слѣдуетъ вникнуть въ то, что говоритъ сама грамота.

Но Петровъ не принялъ во вниманіе и требованія, относящіяся къ безпристрастной точности. Задача историка заключается въ установленіи правды, подобно правосудію. Интересы обоихъ одинаково требуютъ до вынесенія приговора выяснить дѣло по возможности подробно. Поступокъ Петрова подобенъ поведенію тѣхъ прокуроровъ, которые набрасываются на преступника во что бы то ни стало его засудить не въ интересахъ правосудія, но ради собственной выгоды. Вотъ и причина, что Петровъ, хотя собралъ и опубликовалъ много очень цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Угорской Руси, однако эти матеріалы онъ такъ истолковалъ и вывелъ такія заключенія, что они не только что вообще правдѣ не соотвѣтствуютъ, но лишь еще болѣе опутали паутиной вѣковья ошибки, допущенныя надъ русскимъ правомъ и тѣмъ самымъ еще болѣе усугубилъ нынѣшнюю несчастную судьбу карпатороссовъ.

Петровъ, по собственному признанію, пошелъ по стопамъ Бидермана, который, собирая свѣдѣнія отъ мѣстнаго русскаго духовенства, нашелъ во многихъ русскихъ селахъ въ семьяхъ крестьянъ преданія о происхожденіи ихъ изъ Галичины.¹

Въ метрикахъ почти всѣхъ приходскихъ церквей на сѣверѣ Шариша упоминается о пришельцахъ изъ Галичины.² Это, конечно, отвѣчаетъ правдѣ. Однако она сама по себѣ не доказываетъ еще ничего особеннаго. Подобная флюктуация въ пограничной полосѣ постоянна, даже и нынѣ въ полномъ ходу. Она совершается не только отъ сѣвера къ югу, но и наоборотъ отъ юга къ сѣверу. Удивительно то, какъ Петрову бросилось въ глаза именно это, а не то, что тѣ русскія села, въ которыхъ русское населеніе живетъ теперь, уже существовали задолго до битвы при Могачѣ.³ Поэтому, будь русскіе лишь результатомъ колонизаціи конца XVII и начала XVIII столѣтій, и безразлично, заселили ли они оставленную прежними обитателями мѣстность постепенно или сразу, сплошь

¹ Bidermann: Die Ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte, Innsbruck 1862, I. стр. 10—11; Петровъ: Матеріалы VI. 178.

² Т. с. II. 72.

³ Ср. Csánki D.: Magyaror. tört. földrajza, Budapest 1890, I. 248—462; Adal. Zempl. várm. t.-hez 1911: 130, 276, 287; 1912: 33—34 и т. д.

или отчасти, давно или недавно, но это обстоятельство, естественно, просто не может не поднять вопроса: какъ можетъ то быть, что русскія колоніи возникли подъ именемъ старыхъ, уже во время поселенія русскихъ не существовавшихъ селъ, сохранивъ при томъ и преданія, связанныя съ исчезнувшими селами? Однако и уже давно опубликованный докладъ мадьярскаго примаса Георгія Липная отъ 2-го іюля 1654 г. къ конгрегации de Propaganda Fide, въ дѣлѣ церковной уніи, указываетъ, что русскіе въ предѣлахъ Мадьяріи въ его время „plusquam 300 millia animarum numerantur; inter quos sacerdotes r. gr. latinae linguae ignari Ruthenica lingua sua sacra peragentes circiter 600 reperiuntur hoc ordine, prout nimierum illa territoria et pagi a dominis privatis possidentur, in dominio Munkács viduae principissae Rakoczianae sacerdotes 150, sub domino Homonnay sacerdotes 170, sub Barkoczy 30, sub Ladislao Rakoczy nepote principis Transylvaniae catholico 77, in Szerednie 37, Varano 35, Pető 30. Hi omnes intra territorium episcopatus Agriensis continentur. Praeterea ultra Tibiscum partim in Agriensi, partim in varadiensi dioecesi sacerdotes 24, in Scepusio dioecesis Strigoniensis sacerdotes 45. Praedicti Rutheni r. gr. schismatici in Hungaria degentes ab *immemorabili tempore* habuerunt episcopum in Munkacz, cujus iurisdictioni: suberant omnes... Sunt praeterea... habentque sacerdotes sui ritus... Comaromii et in pago Szicula dioec. Strigon, Jaurini in dioec. Jaur.“ и т. д.¹ Въ источникахъ, изъ которыхъ Петровъ черпалъ свои данныя, скрывается нѣчто иное, чѣмъ онъ узрѣлъ и что вывелъ изъ нихъ.

Конечно, этимъ вообще не хотимъ сказать, что будто бы въ сѣверо-восточной области Карпатъ не было совершенно селеній. Существованіе этихъ селеній доказывается ролью руководившихъ ими кенезовъ и шолтисовъ. Однако эти поселенія имѣли свою особую причину, которая тѣсно связана съ судьбою русскости Подкарпатья, именно послѣ гибели здѣсь русскаго владычества, заключаая въ себѣ два періода, между которыми битва при Могачѣ въ 1526 г. явится перегородкою.

Кто углубится въ историческіе источники, не можетъ не замѣтить, что роль кенезовъ и шолтисовъ не ограничивалась горными областями, но распространялась и въ долины. Въ примѣръ можно взять село Takta-Kenezъ при

¹ Рукопись Гевенешшія въ библиотекѣ будапешт. унив. Томъ XXIV. ст. 9—19, издалъ Hodinka A.: A munkácsi püsköpség okmánytára I. 168—9, 171 ст.

Тисъ въ саболчской жупѣ, нынѣ съ населеніемъ кальвинскаго вѣроисповѣданія. Это село грамоты вспоминаютъ уже въ 1355 году подъ именемъ Kenez.¹ Къ нему принадлежитъ и пустошь Ó-Kenez. При городѣ Kis-Várda имѣется село Cserepes-Kenez, такъ же съ кальвинскимъ населеніемъ.

Несмотря на то, что грамоты изданы для кенезовъ и шолтисовъ въ отношеніи къ русскимъ колонизаторамъ, нигдѣ не указывается на то, откуда приходили эти русскіе поселенцы; если они дѣйствительно были приведены сюда изъ за кордона, то какъ можно себѣ представить, чтобы объ этомъ исторія совершенно умолчивала? Такое умолчаніе для исторіи является весьма страннымъ, тѣмъ болѣе, что она подробно знаетъ о колонистахъ нѣмцахъ, знаетъ о приходѣ печенѣговъ, куновъ и т. д.

Если бы русскіе дѣйствительно тутъ поселились какъ колонизаторы, изъ за кордона, тогда бы рѣчь шла уже не о единичныхъ лицахъ, но о цѣлыхъ толпахъ. Однако послѣднему противорѣчить и экономическая возможность. Извѣстно, что цѣнность земли въ тѣ времена опредѣлялась не площадью и не ея природными богатствами, но числомъ рабочихъ рукъ, имѣющихся на ней. Народная масса обезпечивала не только матеріальное благосостояніе баръ, но и ихъ общественное положеніе и ту вооруженную силу, на которую помѣщикъ, и одновременно вождь, опирался. Чѣмъ многочисленнѣе былъ составъ вооруженныхъ слугъ, тѣмъ большее значеніе имѣлъ баринъ. Могли-ли поэтому помѣщики равнодушно смотрѣть на подобное разрушеніе основы своего могущества? Подобная колонизація за кордонъ въ тѣ времена могла бы послужить причиной даже къ государственнымъ конфликтамъ.

Съ другой стороны, что могло привлечь русскихъ настолько, чтобы они рѣшились оставить свою родину и итти на поселеніе въ чуждые края? Вѣдь массы не охотно оставляютъ насиженные гнѣзда и поэтому необходима вѣская причина, чтобы сдвинуть ихъ съ мѣста и, тѣмъ болѣе, что за Карпатами въ то время преслѣдовалась родная вѣра.

Естественно, что ключъ къ объясненію колонизаціоннаго движенія русскихъ слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Простой людъ въ Карпатахъ искренно вѣритъ, что утренней росы бываетъ два рода: одна — Божья, другая — вражья. Отъ Божьей росы оживаетъ зелень, распускаются

¹ Anjoukori Okmánytár V. 558.

цвѣты. У кого больны глаза, тому надо умываться этою росою и взоръ прояснится. Но иной разъ выпадаетъ вражья, злая роса. И тогда на зелень ложатся ржавыя пятна, и какъ будто какая то кислота сѣдаетъ лепестки цвѣтовъ. Если хоть одна капля этой злой росы попадетъ въ глаза человѣка, у него слабѣетъ зрѣніе и мутится разумъ.

И, можно сказать, что не только глаза и сердца, но вся жизнь карпатороссовъ, какъ только судьба ихъ отсѣкла отъ прочаго русскаго міра, покропилась злою росою. Жизнь карпатороссовъ была и есть до невозможности тяжелой. Злоба и ненависть человѣческія всѣ средства предприняли на то, чтобы искоренить русскость изъ Карпатъ и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, тѣмъ ужаснѣе и отвратительнѣе становилась здѣсь жизнь.

Конечно, всякое иго непріятно. Но пока мадьяры находились подъ вліяніемъ византійской культуры, эта пора была лишена, по крайней мѣрѣ, суровости и жестокости. Усиліе мадьяръ болѣе было направлено на то, чтобы пріобрѣтенныя территоріи удержать въ своихъ рукахъ. А такъ какъ къ тому не хватало собственной силы, то для этой цѣли они воспользовались плѣнными прежде всего печенѣгами, позже — кунами и половцами.

Но какъ только вслѣдствіе четвертаго крестоваго похода въ 1204 году произошло паденіе Царьграда, являшагося мадьярскимъ опекуномъ съ самаго начала ихъ исторической жизни, и мадьяры попали подъ вліяніе запада, обстоятельства сильно измѣнились.

Нельзя упустить изъ виду, что римскій имперіализмъ стремился къ міровому владычеству. Паденіе же Царьграда означало конецъ той борьбѣ, которая вспыхнула въ этомъ имперіализмѣ изъ за перенесенія столицы при Константинѣ Великомъ изъ Рима въ Византію. Эта борьба была сосредоточена вокругъ вопроса: Царьградъ ли будетъ міровымъ центромъ на основѣ эллинизма или же Римъ — съ его латинской окраской?

Римъ, чтобы выиграть побѣду, прибѣгнулъ къ помощи религіи, возведши въ догму, что всякая власть дана отъ Бога, представителемъ котораго на землѣ есть Римъ. Поэтому, кто не подчинится Риму, не можетъ быть членомъ Божьей церкви и тѣмъ болѣе не можетъ попасть въ царствіе небесное. Кто противъ Рима, тотъ напрасно крещенъ, онъ все таки язычникъ.

Такимъ образомъ Римъ черезъ религію стремился захватить въ свои руки политическую жизнь. Имя Христа было для него простымъ средствомъ. Но тѣмъ самымъ Римъ поставилъ себя передъ невозможнымъ. Вѣдь народность религію не обходитъ. Съ другой стороны, каждый народъ уже въ самомъ своемъ существѣ инстинктивно стремится жить самостоятельной жизнью. А въ природѣ нѣтъ ничего лишняго. Что существуетъ, имѣетъ и причину своего существованія. Если бы въ народахъ совершилось однообразіе, къ которому стремился Римъ, то тѣмъ самымъ исключилось бы соревнованіе между отдѣльными народами, а безъ соревнованія — нѣтъ прогресса, безъ прогресса — нѣтъ подъема.

Признаки этого тщетнаго усилія Рима съ каждымъ днемъ проявлялись все ярче. Куда только римская политика вошла, она породила два общества съ особымъ языкомъ, преданіями, нравами и обычаями, идеалами и, можно сказать, религіей. Въ то время, какъ люди съ образованіемъ были насыщены всѣми тайнами римской культуры, крестьянинъ даже не понималъ церковнаго богослуженія. Эти два общества со временемъ не только увидѣли и поняли свою принципиальную противоположность, но и возненавидѣли другъ друга. Развитію этой вражды только способствовала политика Рима. Должны подчеркнуть, что князья, по сущности догмы, являлись только замѣстителями Рима, назначеніе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы служить цѣлямъ римской политики. Слѣдовательно, хотя князья сами по себѣ были и нежелательны, но ихъ терпѣли и ими пользовались для осуществленія римской мечты. Римъ, чтобы ускорить свою побѣду, всюду назначалъ своихъ вѣрныхъ людей, которые требовали для себя почестей и выгодъ, а такія привилегіи всегда вызываютъ не только зависть, но и вражду.

Примѣромъ сопротивленій для народовъ, на которыхъ римская политика была направлена, явилась Русь, сохранившая свою самостоятельность и не подпавшая подъ вліяніе Царьграда. Толчкомъ же къ сопротивленію явилась глаголица, порожденная Царьградомъ. Такъ приготовлялась борьба духовной власти со свѣтской, что послѣ привело къ реформациі, а потомъ и къ появленію народныхъ церквей.

Однако имперіализмъ никакъ не хотѣлъ увидѣть того, что онъ борется противъ предопредѣленія самой природы, законы которой побѣдить невозможно. Хотя Римъ не могъ

не замѣтитъ возникающей къ себѣ непріязни, но онъ ее считалъ только переходящимъ явленіемъ. Серьезность положенія Римъ почувствовалъ только тогда, когда борьба вспыхнула со всею силой. Препятствіемъ къ достиженію своихъ цѣлей Римъ считалъ Византію, какъ соревновательницу, и, потому, какъ только Византія подъ давленіемъ Ислама ослабла, а съ удачнымъ четвертымъ крестовымъ походомъ въ ея центрѣ воцарилось латинское государство, Римъ считалъ, что для его царствованія настало время.

И Римъ, чтобы не тратить время, къ дѣлу приступилъ радикально. Имъ была введена святая инквизиція съ определеннымъ назначеніемъ — въ подчиненныхъ земляхъ уничтожать все несогласное съ нею,¹ а потомъ распоряженіемъ Латеранскаго собора отъ 1215 года епископы должны были спѣшно выслать своихъ священниковъ на занятые вновь территоріи, которыя были раньше подъ вліяніемъ Византіи; эти священники должны были знать мѣстный языкъ. Францисканцы и доминиканцы снабдились уполномочіями выдавать стодневные отпусы² и на тотъ случай, если бы на ихъ проповѣдяхъ появились вновь покоренные народы.³

Такая римская политика вызвала должный отпоръ со стороны народовъ, находящихся до той поры самостоятельными отъ римскаго имперіализма. Само собою разумѣется, что эти народы не хотѣли жертвовать своею самостоятельностью и замѣнять ее чужимъ игомъ. Это касалось больше всего Руси, для которой это слово означало не только особую націю, но и свою собственную церковь, съ кирилликовской окраской. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь на князей смотрѣли какъ на помазанниковъ Божіихъ, поставленныхъ „на казнь злымъ“.

Чтобы распространить мирнымъ путемъ свое владычество на Русь, Римъ сначала посылалъ туда посольства папъ Иннокентія III-го, Гонорія III-го, Григорія IX-го, Иннокентія IV-го и т. д. и послѣ того, какъ увидѣлъ, что эти посольства не дали никакихъ положительныхъ результатовъ, пришелъ къ выводу, что для покоренія Руси необходимо предпринять военный походъ. Къ тому онъ соблазнялся тѣмъ, что Русь была раздроблена на отдѣльные княжества, а кромѣ того ее постигло новое несчастіе, какъ нашествіе татаръ.

¹ Cp. H. Ck. Lea: Geschichte der Inquisition in Mittelalter, Bonn 1909.

² Wenzel: Árpádkori Okmánytár IX. 402, Tört. tár 1889, 568.

³ Theiner: Monum. Hung. I. 250.

Замѣтимъ, что во время четвертаго крестоваго похода на Царьградъ и заложенія тамъ латинской имперіи, какой то неизвѣстный рыцарь, обозначенный въ историческихъ памятникахъ одною буквой К, прибылъ съ дружиною въ Крымъ и завладѣлъ древней греческой Θεодосіей. Дружина состояла изъ генуэзцевъ. Такъ была заложена на югѣ Россіи первая латинская колонія, подъ названіемъ Кафы, которая должна была служить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго развитія интересовъ Рима въ Россіи. Ея власть въ скоромъ времени распространилась на Керчь, Судакъ, Ялту, Балаклаву и Мангупъ.

Въ Кафѣ, какъ центрѣ латинской епархіи, было открыто училище съ опредѣленнымъ назначеніемъ — приготовить католическихъ агитаторовъ для Руси. Одновременно было отдано распоряженіе шведскому королю Биргеру сдѣлать нападеніе на Русь съ сѣверо-запада. Однако планы Рима потерпѣли неудачу: русскій князь Александръ нанесъ шведамъ жестокое пораженіе при Невѣ, за что былъ прозванъ Невскимъ, а на югѣ римской политикѣ помѣшала Исламъ. Отъ римскаго владычества въ Крыму осталось только названіе горы „Римъ“ у крымскихъ кисловодскихъ источниковъ.

Послѣ крушенія такого плана Рима, а также и неудачныхъ попытокъ войти въ соглашеніе съ татарами, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ пойти другимъ путемъ, именно при посредствѣ поляковъ и мадьяръ приступить къ постепенному поглощенію русскихъ сосѣднихъ территорій.

Такая политика коснулась прежде всего Карпатской Руси, какъ наиболѣе удаленной окраинѣ русскаго историческаго этноса на западѣ.

И начались *dies irae* (дни злобы).

Уже король Эмерикъ получилъ приказъ очистить свою территорію отъ язычниковъ.¹ Тотъ же приказъ повторился при Андрѣ II-мъ.² Наоборотъ, Бела IV долженъ былъ уже присягнуть, что „*de terris, nostrae jurisdictioni subjectis et quae in futurum, dante Domino, subjicientur, universos haereticos et alios christianos, qui relicta fide christianitatis, ad superstitionem Ismaheliticam et Judeorum pervestantur, quocumque nomine censeantur et fictos filios christianos de terris nostris bona fide stude-*

¹ Ср. Н. Ch. Lea II. 331.

² Т. с. II. 332.

bimus extirpare et eos, qui Romanae Ecclesiae in terra nostra sunt inobedientes . . . compellemus obedire Romanae Ecclesiae“.¹

На помощь этому съ запада были переселены колонисты и расположены по границѣ съ востокомъ, съ цѣлью поставить преграду распространенію вліянія востока среди мадьяръ, а также и среди русскихъ, входившихъ въ мадьярскія владѣнія.

Особенно сильныя поселенія были около Татръ, сохранившіяся и до нашего времени. Конечно, все это было не безъ причины. Такой преградой изъ колонистовъ старались прекратить среди западнаго славянства распространеніе кириллицы. Правда, отъ этихъ колонистовъ теперь остались только нѣмцы. Но въ свое время здѣсь были и латиняне. Памятники о нихъ сохранились въ жупахъ: липтовской,² гевешской,³ боршодской,⁴ саболчской,⁵ землинской,⁶ но главнымъ образомъ на Спишѣ,⁷ гдѣ вмѣстѣ съ саксонцами составляли особую провинцію. На то ясно указываетъ одна грамота отъ 1280 г., составителями которой были „Elyes comes Saxonum et Latinorum et consules ceterique Saxones et Latini de provincia Scepusiensi“.⁸ Примѣтимъ къ тому, что эти латиняне также не всѣ изъ Италіи происходили. Въдъ нынѣшній Vlachy на Спишѣ, когда то Latina villa in Scepes,⁹ въ 1404 г. назывался городомъ Walendorf,¹⁰ что показываетъ на „gens Belga, quae loquitur recte gallice“. Во времена Людовика I-го упоминаются Gallici vallis Agriensis¹¹ Наоборотъ, представителя латинянъ изъ Волошской Лѣски, землинской жупы, въ 1201 г. король Эмерикъ называетъ граеросит-омъ; такое названіе въ то время было въ употребленіи въ сѣверныхъ частяхъ Франціи.¹²

Чтобы провести свою политику въ жизнь среди вновь покоренныхъ народовъ, Римъ сталъ слѣдовать правилу Алкуина, друга императора Карла Великаго, заявлявшаго, что „народами слѣдуетъ управлять по святымъ правиламъ, а не

¹ Bárdossy: Suppl. t. Scepus. 417.

² Wenzel III. 159, IX. 29, IV. 100; Fejér IV. 3. 209.

³ Fejér Cod. Dipl. IX. 7, 481.

⁴ Csánki I. 177.

⁵ Zichy Okmánytár VI. 191.

⁶ Csánki I. 337, 358

⁷ T. c. I. 253.

⁸ Zipser Anzeiger 1872, ч. 42.

⁹ Endlicher: Monum. Arpadiana 535.

¹⁰ Fejér Cod. Dipl. X. 4. 287.

¹¹ T. c. IX. 7, 481.

¹² Századok 1880, 552.

слѣдовать его желаніямъ... Не нужно слушаться тѣхъ, которые говорятъ: гласъ народа-гласъ Божій, потому что народныя массы отличаются неразуміемъ". И первое усиліе было направлено противъ мѣстной интеллигенціи, чтобы народъ оставить безъ водителей.

Въ первую голову обрушились на помѣщиковъ. Такъ какъ въ то время религія въ жизни играла главную роль, съ тѣхъ поръ, какъ мадьяры попали подъ вліяніе запада, естественно, что русскіе, входившіе въ рамки Мадьяріи, отождествлялись съ язычниками и потому нельзя ихъ было допускать къ римскому богослуженію, какъ „единственно христіанскому“, нельзя ихъ допустить къ принятію св. таинствъ, жениться на „христіанкѣ“, не разрѣшалось производить похоронъ на „христіанскомъ“ кладбищѣ и т. д. А послѣ этого какъ можно было за ними признавать право владѣнія на земли? Естественно, что этимъ правомъ могли пользоваться только въ томъ случаѣ, если они переходили въ лоно римской церкви, вновь крестились, а слѣдовательно оказывались въ рядахъ угнетателей и денационализаторовъ своего собственнаго народа.

Кромѣ того такимъ притѣсненіямъ способствовали мадьярскій законъ, по которому вся вновь прибрѣтенная территорія считалась простою добычей и поступала въ распоряженіе короны.

Съ потерей русскими самостоятельности, они утратили не только право на свои владѣнія, но населеніе было обращено просто въ толпу безправныхъ рабовъ. Правда, король имѣлъ право возвращать отобранныя владѣнія старымъ помѣщикамъ, но въ то же время онъ могъ отъ нихъ владѣнія отобрать и передать другому. Такъ стало, что въ 1263 году король Стефанъ отобралъ отъ Михаила Микова его владѣнія Сваляву и Чинадѣво, расположенныя въ то время у за-сѣчной линіи и передалъ ихъ нѣкому Аладару, придворному королевы, за его заслуги въ разныхъ посольствахъ.¹ Наоборотъ, Ладиславъ IV. въ 1284 году возвратилъ сыновьямъ нѣкогого Гала отобранныя отъ нихъ имѣнія Gereuelve и Felnemptir, возлѣ Ужгорода.²

Слѣдуетъ подчеркнуть, что лѣтописецъ вообще называетъ карпаторусскихъ бояръ безбожными. Конечно, они были

¹ Fejér Cod. Dipl. IV 3. 17.

² Wenzel т. с. IX. 390.

слабы и потому склонны къ измѣнѣ своему народу. Въ этомъ отношеніи особенно извѣстенъ Судиславъ, о которомъ сохранились свидѣтельства, а его потомки, подъ именемъ Зударовъ-Сударовъ, позже значительную роль играли въ мадьярской исторіи. Но всѣхъ осуждать нельзя, находились и вѣрные своимъ преданіямъ, какъ на примѣръ Петръ Петровичъ и его кружокъ, которые всею силою противостояли гоненіямъ и притѣсненіямъ. Но они были безсильны противъ насилій, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что отъ непослушныхъ отбирались владѣнія. Съ подобными признаками встрѣтимся и нынѣ.

Отобранныя владѣнія передавались чужестранцамъ. Такимъ путемъ попали въ сѣверо-восточную область Карпаты: Абы, Акоши, Руткеры изъ Тироля, Богатрадваны изъ Чехіи, Балогі, Гунтъ-Познаны, Гуткееды изъ Германіи, Другеты изъ Италіи и т. д. Новые помѣщики прибыли со своимъ дворомъ и экспонентами латинской церкви, чтобы способствовать дальнѣйшему разложенію русскости по примѣру Другета, который изъ Гуменова искоренилъ василіанъ, а на ихъ мѣсто помѣстилъ францисканцевъ или же по примѣру Николая изъ Перень, владѣтеля villae de Sancta Cruce, шаришской жупы, на западъ отъ Обишовець, по просьбѣ котораго папа Бенедиктъ XII въ 1340 году разрѣшилъ основать монастырь чина Fratrum Minorum. Эта грамота Бенедикта XII доказываетъ намъ то, что до того времени въ западномъ углу шаришской жупы жили исключительно русскіе. Николай въ своей просьбѣ указываетъ, что во всемъ районѣ живутъ только русскіе „schismatici“¹ и нѣтъ священниковъ латинской церкви, которые могли бы проповѣдывать его многочисленнымъ подданнымъ слово Божіе. Вотъ почему папа разрѣшилъ основать монастырь и къ тому же чина Fratrum Minorum. Пришельцы постепенно распространялись и по селамъ, почему въ нихъ кое-гдѣ встрѣчаемся съ такими нѣмецкими именами, какъ Штаркъ, Рейберъ, Шварць, Шпрохъ, Штренькъ и т. д.

О первоначальныхъ русскихъ помѣщикахъ въ Подкарпатѣ указываютъ сохранившіяся названія селъ: Данилово, Петрово, Буштинъ, Перечинъ, Сорочинъ и др. Изъ нихъ, на примѣръ, Перечинъ первоначально принадлежалъ нѣкому Переху, имя котораго указывается въ грамотѣ 1266 года, въ архивѣ рода Стары.²

¹ Wagner: Dipl. Sáros. p. 519.

² Sztáray Oklevéltár I. 11.

Также потомками первоначальных карпаторусских помѣщиковъ являются до нашего времени сохранившіяся фамилии Тарноцій и Тиса. Родоначальникомъ фамиліи Тарноцій былъ Младикъ „ruthenus“, которому въ 1262 году Бела IV. даровалъ землю Тарновець, въ турчанской жупѣ, за тѣхъ тридцать золотыхъ марокъ, которыя Младикъ одолжилъ ему передъ бѣгствомъ отъ татарь.¹ Родоначальникъ фамиліи Тисы, Theza ruthenus, придворный коволевы Маріи, въ первый разъ упоминается въ 1312 году.²

Въ Нижнемъ Землинѣ были извѣстны воеводы: Павелъ,³ память о которомъ сохранила Варадская Правда (1221—1229) и Бодъ — въ районѣ Лелеся-Чопа.⁴ Изъ его рода происходилъ Болеславъ, позже вацовскій епископъ de genere Vladiка, который въ 1214 г. лелесскому монастырю даровалъ села: Помочи, Поляна, Быстрица, Высока и Гумело при рѣкѣ Горна, недалеко отъ того мѣста, гдѣ сливаются Латорица и Угъ и имѣніе Zoluntha съ правомъ торговли, которое „tempore regis Emerici emerat totaliter cum habitatoribus et terra pro 82 marcis, a quibusdam mercatoribus de Russia venientibus“;⁵ Собиславъ de genere Петровичъ, его сынъ Петръ владѣлъ нынѣшними Михаловцами, которыя, какъ приданое невѣсты, перешли въ руки рода Стары.⁶

Въ 1266 г. между Григоріемъ, сыномъ Ната-Гната и его наслѣдниками и между родомъ Ластовець были установлены границы владѣній, при чемъ подчеркивалось, что граница отъ Переха „vadit ad sepulchrum ruthenorum, quod vulgo dicitur Mogula“.⁷

Король Робертъ, своимъ декретомъ 1321 г., отнялъ градъ Rogusthian въ Землинѣ отъ Петра, сына Петенька, память о которомъ сохранило село Петенье, за то, что пытался возвести на мадьярскій престолъ ducem ruthenorum;⁸ центромъ его имѣнія былъ градъ Bako — Барковъ (отъ беречь), съ 36 селами,⁹ среди которыхъ Избудья еще въ 1314 г. находилась надъ засѣчной линіей.¹⁰ Сюда входилъ и Сомоторъ,

¹ Tört. tár 1904, 81.

² Anjonkori Okm. I. 281, Komáromy A.: A borosjenői Tisza család ősei, Budapest 1896.

³ Adalékok Zemplén vármegye történetéhez 1906, 137.

⁴ Т. с. 1910, 197.

⁵ Fejér Cod. Dipl. III. I. 153 и 471.

⁶ Adalékok т. с. 1908, 67.

⁷ Т. с. 1908, 14.

⁸ Fejér VIII. 2. 292.

⁹ Adalékok 1902, 294.

¹⁰ Т. с. 1908, 197.

полученный еще въ 1265 г. отцомъ Петра, dicitur Petrua, въ даръ отъ Стефана.¹

Porusthian ничто иное, какъ Порошина, имѣние потомка Пороша, о которомъ сохранилась память въ названіи села Порошкова въ ужской жупѣ.

За участіе въ мятежѣ, Петръ, сынъ Петеньи, потерялъ свое имѣние, также и Ренеловъ, его сосѣдъ и товарищъ; послѣдняго имѣние Паздичъ получилъ Михаилъ de genere Ákos, отъ котораго произошла мадьярская фамилія Паздичей.²

Андрей II. въ 1218 г. остригольскому архіепископу Іоанну даровалъ виноградники въ Погранѣ, нитранской жупы, которыя были дарованы „prius Ladislao ruteno“³.

Петръ Зударъ de genere Судославъ получилъ въ 1280 г. Маковицу,⁴ а въ 1286 г. Фома Толпошъ ruthenus Мочолю и Градиско въ шарішской жупѣ.⁵

Андрей III. Доминику rutheno даровалъ землю Либеле,⁶ онъ въ 1304 г. былъ зволенскимъ жупаномъ. Однако король Робертъ въ 1340 г. упомянутую землю отъ него отнялъ.⁷

Изъ рода Монославовъ, который былъ въ связи съ княжескимъ домомъ Ростиславичей, происходилъ Лодомиръ, прежде варадскій епископъ, позже остригольскій архіепископъ.⁸

Яковъ, послѣдній спишскій русскій епископъ, имѣлъ двухъ братьевъ: Іоанна и Станислава и одну сестру, отъ которой произошла мадьярская фамилія Farkasfalvi. Іоаннъ имѣлъ пять сыновей, изъ которыхъ Яковъ былъ уже плебаномъ въ Кошицахъ. Его внукъ Яковъ былъ государственнымъ судьей, а правнукъ Іоаннъ — загребскимъ епископомъ, позже — колоцкимъ, а въ концѣ — неапольскимъ архіепископомъ; скончался въ 1409 г. Такъ какъ у Станислава не было дѣтей, то съ его смертью эта фамилія прекратилась.⁹

Значительную роль играли въ мадьярской исторіи Мишковцы, также вышедшіе изъ среды карпаторусскихъ дворянъ, которые, пребывая въ Боршодѣ, быстро омадьяризовались. Также вышли изъ карпатороссовъ фамиліи: Боксы, Борши

¹ Т. с. 1902, 161.

² Adalékok 1902, 204.

³ Knauz N.: Monum. Eccl. Strigon. I. 218.

⁴ Wenzel VIII. 241, Károlyi Codex 21, Bárdossy: Suppl. t. Scepus 256.

⁵ Bárdossy т. с. 257.

⁶ Fejér V. 250.

⁷ Т. с. IV. 31.

⁸ Bárdossy: Annal. ter. Scepus 293.

⁹ Ср. Századok 1897, 788.

и Текулы. Эти фамилии по историческим данным явились въ сѣверо-восточную область Карпатъ первыми. Боксы и Борши находились между собою въ родствѣ.¹ А Борши и Текулы участвовали въ заговорѣ Петра Петеньки въ пользу Романовичей противъ Анжувей и результатомъ этого заговора стало, что имѣніе Боршовъ было конфисковано,² Текулы же обороняли шаршшскій замокъ отъ нападенія Анжувей.³

Въ пору татарскаго нашествія самымъ сильнымъ помѣщикомъ на Подкарпатѣ былъ князь Ростиславъ.⁴ Центромъ его владѣній былъ замокъ Чичва въ Землинѣ.⁵ Вслѣдствіе неудавшагося его возстанія противъ князя Романа, онъ свое имѣніе передалъ тестю, Белѣ IV-му, на дочкѣ котораго, по имени Аннѣ, онъ былъ женатъ, а въ замѣнъ получилъ мачовское княжество, около рѣки Колубара, въ нынѣшней сѣверной Сербіи. Въ 1254 году онъ былъ уже Dominus de Maschou.⁶ Здѣсь онъ во многомъ способствовалъ мадыраамъ продвинуть впередъ ихъ засѣчную линію.

Стефанъ V. въ 1270 году даровалъ нѣкоему Рейнольдъ, родоначальнику фамилии Розгонъ,⁷ Чичву, съ принадлежащими къ ней имѣніями.

Къ тому добавимъ, что еще въ 1299 году бережскимъ жупаномъ былъ русскій, нѣкій Григорій, Ruthenorum ducis officialis, который въ томъ же году въ Береговѣ съ четырьмя служными производилъ судъ въ дѣлѣ одного спорнаго владѣнія.⁸

За разрушеніемъ русскаго дворянства, римская политика была направлена противъ стараго русскаго городского сословія, вплоть до прекращенія русской коммерческой жизни.

Ясно, что съ развитіемъ латинской церкви право торговли получали только ея члены. Чтобы задушить русскую торговлю, члены латинской церкви обособились отъ „язычниковъ“. Еще Бела IV далъ право нѣмцамъ изъ Кежмарка, чтобы „villicum inter se eligant de communi voluntate, qui omnes causas eorumdem decidere debeat... Praeterea Forum liberum.

¹ Wenzel: Árpádk. okm. XII. 207.

² Anjouk. Okm. II. 394.

³ Fejér VIII. 1. 478.

⁴ Wenzel: Rosztiszlav herczeg, Budapest 1887.

⁵ Wenzel: Árpádk. Okm. XII. 12 14.

⁶ Fejér IV. 2. 218 и 314.

⁷ Wenzel: XII. 12—14.

⁸ Fejér VI. 2. 217.

Item in campia solvent more Saxonum aliorum, non praeposito Scepusiensi, sed sacerdotibus propriis. „Также“ cimiterium liberum, „чтобъ“ ne misceri debeant cum slaviss, quorum distinctae Kesmarkini, Leutschoviae, Igloviae, Olaszini et Váralye parochiales Ecelesiae ac Domus hodieum supersunt, rectores vero earum veteri vicariorum nomine veniunt“.¹

Тоже самое происходило и въ другихъ мѣстахъ. Съ подобнымъ обособленіемъ католиковъ въ скоромъ времени при древнихъ русскихъ городахъ возникли новые, чуждые русскимъ, какъ по національности, такъ и по вѣроисповѣданію. Такъ при Alte-Leutsch появилась новая villa Lywche, нынѣшняя Левоча, на сѣверъ отъ старой,² при Windisch-Leibicz, Deutsch-Leibicz³ и т. д.

Какъ только завершилось обособленіе торговаго класса латинской церкви, имъ было предоставлено право возвести вокругъ своихъ поселеній оборонительныя стѣны и постепенно было введено право торговли и промышленности только для членовъ католической церкви внутри огороженныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ русскіе съ своей кириллицей остались внѣ стѣнъ и безправными. Чужестранцы же, огражденные отъ нападений, свободно могли жить и благоденствовать на русской землѣ. Для русскихъ ремесленниковъ и купечества ничего не оставалось, какъ примкнуть къ пришельцамъ и перейти въ католическую церковь. Такъ появились въ новыхъ городахъ русскіе съ фамиліями, какъ Winder, Windisch, Windek, чтобы у прочихъ произошла германизация и въ именахъ. Въ этихъ новыхъ городахъ, окруженныхъ стѣнами, русскій человѣкъ не имѣлъ права на куплю и постройку дома и тѣмъ болѣе не имѣли право основать свою церковь. Поэтому со временемъ, когда стѣны разрушились, то старое русское обѣднѣлое мѣщанство очутилось на окраинѣ городовъ, что мы наблюдаемъ и въ наше время.

Не избѣжала насилій и русская церковь. Къ какимъ средствамъ для этого прибѣгали, достаточно указать намъ на распоряженіе папы Григорія XI отъ 14 іюля 1372 года, къ краковскому епископу, въ которомъ ему приказывалось русскихъ епископовъ изгнать со свей территоріи brevi manu.⁴ Католическую ненависть къ русской церкви характеризуетъ

¹ Bárdossy: Suppl. ter. Scepus 223.

² Szepes vm. tört. kiad. IV. 16 и V. 146.

³ Т. с. IV. 79.

⁴ Theiner, Monum. Polon I: 675.

то, что изъ склеповъ великолѣпнаго перемышльскаго собора были выброшены прахи русскихъ усопшихъ, соборъ былъ разобранъ, часть камней выбросили въ рѣку Санъ, чтобы не пахло русскостью, а изъ остальной части построили новый католическій костель, существующій и въ наше время, который былъ переданъ новоучрежденному латинскому епископству. Русскія церкви не считались христіанскими, о чемъ ярко подчеркиваютъ грамоты.¹ Въ Польшѣ восточное богослуженіе называлось идололатріей, церкви сравнивались съ еврейскими синагогами или считались какъ простой *fundus instructus*, зачастую церкви вмѣстѣ съ имѣніями сдавались въ аренду евреямъ, отъ которыхъ зависѣло дать-ли православнымъ церковь для богослуженія или же нѣтъ.² Въ городахъ больные православные могли вызывать къ себѣ священника только тайнымъ путемъ, умершихъ днемъ хоронить не разрѣшалось, а если гдѣ случайно и разрѣшали, то похороны производились безъ пѣнія и свѣчей. Всѣ привилегіи, которыми русская церковь пользовалась при русскомъ правленіи, были уничтожены, священники были приравнены къ обыкновеннымъ мірянамъ, подвергались не суду епископовъ, а гражданскимъ судьямъ и прежде всего были въ полной зависимости отъ гладиаторскаго права помѣщика, въ имѣніи котораго изъ ласки пребывали. Замѣтимъ, что въ случаѣ перехода изъ православія въ католическую церковь, повторное крещеніе запретилъ только папа Александръ VI въ 1501 году буллою *Altitudo divini consilii*.

Естественно, что при такомъ всестороннемъ насиліи, русскіе Карпаты, предоставленные только собственнымъ си-

¹ Лелескій конвентъ въ г. 1418 нашель „in Sarkad . . . duas Capellas ligneas, unam christianorum cum turri ligneas, aliam Ruthenorum, ambos cum cimeterio et sepultura“, „in Makaria . . . duas Capellas ligneas, unam christianorum, aliam Ruthenorum, ambas cum cimeteris“, „in Dolha Capellam ligneam Ruthenorum cum cimeterio et sepultura . . .“ Лелесъ, Actor. 1418 ч. 24.

² См. Галицкій ист. сборникъ. Львовъ 1860 III. ст. LXXV нръ 37. О томъ свидѣтельствуетъ и каноникъ Львовскаго латинскаго капитула I. Юзефовичъ, въ своемъ сочиненіи: „*Annales urbis Leopoliensis, tomus extravaganс N° 252*, говоря: *Audivi ab antiquioribus nostris, rerum scientiam habentibus, quod tantum in partibus illis insolens dominatio Polonorum processerat, ut recutitae Judaerorum genti (обрѣзанному жидовскому народу) super ecclesias jus tribuerat. Non enim presbyter, vulgo pop, sacramenta baptismi, matrimonii aliaque in ecclesia administrare parochianis suis licitum habebat, nisi prius a clavibus Judaeo (quos semper ad manus arendatoris deferre, et dononere cogebatur), constitutam a domino pensionem persolveret. Haecum tanto abusu et praeejudicio fidei Christianae erant, judicet posteritas fidelium*“. Объ этомъ говоритъ также современный писатель, Самуиль Грондскій, въ сочиненіи: „*Historia belli Cosaco-Polonici, conscripta 1676*. изд. въ Пештѣ 1789 г. стр. 15.

ламъ, не могли противостоять такому террору и потому, съ каждымъ днемъ оттѣсняемые все больше въ горы, теряли свои историческія земли.

При такихъ невозможныхъ обстоятельствахъ прекратила свое существованіе и карпаторусская литература. Даже замолкли слѣпцы и калѣки, а съ ними вмѣстѣ исчезли и былина и гусли, на ихъ же мѣсто появились бандуры и думы, грустною печалью рисовавшія жизнь и страданія бѣднаго, въ рабство попавшаго народа, что ярко подчеркиваетъ народная пѣснь:

„Добри было нашимъ быкамъ за давныхъ лѣтъ жити,
Доки не знали наши батьки панщину робити.

Зразу сыли добры паны, лехки на роботу:

Цѣлый тыждень собѣ роби, панови въ суботу.

Якъ настали лихи паны, тяжки на роботу:

Цѣлый тыждень на панщинѣ, толока въ суботу...“

Конечно, карпаторусскому народу при Арпадахъ жилось все же легче, потому что въ силу сложившихся обстоятельствъ Арпады, хотя и пресмыкались передъ Римомъ, но душою стремились больше къ востоку. Съ приходомъ же Анжуйской династіи, унаслѣдовавшей права Арпадовъ, послѣдняя надежда карпаторуссовъ на снисхожденіе исчезла. Тому причиною были два обстоятельства. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что Анжуйцы были родомъ изъ Италіи, являвшейся епископіей Рима, который прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы на мѣсто ненадежныхъ Арпадовъ возвести на мадьярскій престолъ Анжуйцевъ, а тѣмъ самымъ укрѣпить за собой владычество въ Мадыаріи. При томъ необходимо подчеркнуть, что въ пику проискамъ Рима выставлялись, какъ кандидаты, на мадьярскій тронъ, со стороны востока, потомки Романовичей — Андрей и Левъ, князья Червонной Руси. Во главѣ этого движенія стоялъ знатный мадьярскій царедворецъ Копась, а переговорами руководилъ Петръ, сынъ Петенька, изъ Сѣчовець. Однако, пока Романовичи являвшіеся внуками Бѣлы IV-го, на дочери котораго Констанць былъ женатъ ихъ дѣдъ Левъ I-й, и имѣли нѣкоторое право на престолъ, только рѣшались, ловкій папскій кандидатъ уже находился въ Вудинѣ и, чтобы не терять правъ и времени, предиринялъ наступленіе противъ сѣверо-восточныхъ князей. Контръ-наступленіе подготовлено не было и Карлъ Робертъ надъ обезкураженнымъ

противникомъ одержалъ рѣшительную побѣду при нынѣшнихъ Капушанъ шаришской жупы.¹ Чтобы потомъ удержать за собою занятую территорію, и не жить въ постоянной опасности, со стороны новаго короля были приняты рѣшительныя мѣры. Латинизація стала проводиться съ новой силой еще и потому, что по соображеніямъ Рима, Мадьярія должна была служить передовымъ пунктомъ къ дальнѣйшему распространенію католицизма на востокъ, чѣмъ она фактически и была при Людовикѣ I-мъ. Чтобы среди карпато-русского народа вся акція проводилась по задуманному плану, Карль Робертъ передалъ всю территорію подъ надзоръ итальянцу Другету, даруя ему еще въ 1322 году имѣніе Гумена въ Землинѣ, а въ 1342 году — Плавечскій замокъ на Попрадѣ, о чемъ грамота замѣчаетъ: „pro majori et certiori tuitioni et defensione confiniorum regni nostri circa Poloniam et Rutheniam“.²

Но этому усилію помѣнило неожиданное обстоятельство. Дабы какъ нибудь противустоять новому игу, народъ бросалъ долины и бѣжалъ въ горы, на болѣе неприступныя территоріи. Движеніе приняло вскорѣ такіе размѣры, что и правительство сочло необходимымъ вмѣшаться въ него. Въ 1345 году король послалъ приказъ Рикольфу шаришскому, родомъ изъ Брезовицы, а также землинскому и ужскому жупанамъ, чтобы они всѣми силами и способами поспѣшили воспрепятствовать этому движенію.³

Естественно, что тѣ новые помѣщики, которые были одарены королями, вслѣдствіе этого движенія оказались въ весьма неприятномъ и затруднительномъ положеніи. Необходимо имѣть въ виду, что Карпаты вовсе не предназначены природой къ занятію земледѣліемъ. Самъ Богъ опредѣлилъ этотъ край для скотоводства. Каменистая почва горъ способна производить только овесъ, да картофель, но тѣмъ не менѣе она представляетъ несомнѣнное богатство для скотоводства, благодаря своей лѣсисности, пастбищамъ и воднымъ источникамъ. Когда зима поворачиваетъ на весну, отъ дуновенія южныхъ вѣтровъ таятъ снѣга, шумятъ-гремятъ водопадами горныя рѣчки и рѣченки и черезъ нѣсколько недѣль вся мертвая полоса покрывается густыми травами, буйными

¹ Fejér: Cod. Diplom. VIII. 2. 292, VIII. 6. 60; Anjoukori Okmánytár IV. 263.

² Anjouk. Okm. IV. 263.

³ Tóth S.: Sáros vármegye monografiája III. 131.

злаками и несмѣтными коврами горныхъ цвѣтовъ. По словамъ народной пѣсни:

Урадуется весь міръ на земли —

Горы, долины та и полонины . . .

Такъ какъ почва въ этихъ мѣстахъ не пригодна для земледѣлія, зачѣмъ же человѣку насиловать природу, зная, что для него отъ этого немного будетъ пользы? Ревъ скота, блеянье овецъ и ягнятъ — вотъ что исключительно заполняло воздухъ. Естественно предположить, что при такомъ промыслѣ здѣсь не могли образоваться постоянныя села, какъ это мы видимъ въ настоящее время. Существовали только центры, каковыми въ первую очередь являлись святилища, куда народъ сходилъ въ праздничные дни и куда собирался коротать долгую зиму. Поэтому многія горныя вершины и получили чисто мифологическія названія. Позже эти горныя центры замѣнили монастыри, возлѣ которыхъ совершался торгъ и обмѣнъ продуктами.

Пока здѣсь было русское владычество, не было никакихъ причинъ къ перемѣнѣ образа жизни. Но, когда русскость утратила свое главенствующее значеніе съ приходомъ сюда чужихъ помѣщиковъ, естественно, что горныя области, охваченныя русскимъ движеніемъ, оказались для нихъ вовсе бесполезными. Съ отходомъ же значительной части населенія въ горы, для помѣщика потеряли значеніе и долины, тѣмъ болѣе, что онъ все время подвергался опасности со стороны недовольнаго, ушедшаго въ горы и закаленнаго въ борьбѣ съ опасностями дикой природы, народа. Вотъ почему у гуцула и на полонинѣ до сихъ поръ торчитъ ножъ. Въ тѣ же давнія времена весь горный народъ былъ вооруженъ, Богъ вѣсть какими путями занесеннымъ въ горы, оружіемъ. До конца XVIII вѣка, пока правительству не удалось народъ обезоружить, каждый полонинскій мужчина былъ вооруженъ ружьемъ, часто янычаркою, пистолетомъ, кинжаломъ и т. п.

Чтобы обезпечить возможность спокойной жизни, помѣщики, въ силу вышесказанныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, принуждены были сами позаботиться о усмиреніи горъ. Тутъ и опрьдѣлилось призваніе шолтисовъ и кенезовъ. Естественно, что къ этой роли болѣе всего соотвѣствующими являлись свои люди. Но, чтобы найти подобныхъ людей изъ среды русскихъ, необходимо было притти на помощь самому правительству. Поэтому король, чтобы ослабить это движеніе,

былъ склоненъ возвратитъ нѣкоторымъ изъ прежнихъ владѣльцевъ имѣнія и прежде всего тѣмъ, кто способствовалъ удушенію русскости. Такими на примѣръ явились Боксы, Текулы и Зудары (Судари).

Такъ какъ Русь въ то время попала подъ татарское иго, а Галичемъ завлѣла Польша, то далѣе уже совершенно некуда было изъ горь бѣжать.

Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ борьба съ правительствомъ сильно осложнялась, если принять во вниманіе тѣ выгоды, которыя правительство представляло народу: кто возвратится на свои мѣста или вообще пожелаетъ поселиться вновь, тому давался на вѣчность земельный надѣлъ, правда въ аренду; разрѣшалось на этомъ надѣлѣ возводить свои хозяйственныя постройки, которыя поселившійся, какъ свою собственность могъ продать. Чтобы населеніе могло окрѣпнуть матеріально, за надѣльную землю въ теченіе 12—20 лѣтъ арендная плата не взималась. Кромѣ того каждый могъ свободно исповѣдывать свою религію.

Посредниками между населеніемъ и помѣщиками, которыхъ подерживало правительство, были шолтисы-кенизы, которымъ обѣщалось, что они за свою работу получаютъ въ собственность, съ правомъ продажи, двойной надѣлъ земли, разрѣшалось строить водяныя мельницы, а въ вмѣстѣ они были назначены старостами. Работа шолтисовъ имѣла успѣхъ и въ скоромъ времени часть населенія возвратилась на свои, старыя мѣста, а часть приступила къ новымъ поселеніямъ на отведенныхъ участкахъ.

Размѣръ земельного надѣла не былъ одинаковъ: въ зависимости отъ количества свободной площади и отъ качества земли колебался между 12—24 нынѣшними утрами, почему и арендная плата установилась въ четверть марки за утро, что приблизительно равняется Кч. 350.

Помѣщики, ради собственныхъ интересовъ, вначалѣ соблюдали обѣщанныя населенію выгоды, но не дальше перваго поколѣнія, а потомъ увеличили арендную плату и, наконецъ, стали взимать подати съ населенія натурой. А потому жизнь для народа стала несносной. Если бы притѣсненіе распространилось не только на матеріальную сторону, но и коснулось религіи по старымъ методамъ, то безспросно, что отъ русскихъ въ Карпатахъ осталось бы только одно историческое воспоминаніе.

Хотя русскіе и дальше презирались, но вниманіе отъ востока было отвлечено событіями, совершившимися на югѣ, именно быстрымъ подъемомъ турокъ, которые въ скоромъ времени стали угрожать и Мадьяріи. При томъ нельзя забывать, что со смертью Маріи, дочери Людовика, династія Анжуйевъ прекратилась и на престолъ былъ избранъ Сигизмундъ изъ Люксембурга, родомъ нѣмецъ, у котораго уже въ крови была ненависть противъ Рима, а одновременно въ западной церкви вспыхнулъ раздоръ и начала появляться реформація.

Благодаря такимъ обстоятельствамъ русскіе въ Карпатахъ національно спаслись. Не мало ихъ національному спасенію способствовало прибытіе въ концѣ XIV столѣтія Феодора Кріатовича, который поселился въ мукачевскомъ имѣніи, полученномъ имъ въ даръ отъ короля Сигизмунда, а потомъ это имѣніе, послѣ смерти семьи Коріатовича, въ 1426 году было передано Георгію Бранковичу. Ясно, что какъ Коріатовичъ со своей свитой, такъ и Бранковичъ карпатороссамъ въ національномъ отношеніи были на помощи и съ ихъ содѣйствіемъ русскость въ Карпатахъ укрѣпилась. Съ помощью Бранковича здѣсь были поселены не мало сербскихъ семействъ, бѣжавшихъ отъ турокъ и собственно возвращавшихся въ свою старую землю, которую они оставили еще во времена императора Гераклія. Интересно, что сербы свои посенія называли Бѣлградомъ. Такъ память объ этихъ поселеніяхъ въ названіи сохранилась: на юго-востокъ отъ Токая, уже саболчской жупы, есть и нынѣ пустошь Belegrád, также часть села Hernád — Как называется Бѣлградомъ, а въ мѣстечкѣ Szántó абауйской жупы, такъ называется одна улица и тамъ же одаи лука, возлѣ села Alsó-Czécze, тоже называется Belegrád-омъ, больше того, даже и въ Гельницѣ на Спишѣ встрѣтимся съ названіемъ межи Belegrád и т. д.

Конечно, было бы несправедливо не отмѣтить, хотя бы косвенныхъ, заслугъ гуситизма передъ русскими въ Карпатахъ за то, что онъ, ведя борьбу противъ римскаго империализма, тѣмъ самымъ парализовалъ, правда на короткое время, его работу въ Карпатахъ среди русскаго населенія. При борьбѣ гуситовъ съ Римомъ, а въ то же время и освобожденіи Руси отъ татарскаго ига и ея быстрымъ подъемѣ, для русскихъ Карпатъ складывалась благоприятная обстановка.

Если все же положеніе карпатороссовъ, при такой благопріятной обстановкѣ, не улучшилось, то причины тому заключаются въ томъ, что Русь, послѣ своего освобожденія отъ татарскаго ига, сама требовала долгаго времени, чтобы оправиться отъ глубокихъ ранъ, нанесенныхъ ей татарскимъ нашествіемъ и поэтому она не могла выступить сейчасъ ежъ противъ запада, гдѣ въ то время вспыхнули войны. Русь только съ Петромъ Великимъ выявила свое великое могущество. Наоборотъ, хотя среди западныхъ народовъ и происходили войны и ссоры, но въ отношеніи Руси они всѣ были согласны. Западъ не могъ смотреть спокойно на ея быстрый подъемъ и отъ нихъ не ускользнуло то обстоятельство, что русскіе цари, начиная съ царя Ивана Васильевича III, приняли званіе „царя всея Руси“, что понималось, что Русь не забыла о своихъ, насильственно оторванныхъ въ періодъ татарскаго нашествія земляхъ. А потому уже въ 1471 году въ Мадьярію прибылъ кардиналъ Маркъ, уговорить короля Матвѣя, чтобы онъ постарался остатки русскихъ *reducendi aut exterminari di tpenitus delendi in Hungaria*.¹ Правда, король Матвѣй рѣзко подчеркивалъ, что онъ не допуститъ, чтобы папа, руководствующійся мірскими, властолюбивыми интересами, наложилъ свою власть и на мадьярскаго короля.² Однако его такую рѣшительность было бы ошибочно разсматривать какъ защиту русскихъ, то было просто знакомъ времени, когда отдѣльные народы выходили изъ сѣтей римскаго империализма, находя поддержку въ реформаціи, съ ея народнымъ языкомъ при богослуженіи.

Ненависть Рима противъ Руси и вообще русскихъ еще болѣе усилилась послѣ того, какъ его повторныя попытки заполонить Русь, кончились неудачами, чему показателями были: Флорентійскій соборъ, бракъ царя Ивана Васильевича на дочери Константина, послѣдняго императора Византіи и посольство, высланное въ Москву при царѣ Иванѣ Грозномъ.

Наканунѣ этой новой эры 29 августа 1526 произошла битва при Могачѣ.

Петровъ совершенно упустилъ изъ виду, что эту битву предупредило въ 1514 г. крестьянское возстаніе, которое охватило цѣлую Мадьярію. Однако мятежъ, лишенный подходящей организациі, окончился неудачей. Чтобы отомстить

¹ Theiner II. 432.

² Fraknói V.: Egy pápai követ Mátyás udvaránál, Olcsó könyvtár 1218 и 1220 ч., 8 и 115 ст.

за мятежь, дворянство, своимъ постановленіемъ на собраніи отъ 18 октября, прямо сковало народъ рабскими цѣпями. Отъ него отнялось даже право переселенія, а наказанію подверглись не только участвовавшіе въ возстаніи, но даже и дѣти за грѣхи своихъ отцовъ.

Конечно, владычество турокъ не было пріятнымъ для дворянства, но для крестьянъ онъ былъ облегченіемъ, потому что съ приходомъ турокъ, въ занятыхъ ими областяхъ, теряли свою силу законы 1514 г., а храбрость и смѣлость представили для поработеннаго народа случай къ подъему. Къ тому необходимо прибавить, что турецкое владычество не касалось ни религіи, ни языка подданныхъ. Напротивъ, какъ это указываютъ свидѣтельства, они сами приспособлялись къ языку покоренныхъ: паши изъ Будина вели переписку даже съ вѣнскимъ правительствомъ по мадьярски; Паша Оросланъ въ 1565 г. просилъ Вѣну, чтобы съ нимъ сообщались исключительно по мадьярски, ибо въ его распоряженіи нѣтъ лицъ, владѣющихъ латинскимъ языкомъ.¹

Поэтому не было причины къ тому, чтобы народъ бѣжалъ отъ турецкаго владычества. Если бы дѣйствительно народъ отъ него бѣжалъ, то тогда бы поднялся вопросъ, гдѣ же скрывались толпы этихъ бѣженцевъ? Вѣдь самъ Петровъ утверждаетъ, что мадьяры дошли только до Оркуты въ Шаришѣ, а въ Земплинѣ до Вранова и въ то же время турецкое владычество простиралось на области нижняго Землина и нижняго Абауйя. А изъ этого естественно встаетъ вопросъ: какъ можно допустить, чтобы эти мадьяры, пребывая здѣсь, обрусѣли, а потомъ, возвращаясь назадъ въ долину, стали по вѣрѣ предками нынѣшнихъ русскихъ, если появленіе русскихъ на южномъ склонѣ Карпатъ усилилось только съ началомъ XVIII вѣка.²

Ясно, что отъ турецкаго владычества бѣжали только дворяне, съ своими приближенными, народъ же радовался, что освободился отъ мучителей и притѣснителей. Напримѣръ, когда въ 1536 году турки приближались къ Пожегѣ, то народъ связавши начальника крѣпости, передалъ въ руки турокъ его и крѣпость. Тоже самое повторилось и въ другихъ

¹ A budai basák magyar nyelvü levelezése. A Magy. Tud. Akad. megb. szerk. Takács S., Eckhart F., Szekfü Gy., Budapest 1915.

² Петровъ: Матеріалы VI. 157.

³ Margalits Ede: Horvát-Magyar Repertorium, II. 739.

мѣстахъ.³ Народъ повсюду привѣтствовалъ турокъ, какъ освободителей и именно эти обстоятельства помогли ихъ успѣху.

Все то движеніе, которое можно здѣсь прослѣдить отъ битвы при Могачѣ до XVIII столѣтія, произошло по причинамъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Должны подчеркнуть, что битва при Могачѣ поставила Мадьярію въ безвыходное положеніе. Только кончилось крестьянское возстаніе 1514 года, какъ случилась новая бѣда, именно въ битвѣ при Могачѣ былъ убитъ король Людовикъ II-й. И для мадяръ всталъ вопросъ: что дѣлать, гдѣ найти выходъ, чтобы избѣжать паденія?

Вольшинство, опираясь на законъ 1505 года, который гласилъ, что престолъ не можетъ занять чужестранецъ, спѣшно избрало королемъ Іоанна Запольяго и находилось въ томъ убѣжденіи, что передъ лицомъ опасности всѣ объединятся.

Другая часть дворянства, не рассчитывая на собственныя силы, заискивала передъ Габсбургами, которые уже давно простирали свои руки на Мадьярію. Эта группа, во главѣ съ начальникомъ будинской крѣпости, Іоанномъ Борнеисомъ, 15 декабря 1526 г. провозгласила за короля брата императора Карла V-го, Фердинанда I-го, который былъ женатъ на сестрѣ убитаго короля Людовика II-го, Аннѣ.

Такъ Мадьярія распалась на три части. Весь югъ былъ въ рукахъ турокъ, западъ попалъ въ руки Габсбурговъ, а націоналисты стянулись въ Семиградъ, гдѣ образовалось особое княжество съ цѣлью защитить и сохранить мадыарскую самостоятельность.

Та ненависть между этими борющимися группами была усилена религиозными спорами. Націоналисты приняли реформацію,¹ а Габсбурги провозгласили контрреформацію.

¹ Слѣдуетъ намъ подчеркнуть, что это движеніе въ своемъ началѣ захватило почти весь мадыарскій этносъ. Къ нему приступило и дворянство, даже и въ самой латинской іерархіи нашло сочувствующихъ. Вѣдь трудно было устоять отъ реформаціи и іерархіи, которая жила въ ту пору совершенно мірскою жизнью, почти безъ всякаго религіознаго чувства. Напримѣръ: Ладиславъ Салкай вступилъ уже на ягерскій престолъ, хотя еще не былъ священникомъ, а въ 1524 г. досталъ даже остригомскій престолъ, хотя былъ всего лишь „in minoribus constitutus“ (Fraknoi V.: A magyar kir. kegyuri jog története, Budapest 895. 216 ст.). Подманицкій, епископъ нитранскій, былъ рукоположенъ 2 февр. 1513 г., а 6 февр. 1513 г. получилъ уже хиротонію, совершая литургію въ первый разъ лишь 17 апр 1513 г. (Knanz N.: A pozsonyi kápt. kéziratai 1870, 26 ст.) Георгіи Сатмари былъ бѣлоградскимъ протоіереемъ въ 1495 г., а въ 1497 г. получилъ семиградскую препозитуру и въ томъ же году безъ рукоположенія сталъ веспримскимъ епископомъ; послѣ былъ переведенъ въ Варадъ, а отсюда на престолъ въ Печъ, но лишь въ 1506 г. служилъ первую литургію (Századok 1903, 226—7).

Каждая группа имѣла одну и ту же цѣль-уничтоженіе противной стороны. Но къ тому не хватало собственныхъ силъ. Хотя Габсбурги были и могущественнѣе, но ихъ силы парализовались съ одной стороны внутренней борьбою въ самой Германіи, а съ другой — мѣшали турки.

Въ виду того, что Габсбурги двигались съ запада на востокъ, націоналисты шли имъ навстрѣчу и наоборотъ, съ юга врѣзывались клиномъ турки, то мѣстомъ столкновенія, естественно, должна была быть сѣверо восточная область, именно мѣстопребываніе русскихъ, на національномъ уничтоженіи которыхъ сходились обѣ враждующія стороны.

При такихъ обстоятельствахъ и безъ того тяжелая судьба карпатороссовъ становилась прямо таки невыносимой. Въдѣ тяжесть войны ложилась прежде всего на мѣстное население. Подати были неимоверно высоки: за нихъ брали даже лошадей, коровъ и т. п., а потому въ шаршской жупѣ уже въ 1535 г. одинъ плугъ¹ приходился на двух-трехъ крестьянъ.

Въ силу такихъ обстоятельствъ, среди угнетеннаго народа вспыхнули возстанія.

Во главѣ нѣкоего Гавріила Карачона уже въ 1569 г. вспыхнуло возстаніе около Тисы.²

Въ 1631 г. тамъ же вспыхнуло второе возстаніе. Этимъ руководилъ нѣкій Петръ Чисаръ. Оно охватило жупы: Абауй, Берегъ, Боршодъ, Шаришъ, Саболчъ, Турня, Ужъ и Землинъ, слѣдовательно сѣверо-восточную область Карпаты.³

Но сила была за правительствомъ и оно войсками постепенно возстанія подавило. Что было потому дѣлать бѣдному народу?

Народъ отъ насилій бѣжалъ въ разныя стороны: на сѣверо-востокъ бѣжавшіе стягивались въ горную область, на югъ бѣжали къ туркамъ, а на западъ — въ Австрію и Моравію. Чтобы возвратить иза Австріи и Моравіи бѣжавшихъ назадъ къ помѣщикамъ, въ 1574 году былъ изданъ XXX законъ. Насколько было невозможное гоненіе и притѣсненіе, указываетъ отъ 2 іюля 1672 г. докладъ посла Пармы, въ которомъ говорится, что во время пребыванія на охотѣ на мадьярской границѣ короля Леополда I, къ нему явились 1500 мужиковъ изъ имѣнія фамиліи Баттанъ, съ просьбой

¹ Tóth S.: Sárosvárm. Monografiája II. 192.

² Acsádi I.: A magyar jobbágyság története, Budapest 1906, 261.

³ Történelmi tár 1899, 495—6.

улучшить ихъ положеніе, въ противномъ случаѣ они сбѣгутъ подѣ турецкое владычество.¹ Генераль Штрассольдо 20 февраля 1676 года свидѣтельствуесть, что многіе изъ бѣжавшихъ къ туркамъ перешли въ магометанство.²

Наиболѣе несносное положеніе было на сѣверо-востокѣ, гдѣ народъ не могъ найти убѣжище и въ Карпатахъ, такъ какъ татары при своихъ набѣгахъ иногда переправлялись и черезъ Карпаты. Вотъ поэтому и возстанія всегда исходили отсюда.

Въ болѣе лучшимъ положеніи оказывались бѣжавшіе къ туркамъ, что доказывается свидѣтельствами о быстромъ ростѣ изъ года въ годъ числа населенія. Посоль графъ Леслие во время своего путешествія въ 1665 году изъ Вѣны въ Царьградъ просто удивился надъ развивающимся хозяйствомъ на пути отъ Острогомла до Бѣлграда.³ Когда Габсбургамъ удалось захватить отъ турокъ эту территорію, численность населенія сразу уменьшилась, потому что народъ отошелъ съ турками, опасаясь притѣсненій со стороны новыхъ освободителей. Интересно, что турки были удивлены тѣми притѣсненіями надъ крестьянствомъ, которыя царили на королевской территоріи. Это подтверждаетъ письмо будинскаго паши отъ 1631 года къ мадыарскому придворному графу Николаю Эстергазу.⁴ Объ этомъ отношеніи турокъ къ крестьянству зналъ народъ, почему всѣ возстанія имѣли цѣлью передать территорію въ руки турокъ. Тому лучшимъ доказательствомъ служить возстаніе 1631 года, поднятое Петромъ Чисаромъ, который открыто вошелъ въ сношеніе съ пашою изъ Ягра, за что и былъ розсѣченъ при захватѣ въ плѣнъ на четыре части. Но эта жестокость не устарила народъ, а наоборотъ, онъ еще болѣе сталъ способствовать продвиженію турокъ, которое распространилось мало по малу до самой горной области.

Конечно, при постоянныхъ войнахъ не мало погибло народу. Однако въ дѣйствительности объ истребленіи можно было говорить только въ пограничной полосѣ, гдѣ нападенія не прекращались даже и во время официальнаго мира. Все таки и здѣсь нельзя было говорить о полномъ истребленіи. Гдѣ *conscriptioes dicales* подчеркиваютъ *possessio deserta*, это еще вообще нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ.

¹ Acsádi т. с. 261.

² Т. с. 321.

³ Archiv für Öster. Gesch. XX.

⁴ Acsádi т. с. 263.

Слѣдуетъ помнить, что враждующія стороны, чтобы другъ другу затруднить пропитаніе, просто выселили народъ изъ сосѣднихъ сель. Напримѣръ въ 1631 г. въ боршодской жупѣ цѣлая область, съ женами и дѣтьми, слѣдовательно все населеніе, лѣтомъ и зимой укрывалось въ лѣсахъ.¹

Но это во многихъ случаяхъ происходило по собственному рѣшенію. Староста и выборные Зніовскаго Подграда въ 1651 г. сообщили братиславской коморѣ, что, вслѣдствіе неимовѣдно высокихъ податей, они оставляютъ пустыми свои дома, если имъ не помогутъ.² Населеніе города Балашшадярмать не только размышляло о подобномъ способѣ облегченія своей судьбы, но это и провело. Городъ совершенно упразднился, а въ 1671 г. графу Валенту Балашша возвратить назадъ населеніе удалось только потому, что приобѣщаль ему освобожденіе отъ всякихъ податей на три года.³

Какъ потому не оставить свои села русскому населенію, не только податями задавленному, но и пренаслѣдованному какъ по причинѣ народности, такъ прежде всего и за вѣру? Уже законъ VI. отъ 1563 г., а также законы III и XII отъ 1567 г. много занимаются русскими кочевниками. По свидѣтельству этихъ законовъ они жительствоваали въ это время не въ постоянныхъ домахъ, а лишь во временныхъ хижинахъ или подъ шатрами. Чтобы ихъ привести опять къ постоянному поселенію, снова прибѣгали къ посредничеству шолтисовъ и кенезовъ, съ различными обѣщаніями. Напримѣръ, въ бережской жупѣ Гашпаръ Магочій, а послѣ Зигизмундъ Ракоцій, обѣщали имъ увольненіе отъ податей черезъ 5—6 лѣтъ.⁴ Наоборотъ, XVIII законъ отъ 1715 г. просто обязалъ помѣщиковъ, чтобы крестьянство, которое хочетъ возвратиться въ оставленные ими села, могли сдѣлать это безъ всякихъ препятствій.⁵

Однако дѣло не пошло такъ легко: народъ съ одной стороны не довѣрялъ обѣщаніямъ, а съ другой — старался использовать положеніе въ свою пользу. На общее положеніе бросаетъ свѣтъ докладъ той четырехчленной комиссіи, которую король Максимилианъ въ 1570 году отправилъ для провѣрки веденія дѣлъ въ спишской коморѣ, основанной еще

¹ Tört. tár X. 113.

² Acsádi T. c. 301.

³ T. c. 302.

⁴ Tört. tár. 1894, 51—80.

⁵ Acsádi T. c. 342.

въ 1567 году. Говоря о мукачевскомъ имѣніи, докладъ подчеркиваетъ, что тамъ имѣется много новообразовавшихся сель и поселенцамъ дано освобожденіе отъ налоговъ на 12 лѣтъ. Однако русскіе злоупотребили этой льготой и черезъ 12 лѣтъ прекочевали на новое мѣсто, надѣясь тѣмъ самымъ получить новое податное облегченіе.¹

Подобное перекочеваніе было вообще въ обычаѣ въ русскихъ поселеніяхъ. Они переходили изъ одного имѣнія въ другое, стараясь всѣми силами избѣгать повинностей и жить свободно.

Этотъ же процессъ можно видѣть и изъ изслѣдованій урбарій. Въ то время, какъ въ старыхъ урбаріяхъ внесены нѣкоторыя села, какъ заселенныя, — въ новыхъ число обывателей оказывается значительно малочисленнѣе, порою и совсѣмъ исчезаютъ изъ конскрипцій, чтобы опустя нѣкоторое время снова появиться или исчезнуть навсегда...

Помочь этой бѣдѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, использовать русскость въ своихъ цѣляхъ, — вотъ, прежде всего, побудительная причина, которая дала жизнь униі и на Подкарпатьѣ. Примѣръ взяли съ Польши, которая этимъ средствомъ воспользовалась изъ-за опасности со стороны развивающейся со дня на день Руси. Польшу еще болѣе усугубляли постоянныя нападенія казаковъ, турокъ и татаръ. Яковъ Пизо, папскій нунцій при польскомъ правительствѣ, уже въ 1514 году пишетъ въ своемъ докладѣ Риму: „русскій народъ въ Польшѣ въ душѣ сочувствуетъ русскому царству“. А король Сигизмундъ II выразился такъ: „я увѣренъ, что русскій народъ, находящійся подъ моей властью, готовъ, при первой возможности, отдѣлиться отъ моей державы“.¹ Суровое притѣсненіе не привело къ цѣли: русскость сохранилась! Наоборотъ, обстоятельства перемѣнились. Чтобъ русскость не ускользнула изъ ихъ рукъ, обстоятельства требовали снисходительности и удобной сѣти. Не будь крайняго случая, правительства, конечно, никогда не прибѣгли бы къ этому средству. Мысль эта родилась въ головахъ іезуитовъ, которые правильно разсудили, что добиться какой-либо цѣли можно лишь тогда, если къ работѣ привлечь тѣхъ, судьба которыхъ рѣшается.

¹ Докладъ датированъ 4 Августа 1570 г. Оригинальный текстъ находится въ Вѣнѣ въ архивѣ общей финансовой министеріи. Hung. g. 1570.

¹ Ср.: M. Harasiewicz: *Annales Ecclesiae Ruthenae*, Leopoli, 1862; Dr. J. Pelesz: *Geschichte der Union*, Wien, 1878.

Нельзя намъ упускать изъ виду и того, что прибѣжищемъ для Руси на Подкарпатьѣ мало по малу осталась только церковь. Въ густыхъ дубравахъ Карпатъ кое-гдѣ еще и нынѣ можно видѣть этихъ свидѣтелей народной борьбы за жизнь. Всѣ онѣ — маленькія, выстроенныя по горбкамъ изъ дерева, даже гвозди у нихъ-изъ дерева. Наиболѣе древняя изъ нихъ — трочанская въ Шаришѣ, постройку которой преданіе относитъ къ 1338 году.

Въ притѣсненіяхъ, въ каждодневной борьбѣ за свои святыя преданія, утомленный, измученный народъ при всякой возможности, когда только это ему разрѣшалось со стороны барскихъ надзирательей, прежде всего спѣшилъ сюда. Церковь, которую онъ съ трудомъ и кровавымъ потомъ самъ строилъ собственными руками, была его едипственной утѣхой, надеждой и крѣпостью. Здѣсь, въ своей святынѣ, при своемъ древнемъ обрядѣ, забывалъ свою бѣду, недостатокъ и насилія. Плакалъ и надѣялся. Вѣдь, есть еще Богъ на небѣ, а этотъ Бога не оставилъ еще никогда на него искренно уповающихъ. Вѣра его была тверда, какъ скала. Плакалъ и не сомнѣвался, что пройдетъ мимо и сія чаша, появится заря и на святой русской землѣ Подкарпатя, орошенной кровью мучениковъ и политой слезами бѣдныхъ вдовицъ и сиротъ. И не обманулся.

Но такъ какъ восточная церковь была въ Венгріи презираема, то естественно, что и апостолы ея также были презираемы.

Слѣдуетъ намъ подчеркнуть, что реформація обособилась отъ Рима, отказавшись признать главенство папы, а равно — введеніемъ народнаго языка въ богослуженіе, причастіемъ подъ двумя видами и женитьбой священниковъ. Но церковные обряды сначала ни въ чемъ не измѣнились. Катехизисъ западныхъ городовъ, — такъ называемая *confessio heptapolitana* съ 1559 г. или *confessio quintopolitana*, вѣроисповѣданіе городовъ: Левоча, Пряшева, Кошиць, Бардіова и Сабинова съ 1568 г., — явно подчеркиваетъ относительно Евхаристіи: „Вѣримъ и учимъ, что Тѣло и Кровь Господа дѣйствительно и по существу присутствуетъ въ таинствѣ Евхаристіи“.¹ Реформаторы литургизовали еще съ начала XVII столѣтія, также и исповѣдывали.² Распря, раздѣлившая

¹ Ср.: J. Breznyik: A selmeczbányai ág. hitv. ev. egyház és lyceum tört., Selmeczbánya 1883, 145—157.

² Pirhalla M.: A szepesi prépostság tört., Lőcse 1899, ст. 281, 387.

реформацію на лютеранство и кальвинизмъ, заключалась въ вопросѣ „ubiquitas“-а. Лютеране утверждали, что въ лицѣ Христа соединены божеская и человѣческая природы, когда какъ кальвинисты это отрицали.³

Въ чемъ реформація была осуждена Римомъ, безспорно, тѣмъ самымъ приближалась къ русскости. Это обстоятельство, естественно, не могло не явиться какъ въ силу притяженія къ русскости, такъ, тѣмъ болѣе, еще и потому, что вмѣстѣ съ тѣмъ давало и равноправность, а для священства — освобожденіе отъ крѣпостной работы. Такъ реформація во многихъ мѣстахъ либо завладѣла русскими церквами, либо воспользовалась ими, какъ это случилось въ Трочанѣ, въ шаршской жупѣ, гдѣ церковь съ 1666 года въ протоколѣ о канонической лютеранской визитаціи означена, какъ общая, съ русскими.⁴ Священство изъ-за личныхъ интересовъ самовольно отходило къ нимъ. Въ распоряженіяхъ чичавскаго барскаго имѣнія въ 1585 году подчеркивается, что не нужно накладывать дань (налогъ) на того русскаго священника, который станетъ христіаниномъ, т. е. протестантомъ, однако, если такой лукавитъ и это будетъ установлено, то онъ не только обязанъ заплатить дань, но еще слѣдуетъ и наказать его.⁵ Первымъ протестантомъ, о которомъ мы знаемъ, былъ нѣкій Григорій, лопуховскій священникъ, около 1564 года.⁶ За нимъ слѣдуетъ Николай Accipitrinus, происходившій изъ шаршскаго Ястреба, который носилъ свое имя по-латыни, согласно общей тогдашней модѣ. Онъ былъ управляющимъ школой въ Брезовицѣ около 1580 года.⁷ Кажется, его сыномъ былъ Іоаннъ Jastrebinus, также учитель брезовицкій до 1653 года.⁸ Все имя онъ носилъ по мѣсту своего происхожденія. Во второй половинѣ XVII столѣтія игралъ большую роль въ жизни лютеранъ нѣкій Іезекіиль Чернота, приходникъ въ Хмеловѣ, родомъ изъ Великаго Липника.⁹ Вслѣдствіе этого, реформаторы, въ скоромъ времени, стали вмѣшиваться даже и въ самое управленіе русской церковью. Какъ объ этомъ сообщаетъ Липпай, примасъ мадьярскій, Георгій Ракоци, а, въ особенности, его супруга Анна Лорантфи, всѣми сред-

³ Pázmány: Kalauz, fol. 435, 854.

⁴ Hörk J.: A Sáros-zempléni ev. esperesség tört., Kassa 1885, 288.

⁵ Adal. Zempl. vm. tört.-hez 1904, 292.

⁶ Hörk т. с. 332.

⁷ Т. с. 32.

⁸ Т. с. 233.

⁹ Т. с. 153.

ствами „laboravit laboratque de facto istos Ruthenos sacerdotes facere plane calvinistas, ita ut post mortem ultimi schismatici episcopi convocaverit duodecim praedicantes calvinistas, qui unum elegerunt ex sacerdotibus Ruthenis schismaticis et constituerunt illum episcopum Munkaczensem sine ulla alia consecratione, etiam schismaticis graecis consueta, solum exegerunt juramentum ab illo, quod velit cum calvinistis sentire, fidelis esse principissae“.¹

Нельзя упускать намъ изъ виду, что съ 1582 года былъ введенъ новый григоріанскій календарь. Правда, по причинѣ ненависти къ Риму, сначала противились введенію его и протестанты Мадьяріи, вопреки закону подъ номеромъ 28—1588 года.² Но закономъ 1599 года подъ номеромъ 45 было указано, что „concionatores publicae constitutioni hac de re sancitae sese opposcentes reperti fuerint ii proventus suis ecclesiasticos statim et de facto amittant Civitates autem et domini terrestres, si qui similiter sese eidem publico statuto opponere ausi fuerint, ac vetus Calendarium imprimi curarent, illico uti comperti fuerint, puniat et mulctet eos Sua Majestas in mille florenis toties, quoties contumaces fuerint“. Однако восточная церковь еще 28 января 1583 года запретила пользоваться новымъ календаремъ подъ угрозой проклятія, что было широко опубликовано. Объ этомъ, естественно, и Карпатская Русь не могла не узнать: вѣдь, карпаторусскіе странники постоянно бывали въ Москвѣ. Но это ясно доказывается и записями въ старыхъ церковныхъ книгахъ.³ Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе этого, тѣ священники, которые, ради своего личнаго интереса, прикнули къ протестантизму, попали въ сложное положеніе. Народъ до сихъ поръ ничего не могъ замѣтить, вѣдь все пошло на старый ладъ, а священнику жилось все-таки лучше, потому что онъ, какъ протестантъ, былъ освобожденъ отъ крѣпостныхъ обязанностей. Бѣда увеличивалась лишь тѣмъ, что, именно съ введеніемъ новаго календаря въ жизнь у протестантизма началось сокращеніе обрядовъ и древнихъ церковныхъ обычаевъ, прямо, какъ бы въ отместку за изданіе закона, которымъ навязывался новый календарь. Началось упрощеніе убранства, роскоши, выбрасывались образа и

¹ Ср. Nilles 831 ст. Въ Recordationes et Decreta Iosифа де Камелисъ находимъ подъ 1690 г: Interdixi Ruthenis, habitantibus in oppidis Szölös, Feketeardó et Szölösvégardó, ne solvant praedicantibus calvinis.

² Германія только въ 1699 г., Данія въ 1701 г., Англія въ 1752 г., Скандинавія въ 1753, тогда какъ Швеція лишь въ 1798 г. приняли его.

³ Melles: Naptáregyesítés, Ungvár, 1898, ст. 2.

сжигались иконостасы. Естественно, что это обстоятельство насколько затрагивало добросовѣстныхъ священниковъ, настолько не могло не раздражать народъ. Не безинтересно отмѣтить, что однимъ изъ главныхъ лозунговъ возстанія Петра Чисара была борьба за православную вѣру.¹

Съ тѣмъ, почти само собой, правительству внушался способъ къ уловленію русскости, такъ что и, на самомъ дѣлѣ, онъ не избѣгъ его вниманія. Напротивъ, не можетъ прямо не бросаться въ глаза, что правительство именно съ тѣмъ подходило къ священству, что его положеніе являлось наиболѣе затруднительнымъ вслѣдствіе переменъ, случившейся въ кругахъ протестантовъ. Весьма умно и хитро, пока, съ одной стороны, обѣщалось полное равноправіе, за что требовалось, взамѣнъ, только признаніе римскаго папы, — съ другой стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣликомъ обезпечивалось сохраненіе обряда и народности, и даже — выборъ своихъ представителей. Правительство хорошо понимало, что съ привлеченіемъ священства оно получить въ свои руки наиболѣе удобное средство, съ помощью котораго ему легче всего будетъ возможно воздѣйствовать и на народъ, а, въ такомъ случаѣ, пока, съ одной стороны, парализуются усилія турокъ и семиградскихъ князей, а, съ другой стороны, будетъ возможно помѣшать опекунству Руси. Смотри на эту эволюцію, которая произошла въ протестантизмѣ, правительство льстило себя надеждой на успѣхъ, — тѣмъ болѣе, что Москва, хотя и привлекала ежегодно многочисленныхъ представителей народной массы, являвшихся туда съ жалобами на притѣснителей и испрашивавшихъ милостей и поддержки, — была еще слабой, чтобы рѣшительно взяться за дѣло спасенія своихъ соплеменниковъ.

Это покушеніе, конечно, не могло не заинтересовать священство. Но ухватились за него больше только тѣ, для которыхъ унія явилась удобнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ они находились вслѣдствіе реформаціи, будучи убѣждены, что, принявъ унію, все останется по старому. По преданію было ихъ 63 человекъ, которые 24 апрѣля 1646 года сложили обѣтъ вѣрности предъ Якушичемъ, епископомъ ягерскимъ. Интересно, что они происходили изъ Спиша, Шариша, Абауя, Саболча, Землина и

¹ Tört. tár, 1899: 495-6.

Ужа, слѣдовательно, изъ тѣхъ земель, гдѣ контрреформація раньше всего имѣла успѣхъ.

Туть-то и было положено основаніе къ реализаціи древняго софизма:

Русскіе не вѣрны Риму. Поэтому, кто подчинится Риму тотъ, естественно, не можетъ считаться русскимъ и въ дальнѣйшемъ.

Такъ выростала рутенская нація, рутенскій обрядъ, рутенскій епископъ и т. д.

Безспорно, однако, что сначала даже не всѣ протестантствующіе приняли унію, больше того, нѣкоторые изъ послѣднихъ, въ особенности жительствовавшіе въ имѣніяхъ семиградскихъ князей или ихъ приверженцевъ, по примѣру епископа Тарасевича,¹ вскорѣ отпали отъ уніи. Это обстоятельство, наоборотъ, вызвало различныя ссоры и насилія, которыя были направлены къ требованію обратно всего своего, по методамъ контрреформаціи. Напримѣръ, староста Пеклянки въ 1663 году ходатайствовалъ о помощи у намѣстничества лютеранской церкви противъ русскаго священника, который завладѣлъ ихъ храмомъ.² Около 1680 года нѣкій Ройковичъ, ошиковскій священникъ захватилъ лютеранскій храмъ въ Яновцахъ.³

Однако, у священниковъ не могли, вскорѣ, не возникнуть сомнѣнія. Вѣдь, проходили годы, а равноправность нигдѣ и ни въ какомъ отношеніи не была удовлетворена. Напротивъ, пока священники и въ дальнѣйшемъ оставались въ крѣпостной зависимости, выборы епископа не производились, а вмѣсто своего человѣка стали присылать разныхъ чужаковъ, въ качествѣ простыхъ викаріевъ *in partibus infidelium*. Только грамота Леопольда 1692 года открыла глаза священникамъ: въ ней подчеркивалось, въ видѣ пожеланія, чтобы „*festa tam mobilia, quam articularia et pro dicecesium varietate ab ordinariis locorum instituta etiam gr. r. uniti iisdem diebus celebrent, quibus latini celebrare consueverunt.*“

Съ другой стороны, въ противовѣсъ этому, нельзя намъ упускать изъ виду, что съ 1689 года на русскій престолъ вступилъ Петръ Великій, который не только Россію быстро сдѣлалъ замѣтнымъ факторомъ международной политики, но и, не мечтая о достиженіи, хотя бы насиліемъ, отторгнутыхъ

¹ Ср.: Hodinka A.: A munkácsi püsp. tört. 315.

² Hörk. 139.

³ Т. с. 297.

отъ Руси ея историческихъ земель, — все же этотъ вопросъ ставиль цѣлью своей программы.

Однако, Габсбургамъ съ помощью польскаго короля Яна Собѣскаго, еще въ 1683 году удалось поколебать власть турокъ въ Мадьяріи. За первымъ успѣхомъ, въ скоромъ времени, послѣдовалъ и второй. Въ 1686 году въ рукахъ Габсбурговъ находился уже и Будимъ. Къ концу XVII. столѣтія почти вся Мадьярія была очищена отъ турокъ, даже и семиградское княжество признавало власть Габсбурговъ. Такимъ образомъ, давнишнія исконныя мечты Габсбурговъ исполнились, къ которымъ они стремились давно; Мадьярія, дѣйствительно, принадлежала имъ и данный успѣхъ былъ тѣмъ значительнѣе, что онъ былъ достигнутъ при помощи оружія. Это и дало толчокъ къ тѣмъ распоряженіямъ, которыя послѣдовали изъ Вѣны вслѣдствіе этого факта.

Такъ какъ Мадьярія была добыта оружіемъ, она считалась простой добычей, относительно которой вся программа заключалась въ ея германизации. Однако, чтобы достигнуть этого, безспорно нужно было, прежде всего, истребить народный духъ. Носителемъ его явился протестантизмъ. Католицизмъ же, получая себѣ поддержку со стороны династіи, являлся вполне орудіемъ правительства и всецѣло работаль на пользу поглощенія. Еще въ 1687 году въ Пряшевѣ былъ образованъ судебный трибуналъ, во главѣ съ генераломъ Караффа, задачей котораго было всяческимъ способомъ опозорить или уничтожить вождей протестантизма.

Это насиліе, насколько не могло не раздражить мадьярскую партію, настолько не могло не явиться достаточнымъ напоминаніемъ о русскости Карпатъ. Знакомъ неудовольствія было возстаніе 1697 года, съ центромъ въ Землинѣ.¹ За этимъ возстаніемъ вскорѣ послѣдовало второе, болѣе значительное, извѣстное подъ именемъ возстанія Ракоція, ядромъ котораго были карпатороссы, а на заднемъ планѣ его стоялъ самъ Петръ Великій, назначившій ко двору Ракоція особаго посла въ лицѣ Давида Ивановича Чорба.² Интересно, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Ракоція было — подчиненіе Мукачевскаго епископства Кіевской митрополіи, куда оно, какъ это уже замѣтилось, когда-то принадлежало,³ а епископомъ назначилъ своего довѣреннаго, Петронія Каминскаго.

¹ Ср. Adal. Zemplén várm. tört.-hez 1899, 1902, 1910.

² Ср.: Письма и бумаги Петра Великаго II. 54. и. д.

³ Archivum Rakocz. II. 24—5, 27, 45—6.

Если бы силы Петра Великаго не были одновременно парализованы со стороны шведовъ, то это возстаніе смогло бы значительно улучшить судьбу Карпатской Руси. Къ тому же, провалу его на мало способствовало уже и самая нерѣшительность Ракоція, который чѣмъ дальше уходилъ отъ Карпатъ, тѣмъ болѣе попадалъ подъ вліяніе дворянства. Естественно, что Вѣна воспѣшила использовать такое положеніе. Въ народѣ было возбуждено недовѣріе при помощи священниковъ, которые думали, что въ награду за ихъ услуги дѣйствительно будутъ удовлетворены обѣщанія, неоднократно имъ повторяемая. Одного изъ такихъ работниковъ генераль Будаи еще въ началѣ 1704 года послалъ къ Ракоцію.¹ Въ 1708 году нѣкій Кохларовичъ, буковецкій священникъ, былъ посаженъ въ тюрьму,² потому что онъ вооружалъ людей противъ Ракоція. Та же судьба постигла и гуменянскаго приходника.³ Интересно, что, напримѣръ въ бережской жупѣ, народъ еще и въ 1738 году протестовалъ, чтобы священники молились за Габсбурговъ.⁴

Какъ только замолкли пушки возстанія Ракоція, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратились и волненія русскихъ на сѣверо-востокѣ. Массы успокоились; произошло это тѣмъ скорѣе, что населеніе въ постоянной борьбѣ измучилось, и къ тому же, вслѣдствіе обезоруженія мятежниковъ, исчезла даже возможность къ дальнѣйшему сопротивленію.

Однако тѣмъ, которые помогали этому дѣлу, пришлось скоро обмануться въ своихъ надеждахъ.

Естественно, что правительство спѣшило продолжать свою работу тамъ, гдѣ ее пришлось изъ-за мятежа прекратить. Это тѣмъ болѣе было возможно, что теперь этому ничего не мѣшало: турки были изгнаны, а Семиградъ пересталъ существовать.

Злоба направилась, естественно, прежде всего противъ реформаціи. Предикаторы изгонялись, заточались и высылались на каторжную работу, а ихъ церкви конфисковывались.

Какъ мы уже подчеркнули, реформація завладѣла и русскими церквями, больше того, они имѣли ихъ на сѣверо-востокѣ большинство. Послѣ конфискаціи, естественно, что прежніе русскіе храмы, по справедливости, должны были

¹ Т. с. I. 349.

² Századok 1881. 24; Arch. Rakocz. I. 172

³ Arch. Rakocz. I. 185.

⁴ Acsádi 354.

быть отданы русскимъ. Да и сами русскіе не замедлили приступить къ ревиндикаціи. На то ясно указываетъ и переписка суперинтенданта лютеранской церкви отъ 15-го февраля 1713 года съ мукачевскимъ епархіальнымъ правительствомъ, въ которой ярко выраженъ протестъ противъ занятія церковей силой со стороны русскихъ, въ особенности въ Землинѣ.¹

Характернымъ, однако, является то положеніе, что латинская церковь присвоила себѣ даже нѣсколько изъ тѣхъ храмовъ, которые русскимъ удалось изъ своихъ вернуть себѣ: такъ, на примѣръ, въ Якубовой Волѣ, возлѣ Липянь, въ Личертѣ при Обишовцахъ, въ Сѣдлицахъ, и такъ далѣе. Клара Варкоци, сестра современнаго мадьярскаго примаса, и Стефанъ Борнемисса, поджупанъ шаршшкій, въ особенности отличились въ латинизаціи. Они, въ сопровожденіи гайдуковъ, окружали церкви, разбивали двери и, какъ только плебанъ, сопровождавшій ихъ, возлагалъ облатку на алтарѣ, тѣмъ самымъ каждая церковь становилась латинской. Тамъ, гдѣ народъ протестовалъ противъ такого насилія, получалъ взбучку, бунтовщики запирались въ тюрьмы, откуда не выпускались до тѣхъ поръ, пока они не переходили въ латинское вѣроисповѣданіе. Попавъ зимой въ плѣнъ, болѣе возвышавшіе свой голосъ были посажены въ рѣку, откуда до тѣхъ поръ не были выпущены, пока не пообѣщали, что станутъ апостолами латинства.²

Такъ было окончательно потеряно много русскихъ церквей. Изъ прежнихъ русскихъ храмовъ, ревиндикованныхъ у лютеранъ, русскимъ удалось сохранить въ своихъ рукахъ лишь храмы въ Мальцовѣ, Герлаховѣ, Дячовѣ, Пеклянкѣ и въ Глинѣ.

Одновременно прибыла толпа іезуитовъ, которые спѣшили словами служить той же самой цѣли. Вслѣдствіе ихъ работы число русскихъ храмовъ на Спишѣ съ 45, сколько ихъ было еще во времена Липпая примаса, упало до 13-ти. Михаилъ Канюкъ, родившійся въ Нижнемъ Репашѣ, нѣкогда пряшевскій крилошанинъ, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Бывшему еще хлопцу, прибыли въ Нижній Репашъ двое іезуите, ревно проповѣдавшии первенство римскаго престола и обряда. Потому хотѣвши показать свое жестоко-

¹ H6rk 150.

² Ср.: A. Fabó: Monum. Ev. A. C. in Hung. histor. I—III. Pest, 1861—5.

житіе, обнажили себѣ хребты и крѣпкіе удары давали по нихъ дисциплинами, отъ дрововъ сплеченными бѣчками (розгами). Народъ удивлялся, даже и селзиль. Но не по долгу времени стался хохоть и была слышна клятва со всѣхъ сторонъ. Что же случилось? Одному изъ Божіихъ посланниковъ спустилась кожа отъ хребта. Что то было? Найсвятѣйшій отецъ привязалъ себѣ на хребетъ фляки, — внутрення скота черева, — и по сему ударялся дисциплино такъ крѣпко. Но Господь открылъ эту прелесть предъ народомъ и его сохранилъ отъ обманства. Такъ содержалъ Нижній Репашъ свой святой обрядъ, якоже и близкія села — Ториска и Ольшавица.“

Одновременно прекратилась и самостоятельность церковной жизни. Правда, чужаковъ болѣе не назначали насильно епископами, даже и выборы были восстановлены. Однако, епископы подчинились во всѣхъ отношеніяхъ ягерскому латинскому епископу и являлись простыми его викаріями. Они обязаны были сложить предъ нимъ исповѣданіе вѣры и дать клятву вѣрности.¹ Безъ согласія ягерскаго епископа они не имѣли права созывать Синодъ, предпринимать визитацію церквей, рукополагать священниковъ и опредѣлять ихъ на приходы, разрѣшать постройку новыхъ церквей, освящать ихъ и устраивать новые приходы.² Было время, когда въ мукачевской епископской консисторіи занимали первое мѣсто и первыми подписывались на бумагахъ мукачевскій латинскій плебанъ со своимъ капелланомъ.³ Тринадцать спишскихъ приходовъ, два торнянскихъ и одинъ гемеерскій были непосредственно подчинены спишской латинской капитулѣ.⁴ Въ Мармарошѣ, по словамъ Симонича: „certe superioribus scholarum Piarum collegii Szigethiensis ab anno 1730. clerus graeci ritus in Marmatia, tamquam vicariis subordinatus fuit.“⁵ Уніатскія филиальныя церкви были приписаны къ латинскимъ плебаніямъ. Надзоръ за образомъ жизни духовенства былъ ввѣренъ латинскимъ же деканамъ. Часть доходовъ, подъ угрозой вмѣшательства гражданскихъ властей,

¹ Дулишковичъ: Историческія черты угро-русскихъ. Ужгородъ, 1874—7. III. 47, 125—139. Ср.: А. Петровъ: Матеріалы для исторіи Угорской Руси, Старая вѣра и унія въ XVII—XVIII в. в. С. Петербургъ, 1906 г.

² Тамъ же III. 60, 135—147.

³ Тамъ же III. 54—61.

⁴ Тамъ же III. 132.

⁵ I. Simonchicz, Noctium Marmaticarum Vigiliae. Anno 1803. Мадьярскій Національный Музей. Ms. lat. No. 274.

должна была поступать въ пользу латинскаго духовенства. Тамъ, гдѣ не было уніатскихъ церквей, уніаты непосредственно подчинялись латинскимъ плебанамъ. Смѣшанные браки уніатовъ съ католиками совершались латинскимъ духовенствомъ. Было издано даже распоряженіе, что уніаты должны праздновать католическіе праздники и т. д.¹

Чтобы, какъ можно скорѣе, покончить съ русскостью, еще примазь Коллоничъ основалъ изъ фундаціи Франциска Яніа 22-го февраля 1709 года для русскихъ стипендіи въ тирнавской іезуитской коллегіи, а, затѣмъ, въ 1754 году было прибавлено еще 6 мѣстъ въ ягерской латинской семинаріи, чтобы воспитать для себя духомъ и тѣломъ преданныхъ людей. Чтобы не забыть и о народѣ, для уловленія котораго подготавлился урбаръ, одновременно прибыли новые поселенцы, главнымъ образомъ въ Берегъ и Мармарошъ, гдѣ наиболѣе сопротивлялись этому насилію. Сюда были направлены поселенцы изъ Гмундена и Верхней Австріи, при чемъ тогда осѣли нѣмцы въ Ясинѣ, Вишовѣ, Раховѣ и т. д. Характерно при этомъ, что русскіе просто изгнались изъ своихъ домовъ, которые были отданы прибывшимъ нѣмцамъ.²

Эта тяжелая опека продолжалась по 1771 годъ. Признаки надвигающейся французской революціи, равно какъ и быстрый подъемъ Руси во времена Екатерины Великой, требовали осторожныхъ дѣйствій въ этомъ отношеніи. Характеризуетъ положеніе, что латинизмъ послѣ того, какъ стало ясно, что добиться желательной цѣли, которую заключала въ себѣ по существу унія, не удастся помощью предпринятыхъ методовъ, посредствомъ правительства обратилось къ епископу Андрею Бачинскому съ предложеніемъ, вести дѣло своей церкви къ уничтоженію восточнаго обряда и къ совершенному слянію ея съ церковью латинской, льстя его самолюбію и соблазняя видами на перемѣну: *изъ уніатскаго епископа стать латинскимъ примасомъ Мадьяріи*. Долго передавался изъ устъ въ уста его отвѣтъ на это предложеніе: „Докля буде азъ, буки, вѣди, — сего не буде!“ Чтобы объяснить этотъ загадочный отвѣтъ, нужно замѣтить, что три слова, обозначающія его полное имя, которымъ онъ подписывался: Андрей Бачинскій, Владыка, начинаются съ первыхъ трехъ буквъ русской аз-

¹ Дулишковичъ: III. 60, 132—135., Feiedler: Beiträge zur Geschichte des Union. Wien, 1862, 4^{se}6.

² Ср.: Sbornik Fr. Pesty-ho, z roku 1864—5., стр. 58.

буки. Поэтому его отвѣтъ заключалъ, прежде всего, ручательство за себя лично, но въ то же время, отвѣчая словами русской азбуки, онъ указывалъ, въ чемъ заключается сила и крѣпость русской церкви и русскаго народа на Подкарпатьѣ.

Естественно, что такой рѣшительный отвѣтъ не могъ никакъ понравиться правительству: тѣмъ сильнѣе усилилось презрѣніе къ русскимъ. Замѣчательнымъ откликомъ этой ненависти является слѣдующій случай. Эрцъ-герцогъ Іосифъ Палатинъ, послѣ смерти своей супруги великой княгини Александры Павловны, согласно своему обѣщанію, данному ей еще при жизни, рѣшилъ построить православную церковь, которая должна была служить усыпальницей его супругѣ. При поднявшихся и развернувшихся со всей силой интригахъ, въ контрактъ, заключенномъ 23-го октября 1801 года, былъ помѣщенъ слѣдующій странный параграфъ: „Wird der Russische Kirche in Jrom die öffentliche Religions-Uebung nicht bewilligt.“¹

Замѣтимъ, что карпаторусскіе священники, какъ только наступили времена Наполеона, должны были представить въ царскую канцелярію слѣдующія свидѣтельства: „Infrascriptus praesentibus sub puritate conscientiae fateor et recognosco: me de praesenti nulli secretae societati aut confraternitati, sive intra ambitum haereditariarum caesareo Regiarum Ditionum, sive extra illas, adlectum esse, neque amodo in posterum in qualemcunque talismodi secretam consociationem, quicunque demum sub praetextu, me immissurum esse“²

Тогда же прекратилось и право избранія епископа. По свидѣтельству Александра Духновича, даже и самъ „Andreas Bac-inszky communi cleri et populi voto in Episcopum electus“.³

Петръ Партенъ, первый униатскій епископъ, былъ избранъ „concordihus votis“. А, какъ подчеркиваетъ источникъ, „voto sacerdotum atque suorum parochianorum“.⁴

Скончавшійся епископъ Георгій Бизанцій, „clerus saec. et reg. convenit et vota sua ad calicem imposuit in altari. Calicem obsignatum expediverunt medio 2 ablegat. ad v. conv. Lelesz fine apertionis, qua facta Sim. Olsavszki adsalutatur eppus“ и т. д.⁵

По смерти епископа Андрея Бачинскаго въ 1809 году, сейчасъ же началось приготовленіе къ выборамъ. Появилась

¹ § 8.

² Пряшевскій епископскій архивъ. Ч. 203--1802.

³ Въ епархіальной пряшевской бібліотекѣ.

⁴ Рукопись Гав. Гевенешія. Библиотека Будапештскаго университета. Т. LXIX., стр. 27—28.

⁵ Lelesz, Actor. 47. a. 1733.

даже литературная дискуссія, чему явнымъ доказательствомъ служить „*Brevissima allocutio ad clerum Dioecesis Munkacsensis*“, появившаяся въ пользу Михаила Канюка въ Левочѣвпослѣдствіи клирошанина пряшевскаго. Однако, Франць 1-ый это движеніе скоро запретилъ,¹ ссылаясь на опасность военно-революціонныхъ временъ, хотя истинная причина этого распоряженія заключалась въ томъ, чтобы отобрать право выбора, а избраніе епископа для карпатороссовъ сосредоточить въ своихъ собственныхъ рукахъ, назначая такихъ людей, которые милы не народу, а — правительству, и являются простымъ орудіемъ въ его рукахъ. Такова была месть за отвѣтъ епископа Бачинскаго.

Съ цѣлью сломить всякое сопротивленіе, епископскій престоль оставили безъ замѣщенія въ теченіе 7-ми лѣтъ, до 1816 года, когда Франць 1-ый, съ согласія Рима, мукачевскую епархію раздѣлилъ на двѣ части, назначивъ епископомъ въ Ужгородъ румына, варадскаго каноника Алексѣя Почія, а въ Пряшевъ — своего повѣреннаго Григорія Тарковича, который былъ чиновникомъ будинской дворной канцеляріи.

То, что не удалось прямо, а съ Бачинскимъ — тайно, теперь разрабатывалось медленно, съ разбиваніемъ единства, съ подавленіемъ духа, съ уничтоженіемъ обряда, азбуки календаря и т. д. Этой адской работѣ лишь способствовалъ тотъ обманъ, жертвой котораго стала въ 1849 году Россія изъ-за австро-славизма, слѣдствіемъ чего ревиндикація русскихъ историческихъ земель снова была отодвинута на неопредѣленное время. Вѣдь, насколько было яснымъ, что Русь никогда не допуститъ проведенія въ жизнь того лукаваго плана настолько въ интересахъ Габсбурговъ было задавить русскость въ Карпатахъ до той поры, когда пробьетъ часъ мести, а Русь тогда оказалась бы предъ лицомъ свершившихся событій. Съ этой цѣлью за Карпатами былъ насаждаемъ украинизмъ тогда какъ на югъ отъ Карпатскаго хребта усиленно проводилась мадьяризація.

Это давленіе, безспорно, не могло не принести своихъ плодовъ. Попрадовъ, этотъ наибольшій пѣвецъ русскости

¹ Распоряженіемъ отъ 20-го апрѣля 1810 года подъ № 895. Чего больше, — на Спишѣ, гдѣ движеніе и чувство обиды было наиболее сильнымъ, вскорѣ появился самъ архи-князь Юсифъ, чтобы своимъ личнымъ присутствіемъ придать императорскому приказу большій авторитетъ!

Подкарпатья, конечно, не безъ причины подчеркивалъ въ своемъ послѣднемъ стихотвореніи 1897 года:

„Я каждый разъ, когда гуляю
 Въ лѣсахъ Бескида, въ тишинѣ,
 Скорблю душой и размышляю
 Объ угро-русской родинѣ:
 Что будетъ съ нею? рѣшено ли
 Ей умереть или жить далѣй?
 Возстанетъ ли еще отъ сна,
 Иль смерти ужъ обречена?“

„*Lasciate ogni speranza*“.

Все-таки его пессимизмъ не оправдался. Болѣе другихъ испортилась лишь интеллигенція, равно какъ и упреки По-прадова относились исключительно къ тѣмъ, которые дол-жны были быть жокаками.

„У нихъ ужъ нѣтъ любви, ни силъ.
 Родной народъ имъ ужъ не милъ!
 Учить свой людъ родному слову
 Для нихъ — проступокъ и позоръ;
 Спасать обрядъ, мораль Христову, —
 Пожалуй, — устарѣлый вздоръ;
 Они лишились вѣры, чести,
 Путемъ предательства и лести
 Ищутъ отличій и наградъ;
 У нихъ все — эгоизмъ, развратъ!“

Однако, даже интеллигенцію нельзя было обвинить огуломъ. Хотя большинство уже руководилось оппортунизмомъ, все-таки не всѣ были таковыми. Духъ Духновича, накореняемый эпохой австро-славизма прямо для того, чтобы укрѣпить Карпатскую Русь въ сознаниі противъ той опасности, которая грозила ей вслѣдствіе этого обмана, — не вездѣ еще исчезъ изъ сердецъ. На Пряшевской Руси, гдѣ Духновичъ жилъ и скончался, до послѣдняго времени не было измѣнниковъ, — были лишь мученики, которые за свою русскость были гонимы по всей мадыарской территоріи. Тѣмъ менѣе можно было бросить какой-либо упрекъ народу. Въ 1896 году, когда Римъ, по интервенціи мадыарско-латинской іерархіи, опасавшейся, въ собственныхъ интересахъ, послѣдствій введенія мадыарскаго языка въ литургію, запретилъ служить литургію на этомъ языкѣ, а повелѣлъ сжечь литургичныя

книги, — епископъ Фирцакъ опрашивалъ своихъ священниковъ, можно ли прекратить все это движеніе? „Можно. Безъ всякихъ послѣдствій!“ звучалъ отвѣтъ. Народъ вездѣ, и по долинамъ, придерживался своихъ преданій, а если бы церковныя школы обучали родному языку, то онъ бы ничѣмъ не чувствовалъ потребности въ мадыарскомъ языкѣ, въ особенности, — въ религіи. Но какъ тогда выдвинуться оппортунистамъ? Однако, все, что портилось, то, въ большей или меньшей степени было исправлено Америкой, куда съ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія началъ переселяться народъ, такъ какъ тамъ ничто ему не препятствовало жить по-русски. Америка не только съ матеріальной, но и съ народной точки зрѣнія, вскорѣ стала источникомъ возрожденія.

Правда, громко подчеркивается: „Podkarpatšti Rusové tím, že byli odtrženi od svých soukmenovců a politicky svázáni s Utry, ztratili povědomí národní souvislosti s nimi.“¹

Несмотря на то, что и въ томъ случаѣ, если бы, въ дѣйствительности, сознательность уже исчезла изъ русскости Подкарпатя, то это еще, вообще, ничѣмъ не мѣшало бы историческимъ правамъ Руси, безспорно, что въ данномъ утвержденіи заключается большое заблужденіе. Тѣмъ, что карпатороссы были оторваны отъ прочаго русскаго міра, конечно, они не могли еще потерять сознание своего племенного единства. Это было лишь средствомъ къ искорененію этого сознанія, — подобно тому, какъ отрывъ восточной вѣтви чехо-моравскаго народа способствовалъ образованію словенщины.

Спустя 4 года послѣ смерти Попрадова, мадыарскій министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ парламенту проэктъ въ дѣлѣ учрежденія пограничной полиціи. Планъ этотъ былъ принятъ и проведенъ въ жизнь закономъ за № 8 — 1903 года. Въ силу этого закона вся мадыарская пограничная область была раздѣлена на 12 округовъ² съ 24 экспозитурами³. Во главѣ cadaго округа стоялъ капитанъ, подчинявшійся непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ. Конечно, не можетъ не броситься въ глаза, что 4 капитаната съ 9 экспо-

¹ Husek: Narodopisná hranice 1925. стр. 349.

² Сиготъ, Мукачево, Ужгородъ, Бардіовъ, Жилина, Братислава, Шопронъ, Панчова, Оршова, Брашшовъ, Быстрица и Фіуме.

³ Вишшовъ, Ясина, Воловое, Воловецъ, Верецки, Березна, Межилаборцы, Свидникъ, Люботина, Чадца, Врутки, Сакольца, Киральгаза, Надьмартонъ, Лайтауйфалу, Пинкафео, Дянафалва, Базіашъ, Петрожень, Водица, Предеаль, Верешторонъ, Чикдѣмешъ и Тельдѣшъ.

зитурами, т. е. болѣе, чѣмъ треть этого учрежденія, приходились на русскія области — отъ Попрада по Тису. Если принять во вниманіе, что эта территория тогда являлась лишь пограничною областью второстепеннаго значенія какъ граничащей съ Австріей, въ противоположность юго-востоку и югу, гдѣ сосѣдями были румыны и сербы, — а, за исключеніемъ Орлова, здѣсь больше не было другихъ проходныхъ пунктовъ въ Америку, — то естественный является вопросъ, въ чемъ заключаются причины и смыслъ такого выдающагося вниманія къ этой территоріи? Вѣдь, гдѣ нѣтъ сознательности, — тамъ нѣтъ настроенія, а гдѣ нѣтъ настроенія, — тамъ нечего опасаться. Наоборотъ, тамъ, гдѣ власть прибѣгаетъ къ чрезвычайнымъ средствамъ, это случается потому, что есть чего опасаться. Если же что-то мѣшается дѣлу, то тамъ должны быть желанія, настроенія. Мадыарское правительство, кромѣ 4 пограничныхъ капитанатовъ и 9 экспозитуръ, конечно, не поручало бы область русскихъ особому надзору Арнольфа Дулишковича, начальника сыскной полиціи, если бы правильнымъ было то утвержденіе, что „Подкарпатскіе Русскіе тѣмъ, что были оторваны отъ своихъ соплеменниковъ, а политически были связаны съ Венгріей, — утратили понятіе народной связи съ ними“.

Какъ только вспыхнула война, Дулишковичъ со своей гвардіей былъ командированъ немедленно въ Америку, чтобы слѣдить за настроеніями русскихъ. Оттуда вся эта братія вернулась лишь одновременно со вступленіемъ Америки въ войну. А дома? Вся Карпаторусская область была отдана подъ строжайшій надзоръ. Не дѣлалось изъятія, вообще, никому! Чего больше: подъ полицейскимъ контролемъ находились и епископскія канцеляріи. Жизнь народа, можно было считать, становилась адомъ, ужасы котораго дѣлались тѣмъ грознѣе и, прямо, невыносимѣе, чѣмъ быстрѣе продвигались впередъ русскія войска.

Не говоря ужъ о различныхъ издѣвательствахъ, преслѣдованіяхъ и самовольныхъ реквизиціяхъ, достаточно вспомнить, что изъ среды престопаго, за время съ 20 сентября по конецъ ноября мѣсяца 1914 года, т. е. почти за три мѣсяца, только насколько мы знаемъ было разстрѣляно и повѣшено сорокъ три человекъ. Не было правды, не было милости, не было прибѣжища!

Особенно тяжелымъ было положеніе въ районѣ треть-

яго корпуса, стоявшаго на Топлѣ, которымъ командоваль нѣкій генераль Колерусъ, а также — въ районѣ седьмого корпуса, на Лаборцѣ, гдѣ командоваль архи-князь Юсифъ. Здѣсь даже церквей не миловали: ихъ по-просту заняли подъ казармы!

Если бы кто-нибудь посѣтилъ въ концѣ сентября 1914 года на пр. Землинскую Палоту, то увидѣлъ бы на церковномъ дворѣ лошадей и всюду разбросанный соръ: сѣно, навозъ и консервныя коробки. Самъ храмъ былъ обращенъ въ кантину офицеровъ 96 полка. Возлѣ стѣны и иконостаса стояли кровати, а на серединѣ церкви былъ поставленъ столъ, на которомъ нагромождены были блюда съ ѣдой, бутылки съ виномъ, пивомъ и разными ликерами. У стола сидѣли въ головныхъ уборахъ офицеры, которые ѣли, пили, курили трубки и безчинствовали. Церковная утварь и одежды были разбросаны на полу.¹

Хотя русскія войска изображались въ видѣ разбойниковъ, хищниковъ и разрушителей, но таковыми оказались австро-венгерскія войска, сжигавшія села, грабившія людей и разрушавшія храмы, школы и т. д., чѣмъ причиняли огромные и неисчислимые убытки бѣдному населенію. Всѣ села, сожженныя въ концѣ ноября 1914 года на Маковицѣ, были сожжены войсками третьяго австро-венгерскаго корпуса. Ничего не разрѣшалось спасать! Войска штыками отгоняли народъ! Люди на развалинахъ своихъ домовъ, безъ хлѣба, подъ открытымъ небомъ, при 12—15 градусномъ морозѣ, черезъ три дня кормились спаленымъ ячменемъ и картошками, пока пришло русское войско и, видя ужасное положеніе, изъ своего запаса раздавало: хлѣбъ, муку, соль, сахаръ и снабжали женщинъ и мужчинъ обувью.

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ ввели новый календарь и упразднили кириллицу.

Въ этомъ горнилѣ очищалось и укрѣплялось русское самосознаніе на Карпатахъ, безъ чего никогда не смогла бы возродиться Карпатская Русь!

Въ заключеніе зададимъ вопросъ:

Гдѣ были „Východoslováci“ въ то время, когда въ Пряшевѣ уже существовала Русская Народная Рада, единствен-

¹ Докладъ священника отъ 9 октября 1914 годъ подъ № 85, еп. 5375.

² Ср.: Доклады приходника изъ Варадки, за № № 88—914, за № 1—915, и приходника изъ Крайней Быстрой, подъ № 14—915 и т. д.

ная, которая дѣйствовала съ самаго начала со славянской точки зрѣнія во всей сѣверо-восточной области Карпатъ?

Да, конечно, была здѣсь и „Východoslovenská“ Рада, основанная одновременно съ Русской Радой, но хорошо извѣстно, что эта Рада стояла на точкѣ зрѣнія мадьярской цѣлости и неприкосновенности. Словацкая же, или лучше сказать чешско-словенская Рада была основана здѣсь лишь послѣ прибытія на востокъ чешкословенскаго войска и подъ его покровительствомъ. Кто безпристрастно углубится въ историческое изслѣдованіе, легко сможетъ установить, что русскость Подкарпатья, несмотря на то огромное давленіе, которому она подвергалась въ теченіе столѣтій, несравнимо интенсивнѣе сохранила свою сознательность, чѣмъ восточная вѣтвь чехо-моравскаго народа, хотя и находившаяся, сравнительно, во многомъ лучшемъ положеніи, нежели русскость. Вѣдь, кто изъ словаковъ назоветъ себя чехомъ, хотя, безъ сомнѣнія, оба эти народа составляли когда-то одинъи тотъ же историческій народъ? На востокъ отъ Моравы сознание, этого единства настолько уничтожено, что въ душахъ массы не понаходимъ даже его слѣда! Лишь нынѣ это сознание начинаетъ обновляться, но при огромной „bolesti!“ Только „и vzdělanější a politicky prozíravější části roste historické povědomí československé, kdežto jiní se spokojují s provinciálním povědomím slovenským“.¹

Что народная сознательность у карпатороссовъ проявляется нынѣ часто не смѣло, даже больше того: часто скрывается, то врядъ ли этой странности можно удивляться разъ присоединеніе ихъ къ чешкословенской республикѣ не только не удовлетворило ихъ мечтамъ, но, наоборотъ, за свою довѣрчивость русскость Карпатъ въ награду получила грубое презрѣніе, давленіе и немилосердное гоненіе! Не можетъ не остановить вниманія, что ненависть проникла даже въ школу! Нѣтъ такихъ унижительныхъ и насмѣшливыхъ чертъ, которыя не приписывались бы карпатороссамъ, совершенно забывая о томъ, что гадить въ свое гнѣздо — недопустимо само по себѣ!

Допустимъ даже, что мнѣніе о карпатороссахъ отвѣчало бы правдѣ, безспорно это явилось бы, предже всего, свидѣтельствомъ убожества тѣхъ, которые захватили правленіе

¹ Husek, J.: Národopisná hranice medzi slováky a karpatorusy. 1925, стр. 346.

надъ ними и правятъ насильственно уже десять лѣтъ! Прямо не можетъ не бросаться въ глаза, что на территоріи Карпатской Руси, еще, вдобавокъ, противъ справедливости умышленно и нарочно сокращенной, въ административномъ аппаратѣ, въ вышихъ его слояхъ, мы не находимъ ни одного своего мѣстнаго человѣка, хотя бы на показъ: всѣ они чужіе! А развѣ не является ироніей судьбы, что карпатороссы вездѣ изображаются въ качествѣ устрашающаго примѣра алкоголизма, въ то время, какъ, если высчитать годовой расходъ на спиртные напитки одного лишь города Ужгорода, то нельзя не замѣтить, что въ этомъ одномъ городѣ за годъ больше выпито, нежели всѣ карпатороссы выпиваютъ въ теченіе года?!..

Такова-то славянская взаимность на практикѣ!

Чѣмъ болѣе она подчеркивается на словахъ, тѣмъ менѣе ея въ дѣйствительности.

Вездѣ эгоизмъ, который тогда лишь позволяетъ облечься въ славянскую шкуру, когда это можно использовать съ выгодой для себя!

Вокругъ насъ ложь, ложь безъ конца!...

Гербъ чешско-словенской республики носить, какъ девизъ, надпись: „Pravda vítězí!“ („Правда побѣждаетъ“)!

Эта гордая надпись заключаетъ въ себѣ большое memento: Правду нельзя экспроприровать! Правда — для всѣхъ! Вѣримъ, что и русская „pravda vítězí! . . .“

Опечатава

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе.	3
I. Исторія вопроса.	5
II. Всеобщіе признаки.	29
III. Карпаторусская древность.	43
IV. Историческая Карпатская Русь.	76
V. Памятники исторической правды.	90
VI. Dies iŕae.	115

Опечатки.

Стр.	строка :	напечатано :	должно быть :
2	1 снизу	Ніколая	Николая
12	7 "	видимъ	видѣли
14	19 "	исторически	историческимъ
17	15 сверху	наибольшее... къ намъ	наибольшее... къ нимъ
18	5 снизу	достаточной силой	достаточной физической силой
19	9 сверху	установленію	устраненію
10	6 снизу	ani	on
20	19 "	ktori	ktorý
20	12 "	ideálym	ideálnym
20	2) примѣтка	si	51
21	5 сверху	конкретнымъ	конкретизированнымъ
22	19 снизу	наразъ, когда	наразъ Когда
22	16 "	круговъ Чехословаки	круговъ, чехословаки
40	6 "	Фогорашѣ	Фогарашѣ
51	16 сверху	имя которой Vihorlát	имя которой по Лаборецъ <i>Маковица</i> отъ Маковки = верхъ, вершина, гористое мѣсто, а послѣ
55	2 "	мѣсто противъ	мѣсто противъ —
57	1) примѣтка	Fájér	Fejér
76	6 сверху	смѣдовательно.	слѣдовательно,
82	1 "	orienten	orientem
82	7 "	ejustem	ejusdem
96	17 снизу	Der Scheppen	Der Schoppen
97	19 сверху	werten	warten
106	17 "	Ronyvom	Ronyvam
112	1 снизу	сохранились престолы	находилось больше престоловъ
122	2 "	pervestatur	perveztautur
122	5 "	subjectiset	subjectis et
132	15 сверху	tuitiori	tutione
133	5 снизу	опредѣлилось	опредѣлилось
136	19 сверху	exterminamo di etreuitus	exterminaudi et penitus
131	4 снизу	Вудинѣ	Будинѣ
132	2 сверху	Капушанъ	Капушанахъ
132	17 "	помѣнило	помѣшало
133	23 "	часта	части
133	4 снизу	соотвѣствующими	соотвѣтствующими
134	6 сверху	завлѣдѣла	завладѣла
134	20 "	поддерживало	поддерживало
134	20 "	кенизы	кенеzy
134	23 "	въ вмѣстѣ	одновременно
134	3 снизу	безспорно	безспорно
135	14 сверху	Криатовича	Коріатовича
135	20 "	содѣйствіомъ	содѣйствіемъ
135	25 "	посенія	поселенія

Стр.	строка :	напечатано :	должно быть :	
135	28	сверху	Hernad как назыв...	Hernad — назыв...
135	30	"	одиа	одна
136	6	"	сейчас ежъ	сейчасъ же
136	11	"	смотреть	смотреѣтъ
136	12	"	нихъ	него
136	4	снизу	внду	виду
137	7	сверху	онъ былъ	оно было
138	12	"	Вольшинство	Большинство
138	10	снизу	остригомскій	остриголмскій
139	17	сверху	двух	двухъ
139	2	снизу	Леополда	Леопольда
139	7	"	иза	изъ
140	3	сверху	свѣдѣтельствовать	свидѣтельствовать
140	9	"	лучшимъ	лучшемъ
140	12	снизу	розсѣченъ	разсѣченъ
141	9	сверху	неимовѣдно	неимовѣрно
142	4	"	этойъ	этой
142	7	"	перекочеваніе	перекочевываніе
142	11	"	можно	можно
142	15	"	исчезаютъ	исчезаютъ
142	15	"	опустя	спустя
143	12	"	надзирательей	надзирателей
143	14	"	единственной	единственной
143	18	"	Бога	Богъ
143	13	снизу	подчеркнуть	подчеркнуть
143	18	"	накладывать	накладывать

4 руб 80 коп
(1986) **354** 81
y

~~3247~~

3247